СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ОСНОВЫ

НАРОДНИЧЕСТВА.

Кобяков, И. Н.

І. ЮЗОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Котомина и К., у Обух. м. д. № 93.
1882.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

„Только пессимизмъ можетъ быть орудіемъ общественнаго развитія“, безпрестанно твердитъ часть нашей прогрессивной интеллигенціи. Эта мнимая истина лежитъ въ основѣ всей ея литературной дѣятельности уже десятки лѣтъ. Многія изъ своихъ убѣжденій она измѣнила впродолженіе этого временн; но пессимизмъ твердо держится и, можно сказать, сдѣлался обязательнымъ для всякого, желающаго идти легко и удобно по традиціоннымъ тропинкамъ либерализма. Традиціи пессимизма глубоко вкоренились въ насъ и, нужно признаться, не безъ основанія. Много добра принесъ онъ, находясь въ рукахъ людей, честно и сознательно направлявшихъ его на реформировку русской мысли; не меньше добра принесетъ онъ въ будущемъ, если не будетъ такъ безразборчиво прилагаться ко всему, какъ это дѣлается теперь. Въ настоящее же время пессимизмъ сдѣлался обязательной формулой мысли, чѣмъ-то въ родѣ необходимаго обряда при литературныхъ ауспиціяхъ. Нарушить этотъ обрядъ— это значить подвергнуться глумленью и насмѣшкамъ разныхъ литературныхъ жрецовъ, другъ передъ другомъ щеголяющихъ мрачными взглядами на все и вся. Степень пессимизма, по ихъ мнѣнію, указываетъ на степень

трезвости мысли, и неудивительно поэтому, что, стараясь доказать наибольшую трезвость своихъ взглядовъ, они довели свой пессимизмъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ имъ немыслимо было допустить естественное развитіе русскаго общества. Всѣ общественные элементы его были ими объявлены неспособными совершить эту задачу. Пессимисты не замѣчали, что, подрывая довѣріе общества ко всѣмъ его элементамъ безъ исключенія, они тѣмъ самымъ убивали мысль о возможности дальнѣйшаго общественнаго развитія. Не могли-же они въ самомъ дѣлѣ думать, что общественное преобразованіе можетъ быть сдѣлано при помощи, положимъ, нѣсколькихъ тысячъ трезво мыслящихъ пессимистовъ? Иначе намъ-бы пришлось смотрѣть на нихъ, какъ на людей съ непомѣрно «повышеннымъ самочувствіемъ», какъ выражаются психіатры, т. е. какъ на людей, одержимыхъ маніей величія.

Дѣйствительно, былъ періодъ, когда наши пессимисты только въ себѣ видѣли альфу и омегу русскаго прогресса. Все остальное—невѣжественно, безнравственно и неспособно къ развитію. Только ими, солью русской земли, можетъ быть оплодотворена косная, неподвижная народная масса и вызвана къ жизни и развитію. Къ счастью русской интеллигенціи, могучіе удары жизни скоро образумили многихъ изъ пессимистовъ и произвели реакцію въ пользу болѣе правдиваго взгляда какъ на свои силы, такъ и на силы народной массы. Мы присутствуемъ теперь при окончательномъ завершеніи цикла пессимистическаго направленія, дошедшаго въ своемъ крайнемъ развитіи до идей, подорвавшихъ его собственное существованіе.

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ пессимизмъ направлялъ свои удары по преимуществу на привиллеги-

рованныя сословія. Безпощадно бичевалъ онъ дворянство, духовенство, бюрократію, купечество; народъ оставлялся въ тѣни, какъ сила, не могущая играть никакой исторической роли. Этотъ юный пессимизмъ заключалъ въ себѣ громадную долю оптимизма,—наука, просвѣщеніе, распространеніе техническихъ знаній, желѣзныя дороги, банки и т. п. служили опорой надеждъ для преобразованія русской общественности. Наука и знанія—думалъ онъ—сдѣлаютъ изъ русскаго помѣщика, купца, чиновника, честныхъ общественныхъ дѣятелей, готовыхъ положить душу за други своя. Всякій, прошедшій университетскій курсъ, вмѣстѣ съ полученіемъ отъ начальства диплома, свидѣтельствующаго о пріобрѣтеніи имъ извѣстныхъ познаній, получалъ отъ общества неписанное свидѣтельство своихъ высокихъ нравственныхъ качествъ. Общество съ недоумѣніемъ таращило глаза при видѣ какого-нибудь безобразнаго постучка дипломнаго мудреца: впрочемъ безобразныхъ поступковъ подобнаго рода было мало, ибо было мало и самыхъ мудрецовъ. Вся задача, по тогдашнему мнѣнію, состояла въ томъ, чтобы какъ можно больше распространить знанія, которыя-де имѣютъ свойство совершенно реформировать душевный складъ человѣка. Отсюда видно, что пессимизмъ перваго періода шелъ рука объ руку съ оптимизмомъ. Если онъ изображалъ самыми мрачными красками часть общества, а другую оставлялъ въ тѣни, то все-таки указывалъ на извѣстную общественную силу, которая, по его мнѣнію, должна совершить миссію общественной реформировки; эта сила была *интиллигенція*. Необразованный землевладѣлецъ притѣсняетъ крестьянъ и заботится только о себѣ, но пусть онъ пройдетъ курсъ Петровской академіи, говорили пессимисты, и онъ сдѣлается полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ; при этомъ разумѣлось, что

крестьяне будутъ въ восторгѣ отъ новаго землевладѣльца. Если судья кривить душой, такъ только потому, что не изучалъ Римскаго права и знакомъ съ Уложеніемъ о наказаніяхъ не изъ профессорскихъ тетрадокъ, а изъ практики. Банковый дѣятель, знатокъ финансовъ, представлялся какимъ-то небожителемъ, изливающимъ на всѣхъ, изъ своего рога изобилія, благосостояніе и довольство.

Такое наивное соединеніе пессимизма относительно привиллегированныхъ сословій и оптимизма, возлагавшаго свои надежды на нихъ-же, только обработанныхъ по новому образцу въ зданіяхъ университетовъ и академій, не могло долго держаться. Пессимизмъ вступаетъ во второй періодъ своего развитія, въ которомъ отъ безпощадно включаетъ въ свою область науку, знаніе. Его загребистая лапа не довольствуется, впрочемъ, этимъ завоеваніемъ, и онъ накидывается на народъ. До сихъ поръ народъ считался ничѣмъ; это—воскъ, изъ котораго всякій, призванный къ власти, могъ лѣпить, что угодно. Такимъ свойствомъ обладали всѣ народы, и русскій не составлялъ исключенія. Народъ—грубая масса *человѣческаго матерьяла*, который только въ искусныхъ рукахъ интеллигенціи получаетъ форму и дѣлается годнымъ для исторической жизни. Пессимизмъ второго фазиса отвергъ это. Русскій народъ—не воскъ, годный къ обработкѣ, а *головотяпы*. Съ головотяпами ничего не подѣлаешь! Гнусное рабство—вотъ отличительная ихъ черта. Они отъ природы неспособны сами руководить своею жизнью. Все хорошее въ ихъ дѣятельности — инстинктивно, дѣлая добро они сами не сознаютъ этого, а поступаютъ только по традиціи; они повинуются обычаю безъ всякой мысли о томъ, хорошъ-ли онъ, или дуренъ. Думать, что народъ самъ по себѣ способенъ развивать-

ся,—нелѣпо; онъ, напротивъ, служитъ тормазомъ всякаго развитія. Интеллигенція (что подраумѣвалось подъ этимъ въ этомъ періодѣ—скажемъ ниже) должна спасти народъ помимо его воли, наперекоръ его стремленіямъ, потому что смѣшно-же-бы было у головотяповъ искать разумныхъ желаній. Онъ умѣетъ сказать только: жрать; интеллигенція же должна уже позаботиться, чтобы жратвы этой было достаточно. Народъ опасенъ своимъ врагамъ только тогда, когда у него нечего ѣсть. И вотъ интеллигенція, чувствуя свое безсиліе, начинаетъ поговаривать: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, т. е. пускай народъ мретъ съ голода—изъ этого могутъ получиться хорошіе результаты для самого народа. Это—апогей розни между народомъ и интеллигенціей. Очевидно, для интеллигенціи народъ былъ чѣмъ-то въ родѣ отвлеченной идеи, о логическомъ развитіи которой она только и заботилась. О народѣ, какъ коллективности, состоящей изъ конкретныхъ единицъ, она и не думала. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно-ли любить головотяпа, гнуснаго человѣчка съ рабской душой?! Если въ будущемъ ему открывались широкіе горизонты, то въ настоящемъ онъ все-таки пакость, и больше ничего. Понятно, что интеллигенція легко мирились съ мыслью о достиженіи широкихъ горизонтовъ путемъ достаточнаго истребленія современнаго человѣчества голодной смертью. На какомъ основаніи она думала, что головотяпы, возбужденные пустотою въ желудкѣ, попадутся въ ея руки—трудно рѣшить. Думать, что этого можно добиться выяснивъ головотяпамъ свою полезность имъ, было-бы напрасно: что-же головотяпъ-то можетъ понять! А если признать, что онъ можетъ понять, то какъ-же помирить это съ его головотяпствомъ.

Вопросъ былъ запутанъ особенно тѣмъ, что параллельно съ распространеніемъ пессимизма на народъ, онъ завладѣлъ и областью знанія, науки. Начали съ того, что стали дѣлить науку на двѣ половины: оффиціальную и неоффиціальную; первая изъ нихъ подверглась прежде всего нападенію пессимизма и была объявлена неимѣющей нравственнаго вліянія на учащихся. Только за неоффиціальной наукой было оставлено это вліяніе. Отсюда получался прямой выводъ, что большинство нашей интеллигенціи, имѣвшей дѣло только съ оффиціальной наукой, должно остаться такимъ, какимъ вышло изъ рукъ природы и среды, его окружавшей. Общество поняло, что изъ университетовъ и академій ему возвращаютъ тѣхъ-же людей, со всѣми ихъ страстями, слабостями и недостатками, только вооруженныхъ извѣстнаго рода знаніями. Оно перестало удивляться ученымъ юристамъ, берущимъ взятки, и ученымъ врачамъ, не особенно чисто поступающимъ во время рекрутскихъ наборовъ. Наука вмѣстѣ съ интеллигенціей были развѣнчаны. Интеллигенція въ громадномъ большинствѣ оказалась ничуть неизмѣненной въ нравственномъ отношеніи; она унаслѣдовала пороки отцовъ, а знанія давали ей возможность съ большею ловкостью обдѣлывать дѣлишки. Все это стало яснымъ, когда народъ застоналъ подъ зубами новыхъ интеллигентныхъ хищниковъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ—одинъ изъ памятниковъ ихъ искусства.

Сдѣлалось очевиднымъ, что возлагать надежды относительно общественнаго развитія на бо́льшую часть интеллигенціи было-бы крупной ошибкой. Такимъ образомъ оказалось, что съ одной стороны стоятъ головотяпы, а съ другой — ловкіе и интеллигентные хищники. Надежды прогресса были сведены на ничтожную группу

такъ-называемыхъ въ то время развитыхъ людей. Развитой человѣкъ, по мнѣнію тогдашнихъ прогрессистовъ, являлся на свѣтъ Божій вслѣдствіе ознакомленія съ извѣстной областью знанія. Въ разное время различно обозначали эту область. Всякій человѣкъ, пріобрѣвшій необходимыя знанія, дѣлался развитымъ, т. е. способнымъ руководствоваться въ своей жизни не личными интересами, а общественнымъ благомъ. Эта чудодѣйственная сила сначала приписывалась трудамъ Молешота, Бюхнера, Дарвина, разнаго рода физіологическимъ трудамъ и вообще естествознанію.

Занимаясь естествознаніемъ, интеллигенція позабыла о нуждахъ народа. Кичливость ея достигла крайнихъ предѣловъ, — въ это-то время и была пущена мысль о головотяпахъ. Спасеніе головотяповъ зависѣло отъ развитыхъ людей, а развитые люди накоплялись изученіемъ естествознанія; отсюда — выводъ: спасеніе головотяповъ въ распространеніи естествознанія. Такъ давайте-же, во имя общаго блага, изучать физіологію, химію, анатомію! И пошла рѣзня лягушекъ, кроликовъ и собакъ, мытье колбъ и пробирокъ. Народъ былъ основательно забытъ, во имя его-же блага. Вѣдь его спасеніе зависѣло исключительно отъ развитыхъ людей; такъ къ чему-же съ нимъ церемониться! Кружокъ развитыхъ людей,—вотъ что достойно вниманія, изученія и помощи; все остальное, не исключая народа, — враждебный лагерь, съ которымъ допускаются всѣ военныя хитрости. Особенно обильные потоки желчи полились на народъ, не желающій знать барскихъ сынковъ, проповѣдующихъ, что „міръ созданъ не Богомъ, а природой“. Поднялся невообразимый гамъ отъ криковъ о невѣжествѣ, грубости, жестокости, дикости русскаго народа. Къ этому хору развитыхъ людей, разумѣется, присоединились ин-

теллигентные люди вообще, такъ какъ всякое униженіе людей, ими обираемыхъ, доставляло имъ извѣстное нравственное удовлетвореніе. Презрѣніе къ народу смягчало тѣ упреки совѣсти, которые бываютъ и у порядочныхъ негодяевъ. Если я живу насчетъ народнаго труда, думалъ интеллигентный человѣкъ, то смущаться этимъ мнѣ нечего: вѣдь народъ стоитъ чуть-ли не на степени вьючнаго животнаго. Его потребности, воззрѣнія и чувства совсѣмъ не похожи на мои, а чѣмъ больше разница между мною и имъ, тѣмъ легче я себя чувствую.

Но опытъ мало-по-малу раскрывалъ глаза и нежелающимъ видѣть. Дѣлалось яснымъ, что лягушки съ пробирками мало подвигаютъ русскихъ людей на дѣйствія, имѣющія въ виду общее благо. Развитые люди задумались на мгновенье и рѣшили измѣнить систему воспитанія. Не естествознаніе спасетъ русскій народъ, а соціальныя науки. Такимъ образомъ пессимизмъ овладѣвалъ однимъ окопомъ за другимъ; область оптимизма съуживалась все болѣе и болѣе. Оказывалось, что спасеніе русскаго народа зависитъ отъ распространенія соціологіи. Взялись за нее.

Соціальныя науки толкуютъ о народѣ, о его благосостояніи; неудивительно, что и развитые люди стали больше думать о головотяпахъ. Но головотяпство народа твердо засѣло въ ихъ головахъ. Они рѣшили: все для народа, но не черезъ народъ. Мы, развитые люди, должны изыскать лучшія, справедливѣйшія формы общественности и предложить ихъ народу. Мы должны доказать ему, что предлагаемыя формы суть самыя справедливыя; а разъ онъ пойметъ это, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ станетъ жить по нимъ. Слѣдовательно, оставалось отыскать идеальную общественную форму, доказать эту ея идеальность,—и дѣло въ шляпѣ.

Идеалъ не замедлилъ отыскаться; это была пресловутая коммуна съ болѣе или менѣе краснымъ оттѣнкомъ. Прежде всего идеалъ былъ испробованъ на своей шкурѣ; при этомъ дѣло почему-то не ладилось, и коммуны лопались, какъ мыльные пузыри. Разумѣется, это зависитъ отъ посторонникъ причинъ, думали соціальныхъ дѣлъ мастера, а не отъ неподготовленности и неспособности людей къ подобнаго рода союзу. Вѣдь коммуна несомнѣнно справедливѣйшая форма общественнаго союза, говорили они, недаромъ первые христіане жили коммунами. Но дѣло все-таки не ладилось. Развитые люди недоумѣвали и, мучительнымъ процессомъ самобичеванія, пришли въ заключенію, что и они сами—плохая опора русскаго прогресса. Итакъ, рушилась послѣдняя надежда на возможность общественнаго развитія: народъ состоитъ изъ головотяповъ, интеллигенція—на три четверти изъ хищниковъ, а развитые люди болѣе способны къ словеснымъ упражненіямъ, нежели къ дѣлу. Это была кульминаціонная точка нашего пессимизма.

Тутъ на помощь явился оптимизмъ; онъ подсказалъ, что унывать нечего, и если мы оказываемся неспособными осуществить свой идеалъ, такъ только потому, что мы сыты, а вотъ голодные и обойденные навѣрно съ восторгомъ примутъ его и все будетъ спасено. Стóитъ только хорошенько растолковать имъ, что по всѣмъ правиламъ науки нужно жить такъ-то и такъ-то, иначе опять будутъ голодать. А не поймутъ, такъ можно и приневолить, ради ихъ же блага Но скоро сказка сказывается, нескоро дѣло дѣлается; пока шли споры да сборы, появились новые люди, съ новыми пѣснями.

Насмѣшливымъ хохотомъ встрѣчали они бредни соціальныхъ дѣлъ мастеровъ. По ихъ мнѣнію, общественныя формы создаются цѣльною личностью, а не ея частью.

Въ основѣ дѣятельности всякаго человѣка лежитъ больше чувства, страсти, желанія, нежели пониманія. Путемъ разсужденій и пріобрѣтенія знаній нельзя измѣнять чувствъ и страстей; народъ же обладаетъ извѣстнымъ строемъ этихъ чувствъ и страстей, который и опредѣляетъ возможную для народа общественную форму. Никакія логическія доказательства тутъ не могутъ имѣть вліянія. Можно прекрасно понимать, что жизнь первыхъ христіанъ и лучше, и выгоднѣе, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, но въ то же время ясно видѣть свою негодность для этой формы. Въ особенности ясно представляется всегда негодность другихъ,—каждый готовъ заподозрить другого въ лѣности на общей работѣ, въ алчности и жадности при потребленіи продуктовъ этого общаго труда; отсюда споры и ссоры, которые приведутъ только къ разложенію коммуны. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливѣйшая-ли это форма общественной жизни, а годна-ли она для современнаго общества или нѣтъ. Если общественная форма не соотвѣтствуетъ нравственнымъ силамъ народа, то никакія доказательства ея справедливости не будутъ имѣть никакого вліянія. Вспомните, говорили новые люди, собственные опыты и ихъ крушенія; они вамъ докажутъ, какую малую роль играетъ *пониманіе* въ этой области. Если же вы поймете, что логическими доказательствами нельзя измѣнять нравственнаго склада людей, то увидите, насколько смѣшны ваши попытки убѣдить головотяповъ въ прелестяхъ предлагаемой вами формы. Какимъ образомъ ваши головы совмѣщаютъ головотяпство народа съ надеждами убѣдить его принять идеальную форму жизни?

Ударъ былъ нанесенъ вѣрной рукой. Пессимизмъ, запустившій свои острые когти во всѣ элементы нашей

жизни, былъ сломленъ,—иначе пришлось бы отказаться отъ мысли о дальнѣйшемъ прогрессѣ. Опять началась оптимистическая работа—отыскиваніе того элемента общественной жизни, который бы могъ служить опорой надеждъ на дальнѣйшее развитіе. Новые люди указали при этомъ на народъ.

Осмѣявъ возможность осуществленія идеальныхъ формъ общественности, они стали утверждать, что удовлетвореніе коллективныхъ желаній русскаго народа въ томъ видѣ, въ какомъ они уже успѣли формулироваться, помимо всякаго вліянія интеллигенціи, было бы большимъ шагомъ впередъ. Намъ нечего лукаво мудрствовать, говорили они, возьмемъ то, что предлагаетъ намъ жизнь. Не забывайте, что, только идя рука объ руку съ народомъ, мы сильны; внѣ его мы нуль, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ объ осуществленіи его благосостоянія. И такъ, да будутъ нашимъ знаменемъ коллективныя желанія русскаго народа.

Въ этомъ ученіи здоровый оптимизмъ получилъ полное право гражданства. Развитіе общественныхъ формъ въ концѣ концовъ зависитъ отъ немногихъ крупныхъ элементовъ общественнаго организма. Если мы пессимистически относимся ко всѣмъ этимъ элементамъ, то этимъ самимъ признаемъ невозможность дальнѣйшаго развитія. Всякій общественный дѣятель не можетъ не выбрать одинъ изъ общественныхъ элементовъ, который онъ признаетъ самымъ здоровымъ, для того чтобы присоединить свою дѣятельность къ его стремленіямъ. Иначе онъ будетъ фантазеромъ, не понимающимъ законовъ общественной жизни. Только тогда, когда онъ присоединяетъ свои усилія къ массѣ другихъ, они не теряются напрасно, не разсѣеваются въ пространствѣ, а бьютъ къ ближайшую практическую цѣль. Пора пере-

стать вѣрить въ чудодѣйственную дѣятельность какихъ-то гигантовъ человѣческаго рода и корчить изъ себя этихъ гигантовъ. Отдѣльная личность своею дѣятельностью можетъ потрясать цѣлыми обществами, но только тогда, когда эта дѣятельность есть выраженіе массовыхъ стремленій и желаній. Думать же, что какая-нибудь маленькая группа людей можетъ преобразовать общественныя формы наперекоръ всѣмъ стремленіямъ и желаніямъ крупныхъ общественныхъ элементовъ—абсурдъ. Разумѣется, тутъ бываютъ исключенія; напримѣръ, если группа принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя цѣлымъ рядомъ историческихъ событій успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ общественную силу. Въ этихъ случаяхъ, пользуясь общественной силой, они могутъ насильно подчинить самое общество своимъ планамъ,— но это уже явленія другого разряда.

Но, какъ общее правило, все-таки нужно признать, что только тогда человѣкъ можетъ сдѣлаться фактически общественнымъ дѣятелемъ, когда онъ присоединяется къ существующимъ общественнымъ силамъ. Иначе онъ будетъ вѣщателемъ истины, пророкомъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, но никакъ не тѣмъ *практическимъ* труженикомъ, въ которомъ такъ нуждается наша Русь. Нашъ недостатокъ состоитъ не въ томъ, что мы не имѣемъ высокихъ истинъ,—ими хоть прудъ пруди,— а въ томъ, что наши общественныя формы не впитали въ себя даже элементарныхъ истинъ, извѣстныхъ всякому школьнику. Намъ нужны общественные дѣятели, которые осуществили-бы то, что *давно назрѣло* въ народномъ сознаніи; безъ этого мы не можемъ сдѣлать ни шага впередъ. Безъ этого всякіе пророки окажутся толкущими воду въ ступѣ. Нашъ періодъ—не столько періодъ дальнѣйшаго развитія народнаго сознанія, сколько

осуществленія того, что уже сознано давно и что давно уже ждетъ своего воплощенія въ жизнь. Мы не хотимъ этимъ сказать, что развитіе сознанія должно быть пріостановлено: этого сдѣлать и нельзя, и не нужно. Но безъ осуществленія того, что уже сознано, работа дальнѣйшаго развитія сознанія такъ затруднена, что затрата силъ въ этомъ направленіи безконечно велика сравнительно съ тѣмъ, что она потребуетъ въ будущемъ.

Съ цѣлью осуществленія назрѣвшихъ истинъ, общественные дѣятели нашего времени должны стать въ ряды уже существующихъ общественныхъ силъ, чтобы своимъ сотрудничествомъ, хотя-бы и косвеннымъ, помочь народному дѣлу. Сдѣлаться-же единицей извѣстной коллективной силы можно только тогда, когда въ насъ существуетъ вѣра въ эту силу, какъ носительницу лучшихъ практическихъ идеаловъ своего времени. Кромѣ того, самое сотрудничество общественной работѣ идетъ болѣе успѣшно при бодромъ, оптимистическомъ настроеніи духа. Подъ оптимизмомъ, оптимистическимъ настроеніемъ духа и т. п. мы подразумѣваемъ не какую-нибудь маниловщину или нежеланіе знать недостатки и темныя стороны той силы, въ сотрудничество съ которой мы вступаемъ, а то настроеніе, то направленіе мыслей, которое вызывается у всякаго мало-мальски энергичнаго человѣка, разъ онъ вступаетъ въ борьбу за свои идеи. Это настроеніе характеризуется вѣрой въ осуществленіе своего дѣла, вѣрой въ самого себя и въ ту общественную силу, въ рядахъ которой находится дѣятель. Практическая работа общественной реформировки немыслима безъ такого рода оптимизма, ибо она требуетъ бодрости духа и увѣренности, что общественный дѣятель имѣетъ много соратниковъ, что онъ — только единица коллективной силы. Эту-то бодрость духа, эту-то увѣ-

ренность, что коллективное міросозерцаніе заключаетъ въ себѣ больше элементы прогресса, нежели наоборотъ, —мы и называемъ теперь оптимизмомъ.

Такого рода оптимизмъ является у всякаго общественнаго дѣятеля, взявшагося за практическую работу; онъ необходимый спутникъ его дѣятельности, такъ какъ безъ него эта дѣятельность превратится въ невыносимый трудъ. Если какой-нибудь зубоскалъ или мизантропъ хлещетъ безъ разбора во всѣ стороны, то только потому, что оторванъ отъ жизни и имѣетъ въ виду больше интересы абсолютной истины, чѣмъ интересы даннаго общества въ данную минуту. О практической, относительной точкѣ зрѣнія онъ не имѣетъ никакого понятія. Онъ не замѣчаетъ, что данное положеніе общества можетъ требовать, чтобы на первый планъ былъ выдвинутъ извѣстный элементъ этого общества, несмотря на то, что онъ заключаетъ въ себѣ многіе недостатки. Увлекаясь безотносительной истиной, пессимистъ начинаетъ съ особеннымъ азартомъ указывать въ этомъ элементѣ только мрачныя, темныя стороны; онъ съ особенною любовью тащитъ на свѣтъ всякую мерзость и грязь, не желая знать хорошихъ сторонъ, искусно затушевывая ихъ своими мрачными красками. Чѣмъ талантливѣе такой писатель, чѣмъ выше его идеалы, тѣмъ онъ вреднѣе,—онъ только смущаетъ практическихъ дѣятелей и убиваетъ въ нихъ энергію. Съ точки зрѣнія идеала ни одна общественная сила не выдержитъ критики, поэтому нашъ пессимистъ считаетъ себя вправѣ клеймить ихъ какъ ему угодно. Такого рода пессимизмъ не по разуму обильно произрастаетъ на страницахъ нашихъ газетъ и журналовъ, пользуясь особеннымъ покровительствомъ заскорузлаго и немощнаго либерализма. Онъ служитъ удобнымъ прикрытіемъ не-

способности дѣйствовать, такъ какъ-де съ нашимъ народомъ ничего не подѣлаешь.

Пессимизмъ только тогда бываетъ прогрессивной силой, когда онъ сопровождается здоровымъ и разумнымъ оптимизмомъ. Иначе онъ превращается въ орудіе индиферентизма и личной замкнутости, умывающей руки отъ всякихъ общественныхъ заботъ,—вѣдь вѣчно хныкать о всеобщей развращенности и несправедливо, и безполезно.

ГЛАВА I.

Личность и „законы исторіи".

БИБЛІО... ...ТИ... АКАДЕМІИ...

Къ числу умственныхъ ошибокъ, имѣвшихъ большое вліяніе на общественныя теоріи, мы должны отнести изобрѣтеніе такъ называемыхъ „историческихъ законовъ". Эти пресловутые „законы исторіи" служатъ орудіемъ борьбы для самыхъ противоположныхъ мнѣній, благодаря тому, что каждый имѣетъ право изобрѣсть такой „законъ исторіи", который подходитъ къ его возрѣніямъ. Часто эти „законы исторіи" являются результатомъ индиферентнаго, квіетистическаго отношенія къ дѣйствительности, а еще чаще въ виду возможности надѣяться на исправленіе этой дѣйствительности не усиліями личностей, а при помощи благодѣтельныхъ „законовъ", которые все устроятъ ко всеобщему удовольствію и благополучію. По мнѣнію ихъ изобрѣтателей, эти „законы" существуютъ какъ-бы внѣ человѣческой личности и вполнѣ господствуютъ надъ ней Личность человѣка—ничто предъ лицомъ этихъ законовъ. Она служитъ только матерьяломъ, изъ котораго эти „законы" лѣпятъ тѣ общественныя формы, которыя предназначены для даннаго періода. Подобно тому, какъ куриное яйцо въ своемъ развитіи проходитъ непреложно необходимыя формы, такъ и общественныя

группы слѣдуютъ въ своемъ развитіи по извѣстнымъ, опредѣляемымъ „законами исторіи“, степенямъ общественнаго развитія.

Самой характерной чертой приверженцевъ этой теоріи можно признать то положеніе, что развитіе общественныхъ формъ имѣетъ основаніе не въ личностяхъ, составляющихъ общество, а стоитъ внѣ ихъ. Если имъ указываютъ, что необходимая, по ихъ мнѣнію, степень развитія можетъ быть обойдена данной общественной группой, благодаря тому, что личности, ее составляющія, желаютъ и способны обойтись безъ этой формы и имѣютъ въ виду нѣчто совсѣмъ другое,—то они даже неспособны признавать за этимъ возраженіемъ какой бы то ни было силы. По ихъ мнѣнію, личность съ своими свойствами и намѣреніями не имѣетъ никакого вліянія на видоизмѣненіе теченія общественнаго трансформизма. Понятно, что, допусти они вліяніе желаній и свойствъ человѣка на развитіе общественныхъ формъ,—ихъ теорія падаетъ сама собою, такъ какъ всякій, желающій предугадать будущую общественную форму данной группы, будетъ искать рѣшенія своей задачи въ изученіи желаній и свойствъ личностей этой группы, а не въ „законахъ исторіи“.

По этому поводу, Милль говоритъ, что *послѣдовательность состояній человѣческаго общества не можетъ имѣть собственнаго независимаго закона*; она должна зависѣть отъ психологическихъ и этологическихъ (этологія—наука о характерахъ) законовъ, управляющихъ дѣйствіемъ обстоятельствъ на человѣка и человѣка на обстоятельства [1]).

Нельзя отрицать того, что общественныя формы,

[1]) «Система логики», Д. С. Милля; т. II, стр. 494.

подобно всему существующему, подчинены въ своемъ развитіи извѣстной, такъ называемой, законосообразности. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ себѣ представить, чтобы дикое племя папуассовъ могло вдругъ перейти отъ нынѣшней общественной своей организаціи, положимъ, хотя бы къ „мірскому“ устройству русскихъ крестьянъ. Но эта невозможность лежитъ не въ „законахъ исторіи“, не допускающихъ будто бы подобныхъ пассажей, а въ свойствахъ и желаніяхъ самихъ личностей папуасскаго общества. „*Въ обществѣ*, говоритъ Спенсеръ, *происходитъ только то, что имѣетъ начало въ побужденіяхъ отдѣльнаго лица*, или въ соединенныхъ однородныхъ побужденіяхъ многихъ лицъ, или въ столкновеніяхъ побужденій нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ извѣстные интересы, съ противоположными побужденіями другихъ лицъ, имѣющихъ другіе интересы“ [1]).

Законосообразность, замѣчаемая нами въ общественномъ развитіи, происходитъ не отъ того, что оно подчинено какимъ то „законамъ исторіи“, стоящимъ внѣ свойствъ и желаній личностей, а существуетъ потому, что личность (т. е. почти единственный факторъ общественнаго развитія) совершенствуется и улучшается въ зависимости отъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій своего бытія. Намъ могутъ сказать, что, разъ мы признаемъ извѣстную законосообразность общественнаго развитія, то этимъ какъ бы возстановляемъ нѣчто подобное „законамъ исторіи“. По нашему мнѣнію, глубокая пропасть лежатъ между двумя этими понятіями. Законосообразность, о которой говоримъ мы, обязываетъ человѣка подчиняться только необходимымъ условіямъ *своей* природы, но не говоритъ ему, что онъ помимо своей

[1]) Гер. Спенсеръ. Изученіе соціологіи, т. II, стр. 575.

воли долженъ будетъ пройти извѣстную стадію общественнаго развитія. „Всѣ явленія общества, говоритъ Милль, суть явленія человѣческой природы, порождаемыя дѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ на массы людей; слѣдовательно, если явленія человѣческаго мышленія, чувствованія и дѣйствія подчинены неизмѣннымъ законамъ, то и явленія общества не могутъ не быть подчинены неизмѣннымъ законамъ, вытекающимъ изъ предъидущихъ“ [1]).

Если мы видимъ, что мнѣнія, чувства и желанія личности слѣдуютъ въ своемъ развитіи по извѣстнымъ законамъ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы эти мнѣнія, чувства и желанія не были главнымъ элементомъ, опредѣляющимъ будущія общественныя формы. Подчиняясь сами извѣстной законосообразности, они вмѣстѣ съ тѣмъ вносятъ законосообразность и въ общественное развитіе. Но эта послѣдняя законосообразность имѣетъ свое пребываніе не внѣ личности, а въ ней; слѣдовательно, *разъ мы замѣчаемъ въ личности извѣстныя качества, то имѣемъ право сказать, что эти качества опредѣлятъ и будущую общественную форму.* Поэтому же мы можемъ надѣяться, что всѣ наши усилія для измѣненія личности, въ томъ или другомъ отношеніи, не пропадаютъ даромъ, а отражаются на общественныхъ формахъ. Усилія людей не есть толченіе воды въ ступѣ, а цѣлесообразны и въ этомъ отношеніи на столько же, насколько они цѣлесообразны въ такихъ, напримѣръ, дѣйствіяхъ, какъ осушеніе болота, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и т. п. „Теорія подчиненія общественнаго прогресса неизмѣннымъ законамъ часто соединяется съ ученіемъ, что на соціаль-

[1]) «Система логики» Д. С. Милля, т. II, стр. 450.

ный прогрессъ не могутъ имѣть существеннаго вліянія отдѣльныя лица или дѣйствія правительства. Но хотя этихъ мнѣній часто держатся одни и тѣ же лица однако же это два различныя мнѣнія, и смѣшеніе ихъ есть всегдашняя ошибка смѣшенія *причинности* съ *фатализмомъ*. Что бы ни случилось, все будетъ дѣйствіемъ причинъ, *включая сюда и человѣческія желанія*; но отсюда не слѣдуетъ, что желанія, даже желанія частныхъ лицъ, не имѣютъ большой силы, какъ причины" [1]).

Къ числу защитниковъ „законовъ исторіи" нужно впрочемъ, отнести и тѣхъ, которые, признавая личность единственнымъ факторомъ общественнаго развитія, вмѣстѣ съ тѣмъ смотрятъ на человѣческій родъ какъ на единичное цѣлое, проходящее въ своемъ развитіи одни и тѣ же фазисы. По ихъ мнѣнію, типъ общественнаго развитія для всѣхъ племенъ и народовъ одинъ и тотъ же; они находятся только въ различныхъ фазисахъ этого развитія. „Законы исторіи" добываются въ этомъ случаѣ весьма просто: стоитъ взять какой-нибудь народъ, признать его самымъ передовымъ, а слѣдовательно и дальше другихъ ушедшимъ по пути развитія, а потомъ изучить его исторію. Рецептъ для развитія всѣхъ остальныхъ народовъ готовъ,—такъ было въ Англіи или въ Пруссіи, а слѣдовательно, такъ должно быть и у остальныхъ. Коротко, ясно и вразумительно. Напрасно вы будете указывать имъ, что, разъ они признали факторомъ общественнаго развитія личность, то должны узнать, что думаетъ, чувствуетъ и желаетъ эта личность, потому что этимъ опредѣляется общественная форма. Но, по ихъ мнѣнію, это—напрас-

---

[1]) Тамъ же. Стр. 518 и 519.

ный трудъ, такъ какъ они убѣждены, что у даннаго народа не могутъ быть другія мнѣнія, чувства и желанія, кромѣ тѣхъ, которыя были въ извѣстный періодъ у передового народа. Они глухи и слѣпы ко всѣмъ національнымъ особенностямъ, ко всѣмъ отличіямъ исторіи народовъ.

Думаемъ, что общественный дѣятель съ такимъ взглядомъ не особенно полезенъ дѣлу. Положимъ, напримѣръ, что этотъ дѣятель стоитъ у дѣлъ при разрѣшеніи у насъ крестьянскаго дѣла въ 1861 году. Дѣло идетъ объ освобожденіи крестьянъ. Нашъ мудрецъ накидывается на исторію Англіи или Пруссіи и рѣшаетъ, что мы должны поступить такъ, какъ указываетъ намъ примѣръ англичанъ. „Впрочемъ, прибавитъ онъ, вы и не можете поступить иначе: таковъ законъ исторіи". Но дѣло сдѣлалось у насъ не такъ, какъ въ Англіи. Руководители дѣла не столько обращали вниманія на достодолжное копированіе англійскаго образца, сколько на изученіе условій русской жизни, въ томъ числѣ мнѣній и чувствъ народа. Въ результатѣ—такой примѣръ освобожденія крестьянъ, котораго не видала Европа. Но такіе неожиданные репримандѣ неспособны смутить нашихъ мудрецовъ. Урокъ, данный имъ жизнью, скоро забывается, и они съ прежнею развязностью продолжаютъ утверждать: „вы хотите того-то и того-то, но ваши желанія—пустыя мечты; законы исторіи доказываютъ, что прежде нужно устроить то-то и то-то, а потомъ уже браться за то, о чемъ вы думаете. Посмотрите на Англію..."—и т. д., и т. д.

Необходимо смотрѣть на Англію, Пруссію и т. п. страны, но именно только для того, чтобы не повторять ихъ ошибокъ. Между Россіей и этими государствами есть много общаго, но еще больше различій. Отчего и не

позаимствовать у нашихъ сосѣдей то, что годится и намъ но именно только то, что годится, а опредѣлимъ эту годность мы сами, сообразуясь съ своими собственными мнѣніями, чувствами и желаніями. И будемъ заимствовать не потому, что такъ указываютъ какіе-то „законы исторіи“, а потому, что найдемъ полезнымъ позаимствовать. Но, въ концѣ концовъ, этихъ позаимствованій въ *общественной области* будетъ весьма и весьма мало.

Утвержденіе приверженцевъ „законовъ исторіи“, что мы будто бы повторяемъ заднимъ числомъ событія, совершавшіяся на Западѣ, не имѣютъ никакого основанія въ дѣйствительной жизни Они прямо позаимствованы изъ тѣхъ теоретическихъ соображеній, что между людьми есть много общаго. Противъ этого, разумѣется, нельзя спорить. Но плохой былъ-бы тотъ садовникъ, который, исходя изъ положенія, что въ сущности процессъ жизни всѣхъ растеній одинаковъ сталъ-бы въ своей оранжереѣ держать пальму въ такой же температурѣ, какъ и исландскій мохъ. Плохой будетъ и тотъ публицистъ, который, исходя изъ общности человѣческой жизни, станетъ предлагать русскому обществу слѣпо слѣдовать по пятамъ западныхъ народовъ. Общность, существующая между человѣческими племенами, даетъ только возможность общественной наукѣ изслѣдовать отвлеченные законы развитія ихъ ума, чувствъ и желаній. Если отысканіе этихъ законовъ очень важно въ научномъ отношеніи, такъ какъ оно поможетъ намъ выяснить и конкретные законы каждаго изъ обществъ, то все-таки нужно твердо помнить, что это только отвлеченные законы человѣческой жизни, т. е. что это истина, нуждающаяся въ дополненіяхъ и измѣненіяхъ при примѣненіи ея къ практической жизни.

Гдѣ-же найти критеріумъ для опредѣленія, что счи-

тать вполнѣ годнымъ для даннаго общества изъ тѣхъ отвлеченныхъ истинъ, которыя найдены при изученіи человѣчества вообще? Гдѣ найти критеріумъ того, какія поправки должны быть введены въ эти отвлеченныя истины, чтобы сдѣлать изъ нихъ истины, годныя къ практическому употребленію? Отвѣтъ одинъ: мнѣнія, чувства и желанія личности, являющейся почти единственнымъ творцомъ общественныхъ явленій. Необходимость идти этимъ путемъ выяснится особенно ярко въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на слѣдующій фактъ. Общественныя явленія не принадлежатъ къ разряду періодически повторяющихся. Начинаясь съ самыхъ несложныхъ формъ, человѣческое общество все болѣе и болѣе усложняется и совершенствуется. Двигаясь все впередъ и впередъ, по направленію къ наибольшему счастію всего человѣчества, общество, по необходимости, не можетъ руководствоваться своей собственной исторіей,—это повело-бы его къ противорѣчію съ его поступательнымъ движеніемъ. Исторія можетъ служить только къ тому, чтобы остеречь отъ прежнихъ ошибокъ и ознакомить съ прошлыми явленіями развитія человѣческой личности, а слѣдовательно она дастъ только возможность въ самыхъ общихъ чертахъ предусмотрѣть и направленіе дальнѣйшаго развитія этой личности. Но не въ исторіи найдетъ человѣкъ ту конкретную общественную форму, которую онъ ищетъ. Основой ея служитъ личность со всѣми ея свойствами, о которыхъ исторія не можетъ дать вѣрнаго понятія, такъ какъ они постоянно видоизмѣняются и совершенствуются. Понятно, поэтому, что общественный дѣятель только въ свойствахъ личности обязанъ видѣть критеріумъ годности или негодности той общественной формы, которую онъ старательно изыскиваетъ, стремясь къ человѣческому счастью. Его

не должны смущать крики о „законахъ исторіи“, такъ какъ всѣ эти законы указываютъ на то, что было въ прошломъ, но никакъ не могутъ служить доказательствомъ, что такъ будетъ и впредь. Историческіе факты помогутъ ему только лучше понять нынѣшнія свойства личности, такъ какъ въ нихъ отразилась она съ своими прежними свойствами.

Для примѣра возьмемъ публициста 1790-хъ годовъ, разсуждающаго слѣдующимъ образомъ о крѣпостномъ правѣ: „Извѣстно, что съ конца 16-го столѣтія крѣпостное право шло, развиваясь какъ качественно, такъ и количественно. Въ наше время оно наиболѣе сильно, но еще не дошло до полнаго рабства. Можно ли ожидать, что мнѣніе филантроповъ, желающихъ облегчить судьбу крѣпостныхъ, пойдетъ въ ходъ? Мы смѣло отвѣчаемъ— нѣтъ: законъ исторіи намъ въ этомъ порукой. Онъ доказываетъ, что крѣпостное право развивается и крѣпнетъ, а не падаетъ и разлагается. Поэтому напрасны всѣ усилія филантроповъ, тщетны всѣ ихъ ребяческія надежды. Не имъ повернуто колесо исторіи!“ Дальнѣйшая исторія русской жизни разбила въ прахъ всѣ эти лукавыя мудрствованія. Именно съ конца прошлаго вѣка началось обратное движеніе въ крѣпостномъ правѣ, окончившееся 1861 годомъ. Но если каждому могутъ быть ясны ошибки прошлаго, то нельзя этого-же сказать про современную намъ жизнь. Замѣтитъ какой-нибудь публицистъ, что въ Россіи начинаютъ появляться признаки того, что принято называть капиталистическимъ производствомъ,—и онъ уже рѣшаетъ, что Россія должна пройти весь законченный циклъ этой экономической формы, какъ онъ выразился на Западѣ. Спросите у него, на какомъ основаніи онъ это дѣлаетъ? Отвѣтъ: „законы исторіи“. Ему нѣтъ дѣла до особенностей русской жизни,

онъ твердо помнитъ только исторію капитализма на западѣ и не хочетъ вѣрить, чтобы усилія народа и современныхъ филантроповъ могли измѣнить ходъ капитализма у насъ. Но кто имѣетъ право утверждать, что именно наше время не есть тотъ поворотный пунктъ, съ котораго начнется ослабленіе капитализма? Для рѣшенія этого вопроса нужно знакомство не съ экономическими формами Запада, а съ экономическими воззрѣніями и силами русскаго народа.

Ложный принципъ о необходимости пройти циклъ капиталистическаго производства, будучи самъ отчасти результатомъ апатичнаго отношенія къ дѣйствительности, въ свою очередь сильно способствуетъ укорененію этой-же апатіи въ личностяхъ, только наклонныхъ къ ней, но которыя, не имѣя опоры въ этомъ принципѣ, можетъ быть и дѣлали бы что нибудь въ видахъ противодѣйствія распространяющемуся злу. Но это не единственный ложный принципъ, сбивающій съ толку общественныхъ дѣятелей. Мы можемъ указать на другой, не менѣе важный: юридическія улучшенія должны предшествовать экономическимъ. Въ этомъ будто-бы опять-таки убѣждаетъ насъ тотъ-же пресловутый „законъ исторіи“. Почему же одно должно непремѣнно предшествовать другому? Почему желаніе всѣхъ о необходимости того и другого не можетъ быть осуществлено? По крайней мѣрѣ мы должны попробовать сдѣлать это. Если на Западѣ дѣлалось иначе, то вѣдь намъ это не указъ: мы вѣдь и крестьянъ освободили не по западному образцу, а по своему. Разумѣется, это можно сдѣлать только тогда, когда это будетъ потребностью личностей, составляющихъ общество; въ изученіи этихъ потребностей мы и найдемъ путь, куда идти. Не „законами исторіи“ мы должны руководствоваться въ своей дѣятельности,

а только собственными понятіями о благѣ нашей родины, твердо помня, что исторію дѣлаетъ никто иной, какъ мы сами.

Ставя личность основой общественнаго развитія, мы не должны упускать изъ виду, что однимъ изъ главныхъ факторовъ ея психической жизни является вліяніе опыта расы. Вотъ что объ этомъ говоритъ Льюисъ: Универсальная душевная жизнь даетъ направленіе чувствамъ и мнѣніямъ отдѣльныхъ личностей. Сознаніе этого вліянія проглядываетъ въ частомъ употребленіи такихъ терминовъ, какъ: здравый смыслъ, коллективное сознаніе, духъ времени и т. п. Очевидно, что эти названія указываютъ на нѣчто высшее, чѣмъ индивидуальный умъ, нѣчто превосходящее его границы и исправляющее его недостатки. Впечатлѣнія каждаго отдѣльнаго лица появляются и исчезаютъ; они исправляютъ, расширяютъ, уничтожаютъ другъ друга, оставляя за собою извѣстный осадокъ, который сжатый въ интуиціи и формулированный въ принципы, направляетъ и измѣняетъ всѣ будущіе опыты. Сумма ихъ называется индивидуальнымъ духомъ. Общій духъ, осадокъ опыта, общаго всѣмъ, истекаетъ изъ подобнаго-же процесса. Коллективный опытъ расы формируетъ опытъ отдѣльнаго лица; онъ очень часто заставляетъ человѣка признавать то, что для него непонятно, и повиноваться тому, чему онъ не вѣритъ. Такъ какъ наши личные опыты ограничены и личная самодѣятельность слаба, то насъ поддерживаетъ и обогащаетъ усвоеніе опыта другихъ. Нація, племя, секта составляютъ среду индивидуальнаго духа, какъ море, рѣка или прудъ—среду рыбы; этимъ путемъ индивидуальный духъ соприкасается съ внѣшнимъ міромъ и подвергается его вліянію. Народъ вліяетъ на секту, секта—на отдѣльную личность. Нельзя сказать,

чтобы отдѣльная личность оставалась пассивною; ее только направляютъ, а она, въ свою очередь, реагируетъ на секту и народъ, содѣйствуя созданію раздѣляемой ею соціальной жизни. Цивилизація есть накопленіе опытовъ, и такъ какъ эти собранныя богатства составляютъ преданіе расы, то прошедшее все болѣе и болѣе господствуетъ надъ настоящимъ, совершенно такъ, какъ у отдѣльнаго лица сознательный опытъ все болѣе и болѣе опредѣляетъ чувства и мысли. На насъ безостановочно дѣйствуетъ совокупная мысль, закрѣпляющаяся въ соціальныхъ формахъ, въ научныхъ теоріяхъ, въ произведеніяхъ искусства, а всего болѣе въ языкѣ [1]). Но сами эти совокупныя мысли и чувства, прибавимъ мы, суть ничто иное какъ равнодѣйствующія сталкивающихся мыслей и чувствъ личностей, составляющихъ совокупность.

---

[1]) Д. Г. Льюисъ. Изученіе психологіи. Стр. 165—177.

ГЛАВА II.

Личность и общественныя формы.

„По Сенькѣ шапка“—вотъ краткая, но выразительная формула мнѣній многихъ объ отношеніи между личностью и общественными формами. Нельзя не признать, что въ этомъ мнѣніи есть извѣстная доля правды: — оно признаетъ ту несомнѣнную истину, что общественныя формы зависятъ отъ свойствъ личностей, входящихъ въ ихъ составъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и ложно, такъ какъ мы нигдѣ не замѣчаемъ полнѣйшей гармоніи между ними. Общественныя формы всегда остаются позади личности, стѣсняя ея движеніе по пути дальнѣйшаго развитія. Это явленіе вполнѣ понятно: благодаря многимъ условіямъ нашей прошедшей и современной жизни—или лучше сказать, благодаря многимъ некрасивымъ свойствамъ личностей, населяющихъ земной шаръ,—люди должны были соединяться въ крупныя общества, способныя отстоять благосостояніе своихъ членовъ. Общественныя формы, регулирующія жизнь такихъ крупныхъ группъ личностей, не могутъ быть легко измѣняемы, а потому и отстаютъ отъ развитія личности. Всѣ общественныя движенія можно свести къ усиліямъ облегчить развитіе общественныхъ формъ и поставить ихъ въ непосредственную зависимость отъ личности и

ея развитія. Но пока еще ни одно цивилизованное общество не достигло такого состоянія, при которомъ общественныя формы могли-бы измѣняться наряду съ измѣненіемъ личности. Вездѣ этой послѣдней приходится довольно долго выносить стѣсненія и лишенія, пока, наконецъ, она не преобразуетъ общественныя формы сообразно своимъ желаніямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея развиваются другія требованія, которыя не могутъ быть удовлетворены только-что созданнымъ строемъ, а потому и побуждаютъ къ дальнѣйшимъ попыткамъ измѣненія. Ясно, что счастіе личности стоитъ въ прямой зависимости отъ облегченія воплощенія ея желаній въ общественныя формы, т. е. *облегченія общественной трансформаціи*. Отсюда же видно и то, что примѣненіе пословицы: „по Сенькѣ—шапка“ къ отношеніямъ между личностью и общественными формами вполнѣ неправильно, такъ какъ шапка оказывается всегда нѣсколько тѣсновата для Сеньки.

Многіе юристы и экономисты придерживаются такъ-называемой органической теоріи общественнаго развитія. По ихъ мнѣнію, одна общественная форма замѣняется другою не вслѣдствіе желаній личности, а сама собою, вслѣдствіе внутренняго органическаго процеса (въ родѣ метаморфозъ у насѣкомыхъ). Личность въ этомъ случаѣ играетъ роль какого-то кирпича, изъ котораго невидимый архитекторъ строитъ и перестраиваетъ зданія разныхъ формъ, или, лучше сказать, этотъ архитекторъ вложилъ въ самыя зданія способность видоизмѣняться и совершенствоваться помимо кирпичей. Личность, по ихъ мнѣнію, остается только пассивнымъ матерьяломъ извнѣ формируемымъ какою-то силою, которая обрѣтается въ общественныхъ формахъ. Эта чисто мегафизическая идея предполагаетъ самосостоятельное суще-

ствованіе общественныхъ формъ, какъ извѣстныхъ реальностей, помимо существованія ея содержанія—личности. Соціологи-метафизики не замѣчаютъ, что общественныя формы суть только *отношенія* между личностями, а потому и не имѣютъ никакого самостоятельнаго существованія. Въ природѣ существуютъ личности и ихъ отношенія, но нѣтъ общественныхъ формъ, т. е. иначе сказать, въ ней не существуютъ какія-то самостоятельныя реальности въ видѣ общественныхъ формъ, а только отношенія между личностями, которыя мы и называемъ общественными формами. На этомъ основаніи мы должны признать, что не можетъ произойти никакихъ измѣненій въ общественныхъ формахъ безъ измѣненія въ личностяхъ, хотя понятно, что общественныя формы, какъ *отношенія между личностями*, вліяютъ, въ свою очередь, на личность. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-либо самосостоятельнымъ вліяніемъ, а только съ тою-же единственною общественною силою—личностью; только здѣсь совокупность личностей, находящихся въ извѣстныхъ отношеніяхъ, подвергаясь сама вліянію отдѣльной личности, въ свою очередь, видоизмѣняетъ и ея дѣятельность.

Указываютъ, напримѣръ, на то положеніе К. Маркса, въ которомъ онъ утверждаетъ, что нынѣшній капиталистическій способъ производства западной Европы имѣетъ внутреннюю тенденцію къ саморазрушенію. Это саморазрушеніе произойдетъ будто-бы отъ того, что этотъ родъ производства стремится концентрировать капиталы все въ меньшемъ и меньшемъ кругѣ лицъ, что и приведетъ ее къ паденію и замѣнѣ другою; изъ этого заключаютъ, что одна общественная форма логически смѣняется другою, помимо вліянія личности. Но достаточно сдѣлать предположеніе, что личность перестала стремиться къ

измѣненію капиталистической формы производства, чтобы увидѣть всю нелѣпость предположеній о саморазрушеніи. Вѣдь капиталистическое производство съ одной стороны концентрируетъ капиталы, а съ другой—скучиваетъ пролетаріевъ въ одну плотную, враждебно-настроенную ему, массу. Если мы устранимъ второй элементъ, т. е. элементъ воздѣйствія личности на общественную форму, то, понятно, этотъ процессъ можетъ привести только къ тому, что когда-нибудь всѣ капиталы окажутся въ рукахъ одного лица... и только. Никакого саморазрушенія не произойдетъ и произойти не можетъ. Марксъ, говоря о саморазрушеніи, придаетъ ему совершенно не тотъ смыслъ, какой часто придаютъ его идеямъ у насъ. Онъ ясно указываетъ только на то, что капиталистическія отношенія, господствующія въ западной Европѣ, имѣютъ свойство развивать въ личности такія наклонности и способности, которыя побудятъ ее къ исканію выхода изъ этихъ отношеній. Подъ способностью капиталистическаго производства къ саморазрушенію онъ понимаетъ только свойства этого производства увеличивать количество своихъ враговъ, развивать въ нихъ солидарность для борьбы съ собою (благодаря скучиванію ихъ въ одномъ мѣстѣ) и способствовать развитію въ личности тѣхъ свойствъ, которыя необходимы ей для устройства производства на болѣе справедливыхъ основаніяхъ.

И такъ, мы вправѣ сказать, что органическая теорія развитія общественныхъ формъ не выдерживаетъ никакой критики. Общественныя формы суть только формы отношеній между личностями, а потому всѣ ихъ измѣненія могутъ быть только результатомъ измѣненій въ личностяхъ. Если мы замѣчаемъ, что формы извѣстнаго типа постоянно смѣняются другими, соотвѣтственными

ими типами, то это происходитъ не вслѣдствіе связи между самими формами, а отъ болѣе или менѣе своеобразнаго развитія личности, создающей эти формы.

Хотя личность является единственнымъ факторомъ общественныхъ формъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы общественная форма какой либо данной группы всегда соотвѣтствовала желаніямъ личностей, ее составляющихъ. Мы уже говорили о нѣкоторой необходимой задержкѣ въ полномъ соотвѣтствіи общественныхъ формъ съ желаніями личностей; но, кромѣ того, существуютъ и многія другія причины, вліяющія на образованіе этого несоотвѣтствія. Такъ, напримѣръ, хищническое племя, способное выносить строгую военную дисциплину и централизацію, легко завоевываетъ другое, мирное и децентрализованное племя. Завоеватели могутъ быть малочислены, но, благодаря извѣстнымъ свойствамъ своимъ, даютъ вновь образовавшемуся обществу форму, соотвѣтственную своимъ желаніямъ и свойствамъ. Разумѣется, что и завоеванное племя нѣкоторымъ образомъ участвуетъ въ этомъ фактѣ, хотя участвуетъ пассивно; можно сказать, что оно само виновато въ томъ, что вновь созданная общественная форма не соотвѣтствуетъ его желаніямъ, такъ какъ несомнѣнно, что его неспособность къ централизаціи и мирныя наклонности были одною изъ причинъ, породившей нежелательную для нихъ общественную форму. Спенсеръ смотритъ на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, утверждая, что «самое существованіе сословія, пользующагося монополіею власти, возможно только вслѣдствіе извѣстнаго настроенія и образа мыслей всей общины» [1]). Но эта точка зрѣнія—ничего больше, какъ ловкій софизмъ. Ирландцы сами виноваты,

[1]) Гер. Спенсеръ. Опыты. т. 1-й, вып. 2 и 3 й, стр. 416.

что терпятъ англичанъ и ихъ порядки, долженъ сказать Спенсеръ; и онъ будетъ правъ отчасти, такъ какъ будь ирландцы, всѣ, поголовно, героями, англичане не распоряжались бы у нихъ. Но рѣчь вѣдь идетъ только о томъ, что общественныя формы могутъ быть несоотвѣтственны *желаніямъ* большинства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что общественная форма можетъ не соотвѣтствовать желаніямъ большинства личностей, составляющихъ общество. Эта форма можетъ складываться подъ вліяніемъ представителей меньшинства, т. е. разнаго рода вождей, которымъ удалось организовать это меньшинство. При обнаруженіи этого несоотвѣтствія, выдвигается вопросъ о вліяніи общественныхъ формъ на личность, такъ какъ онѣ могутъ быть или ниже средней личности общественной группы, или въ уровень съ ней, или даже, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, выше ея.

Если общественная форма создана меньшинствомъ личностей, стоящихъ ниже средняго умственнаго и нравственнаго развитія, то она будетъ имѣть развращающее вліяніе на все общество; это будетъ тормазъ общественнаго развитія. Только ассимиляція большинствомъ меньшинства, которая рано или поздно уравниваетъ всю группу, способна прекратить это ненормальное явленіе. Примѣромъ регрессивнаго движенія общественныхъ формъ подъ вліяніемъ меньшинства можетъ служить переходъ удѣльно-вѣчевой Руси въ московскую, сдѣланный подъ прямымъ и косвеннымъ вліяніемъ татарскаго племени. Вся послѣдующая исторія Россіи заключается въ стремленіи большинства ассимилировать вновь образовавшееся меньшинство. Эта ассимиляція была, впрочемъ, сильно затруднена реформами Петра, принявшаго на свою службу толпы нѣмцевъ, введенныхъ этимъ

путемъ въ среду меньшинства и увеличившихъ прежнюю его рознь съ большинствомъ. Только въ послѣднее царствованіе стали замѣчаться рѣзкіе и отчетливые признаки этой вѣковой ассимиляціи.

Бываютъ случаи, что общественная форма оказывается выше средней личности. Для примѣра укажемъ на попытку, сдѣланную одною изъ нашихъ сектъ, извѣстною подъ именемъ „общіе“. Они, подъ вліяніемъ своего коновода Акинфія Попова, съумѣвшаго возбудить въ нихъ нравственныя чувства до степени энтузіазма, устроили свою жизнь на комунистическихъ началахъ. Но такая жизнь продолжалась недолго. Поповъ былъ сосланъ, энтузіазмъ мало по-малу остылъ; тогда оказалось, что созданный строй не соотвѣтствуетъ ихъ нравственнымъ чувствамъ, въ ихъ обыкновенномъ, невозбужденномъ состояніи, и „общіе“ возвратились почти къ первобытному своему строю. Другими примѣрами подобнаго несоотвѣтсвія общественнаго строя средней личности можетъ служить Франція въ концѣ прошлаго столѣтія и Англія въ правленіе Кромвеля.

Общественныя формы, стоящія выше средней личности, никогда не могутъ быть устойчивы, такъ какъ онѣ основаны или на временномъ настроеніи общества какъ у „общихъ“, или-же на насиліи, какъ во Франціи, объявившей принципъ „единой и нераздѣльной республики“, а потому и считавшей себя вправѣ облить кровью поля Нормандіи. Но насильно навязывать благодѣяніе, это—такое самопротиворѣчіе, которое не можетъ долго держаться; насильно навязываемое благодѣяніе ничѣмъ не отличается вообще отъ насилія и, какъ таковое, должно вызывать у всякого, не потерявшаго образъ чловѣческій, только сопротивленіе. Насильно дѣлать людей болѣе нравственными—немыслимо, такъ

Какъ только добровольная дѣятельность можетъ вести къ этой цѣли. Мы вправѣ сказать, что общественныя формы, созданныя меньшинствомъ, если онѣ являются болѣе нравственными, чѣмъ средняя личность, не приносятъ никакой пользы, такъ какъ или быстро вырождются въ формы, болѣе соотвѣствующія средней личности, или поддерживаются только насиліемъ, т. е. являются развращающимъ элементомъ въ жизни народа. Если есть надобность, говоритъ Спенсеръ, въ доказательствѣ того, что самыя тщательно-составленныя уложенія не имѣютъ никакой цѣны, если не представляютъ воплощенія народнаго характера,—если есть надобность въ доказательствѣ того, что правительственныя распоряженія, по духу своему опережающія вѣкъ, на дѣлѣ непремѣнно отстанутъ и пойдутъ вровень съ нимъ,—то подобными доказательствами изобилуетъ современная хроника предпріятій, основанныхъ на ассоціаціи капиталовъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ утверждается актомъ парламента, администрація нашихъ общественныхъ компаній имѣетъ почти чисто-демократическій характеръ. На дѣлѣ же директора не только не думаютъ считать себя служителями акціонеровъ, но возмущаются противъ всякаго указанія съ ихъ стороны и часто придаютъ желанію сдѣлать какую-нибудь поправку въ предложенной мѣрѣ за выраженіе недовѣрія къ нимъ [1]).

Такимъ образомъ единственно нормальнымъ можно считать только тотъ ходъ общественныхъ явленій, когда общественная форма соотвѣтствуетъ уровню умственнаго и нравственнаго развитія личностей, составляющихъ общество. Этимъ прямо разрѣшается вопросъ, задаваемый

---

[1]) Гер. Спенсеръ. Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ.

многими: что должно предшествовать—развитіе-ли личности, или развитіе общественной формы? Такъ какъ личности должны быть единственнымъ факторомъ общественной формы, ихъ объединяющей, то понятно, что развитіе ея является результотомъ развитія личностей. Но мы не должны забывать, что существуютъ общества, гдѣ общественная форма ниже средняго развитія личностей; тамъ очередь за общественными формами, стѣсняющими дальнѣйшій ходъ прогресса. Но общественная форма, вмѣстѣ съ тѣмъ, не должна забѣгать черезчуръ впередъ,—критеріумъ для опредѣленія нормальнаго хода развитія общественныхъ формъ, такимъ образомъ, можетъ быть найденъ только въ понятіяхъ и чувствахъ личностей, составляющихъ общество.

Тутъ мы сталкиваемся съ вопросомъ объ отношеніи большинства къ меньшинству, но не привиллегированному меньшинству, а къ тому, которое бываетъ въ демократическихъ обществахъ. „Когда большинство управляется меньшинствомъ, мы называемъ такой порядокъ тираніей; но управленіе большинства по отношенію къ меньшинству — точно также тиранія; вся разница въ степени". „Достоинство демократическаго управленія заключается только въ томъ, что она нарушаетъ права меньшаго числа" [1]). Образчикомъ отношеній большинства къ меньшинству можетъ служитъ Франція въ 1871 году,—желанія Парижа и многихъ другихъ городовъ были подавлены большинствомъ деревенской Франціи. Долгая и тяжелая борьба большинства съ привиллегированнымъ меньшинствомъ пріучила его смотрѣть на себя, какъ на альфу и омегу мудрости и справедливости. Если когда-то Людовикъ XIV говорилъ „L'état

[1]) Гер. Спенсеръ. Соціальная статика.

c'est moi", то теперь то же самое повторяетъ, не съ большимъ правомъ, большинство. Благодаря тому, что когда-то во Франціи знамя большинства было знаменемъ прогресса, наука и литература пріучили умы смотрѣть на желаніе большинства, какъ на нѣчто святое и непогрѣшимое. Въ борьбѣ съ привиллегированнымъ меньшинствомъ это орудіе было вполнѣ цѣлесообразно и справедливо, но не таковымъ является, когда врагъ побѣжденъ, и приходится имѣть дѣло съ меньшинствомъ непривиллегированнымъ. Здѣсь оно фигурируетъ въ качествѣ такого же насилія, отъ котораго избавилось само еще очень недавно. Бороться противъ насилія большинства немыслимо меньшинству; изъ этого ясно, что въ новомъ фазисѣ общественнаго развитія должны употребляться другія средства борьбы противъ насилія, а не тѣ, которыя употреблялись прежде. Тамъ на насиле отвѣчали насиліемъ, здѣсь это невозможно,—остается одно нравственное воздѣйствіе съ цѣлью убѣдить большинство не злоупотреблять своей силой. Разсѣять ореолъ святости, окружающій рѣшенія большинства, — вотъ единственный путь для этого. Необходимо, чтобы личность прониклась мыслью, что насиліе, въ какой-бы формѣ оно ни проявлялось—въ формѣ-ли большинства, или въ формѣ меньшинства—всегда и всюду остается только насиліемъ, т. е. безнравственностью. Мы видимъ что въ Австріи парламентское большинство сопротивлялось надѣленію славянскихъ племенъ правами, которыми пользуются нѣмцы и венгерцы; Англія коверкаетъ жизнь Ирландіи и т. д., и т. д. И все это дѣлается подъ прикрытіемъ рѣшеній большинства. „Общее начало на основаніи котораго возможно правильное управленія корпораціей, говоритъ Спенсеръ, заключается въ томъ' что члены ея условливаются другъ съ другомъ подчи-

няться волѣ большинства *во всѣхъ дѣлахъ, касающихся достиженія тѣхъ цѣлей, для которыхъ они составили корпорацію, но не въ другихъ.* [1])

---

[1]) Гер. Спенсеръ. Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ.

ГЛАВА III.

Умъ и чувство, какъ факторы общественнаго прогресса.

Всякій желающій изучить явленія общественнаго прогресса обязанъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточить свое вниманіе на изученіи міра соціальнаго, или, лучше сказать,—отдѣльной личности человѣка, отъ которой *по преимуществу* зависятъ явленія соціальнаго міра, такъ какъ „законы явленій общества суть ни что иное и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только законами дѣйствій и страстей людей, соединенныхъ въ общественномъ состояніи. Но люди въ состояніи общества — все-таки люди; ихъ дѣйствія и страсти подчиняются законамъ индивидуальной человѣческой природы. Люди, соединенные вмѣстѣ, не обращаются въ другой родъ существъ съ иными свойствами, какъ напр. водородъ и кислородъ отличны отъ воды, или какъ водородъ, кислородъ, углеродъ и азотъ отличны отъ нервовъ и мускуловъ. Люди въ обществѣ имѣютъ только тѣ свойства, которыя вытекаютъ изъ законовъ природы индивидуальнаго человѣка или могутъ быть сведены на эти законы“ [1]).

Дѣятельность каждаго человѣка опредѣляется по

---

[1]) Система логики. Д. С. Милля. Т. II. стр. 452.

преимуществу психической его стороной, носитель которой есть нервно-мозговая система.

Утверждая это, мы не думаемъ уменьшать значеніе физической стороны, отъ которой зависитъ и состояніе нервно-мозговой системы, а слѣдовательно и психическая дѣятельность человѣка; но все-таки ставимъ на первый планъ въ дѣятельности человѣка его нервно-мозговую дѣятельность, которая получаетъ все большее и большее значеніе въ жизни, и дѣятельности которой человѣкъ обязанъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ владыки всего земного шара.

И такъ, центръ тяжести прогресса соціальнаго міра лежитъ въ психической жизни человѣчества. Знаніе законовъ, заправляющихъ психическими явленіями, есть необходимое условіе для пониманія и направленія соціальной жизни. Психологія есть та необходимая ступень знанія, черезъ которую долженъ пройти всякій, желающій приступить къ изученію соціальныхъ законовъ.

Сознательная психическая жизнь имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ головной мозгъ, который „не представляетъ собою органа однороднаго, единичнаго; это есть скорѣе ассоціація или, если хотите, федерація, составленная изъ нѣсколькихъ различныхъ органовъ. *Съ каждымъ изъ нихъ связаны особенныя свойства, отправленія и способности*“ [1]).

Всякій человѣкъ въ своемъ сознаніи замѣчаетъ три рода формъ этого сознанія: 1) мысли (идеи); 2) чувства (эмоціи) и 3) желанія (воля). Никто изъ насъ не смѣшаетъ напр. чувство гордости съ чувствомъ ожиданія или съ чувствомъ гнѣва, также не смѣшаетъ всѣ эти чувства съ идеей, мыслью, каковы-бы эти послѣднія ни были. Бэнъ говоритъ,

---

[1]) Шарко. О локализаціяхъ въ болѣзняхъ мозга. Стр. 3.

что „различіе между эмоціей и интелектомъ очень рельефно,—хотя, съ другой стороны, подобно другимъ различіямъ, напр. различію растеній, животныхъ, оно не такъ рѣзко, чтобъ невозможны были переходные феномены, которыхъ или нельзя отнести ни къ той, ни къ другой категоріи, или же можно отнести къ любой изъ нихъ“ [1]). Что касается чувства и желанія, то они имѣютъ тѣсную связь между собою, и чувства приводятъ къ желаніямъ, и желанія предполагаютъ чувства“ [2]), а потому если мы оставимъ въ сторонѣ желаніе (или волю), которое есть «*однородное состояніе духа*, образующее промежуточное звено между чувствомъ и дѣйствіемъ и *не допускающее подраздѣленій*,—то всѣ состоянія нашего сознанія распадаются на два обширные класса: познанія и чувства» [3]).

Это раздѣленіе нашей психической дѣятельности на двѣ части признано какъ лучшими психологами, такъ и сознаніемъ всего человѣчества, котораго голосъ въ этихъ вопросахъ имѣетъ громадное значеніе и которое испоконъ вѣковъ отличало „умъ“ отъ „сердца“.

Каждый человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ разныя чувства, такъ напр. чувство гнѣва, радости, ненависти, любви, зависти и т. д. Спенсеръ, подобно многимъ другимъ психологамъ, раздѣлилъ всѣ чувства на три группы: 1) эгоистическія, 2) альтруистическія—нравственныя и 3) эго-альтруистическія—гордость и тщеславіе. (Кромѣ этихъ трехъ группъ, онъ считаетъ еще чувства общественности и симпатіи, которыя послужили корнемъ для развитія альтруистическихъ чувствъ). Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что мысль и чувство, „какъ степени со-

[1]) Бэнъ. Объ изученіи характера. Стр. 381.
[2]) Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. II, стр. 2.
[3]) Герб. Спенсеръ. Опыты, т. II. Возбужденіе и Воля Стр. 39.

знанія, стремятся исключить другъ друга“ и что „крайняя дѣятельность разсудка стремится заглушить чувства, тогда какъ крайняя дѣятельность чувства стремится заглушить разсудокъ,—и въ этомъ смыслѣ всѣ разряды дѣятельности враждебны другъ другу“ [1]).

При существованіи такого антагонизма между умомъ и чувствомъ, предположеніе, сдѣланное многими, о связи развитія альтруистическихъ чувствъ съ умственнымъ развитіемъ, оказалось при ближайшемъ изученіи нелѣпостью. „Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ съ неподвижнымъ умомъ при здравомъ развитіи своихъ общественныхъ привязанностей и симпатій, можетъ быть склоненъ къ хорошимъ поступкамъ и можетъ обладать довольно чувствительной совѣстью“ [2]). Маудсли говоритъ, что „умственныя и нравственныя способности далеко не связаны между собою настолько тѣсно, чтобы измѣняться за-одно, падать и усиливаться вмѣстѣ съ паденіемъ или усиленіемъ тѣхъ или другихъ. Опытъ показываетъ самымъ положительнымъ образомъ, что возможно существованіе большого ума рядомъ съ весьма низкой нравственностью, и что высокая нравственность встрѣчается иногда въ соединеніи съ недалекимъ умомъ“ [3]).

Это отсутствіе связи и вліянія ума и чувства простирается до того, что „если человѣкъ не чувствителенъ къ благу другихъ, то мы также не можемъ убѣдить его въ томъ, что онъ долженъ любить ихъ, какъ не можемъ убѣдить слѣпого въ томъ, что онъ долженъ смотрѣть на блескъ цвѣтовъ“. „Къ счастію, такихъ лю-

---

[1]) Гер. Спенсеръ. Опыты, т. III. Умств.. нравс. и физич, воспитаніе. Стр. 55.

[2]) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Ч. 2-я стр. 299.

[3]) Генри Маудсли. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Стр. 37.

дей не бываетъ. Есть люди, которые чувствуютъ менѣе живо, чѣмъ другіе; но нѣтъ такихъ, которые лишены вовсе чувствъ“ [1]).

Спенсеръ утверждаетъ, что „вѣра въ нравственное дѣйствіе умственнаго сбразованія, опровергаемая фактами, нелѣпа и a priori. Какую связь можно представить себѣ между знаніемъ, что извѣстные знаки, написанные на бумагѣ, означаютъ извѣстныя слова, и пріобрѣтеніемъ болѣе высокаго пониманія долга? Какое вліяніе можетъ оказать умѣнье выражать знаками звуки на усиленіе желанія поступать справедливо? Какимъ образомъ знаніе таблицы умноженія или умѣнье быстро дѣлать сложеніе и дѣленіе можетъ увеличивать сердечную доброту въ такой степени, чтобы удержать отъ стремленья вредить своимъ ближнимъ? Какимъ способомъ умѣніе писать, знаніе грамматики и проч. можетъ сдѣлать чувство справедливости болѣе сильнымъ? Почему отъ увеличенія запаса географическихъ свѣдѣній, добытаго усидчивымъ трудомъ, можно ожидать и увеличенія уваженія къ правдѣ? Несоотвѣтствіе между такими причинами и такими слѣдствіями почти также велико, какъ между упражненіемъ пальцевъ рукъ и увеличеніемъ силы въ ногахъ. Тотъ, кто, преподавая латинскій языкъ, надѣялся бы передать знаніе геометріи, или сталъ бы ожидать, что умѣнье рисовать придаетъ выразительность исполненію какой нибудь сонаты, былъ бы, по всей вѣроятности, сочтенъ за сумасшедшаго; между тѣмъ онъ едва-ли судитъ болѣе неосновательно, чѣмъ тотъ, кто надѣется образовать болѣе высокія чувствованія путемъ развитія умственныхъ способностей» [2]).

---

[1]) Льюсъ. Вопросы о жизни и духа. Т. 1-и, стр. 451.

[2]) Герб. Спенсеръ. Изученіе соціологіи. Т. II, стр. 548.

По мнѣнію Спенсера, «вѣра въ книжные уроки и въ чтеніе составляетъ одно изъ суевѣрій нашего времени»[1]).

Такимъ образомъ мы должны признать, что каждая изъ способностей человѣка развивается самостоятельно и своимъ развитіемъ не усиливаетъ развитія другой. Этотъ психическій фактъ подтверждается и существованіемъ такихъ племенъ, которыя отстали отъ насъ, европейцевъ, въ области мысли, знанія и прозваны нами за это «дикарями», хотя они далеко опередили насъ развитіемъ своихъ альтруистическихъ чувствъ; таковы пуэблосы, лапландцы и многіе другіе, о которыхъ мы будемъ вести рѣчь при разсмотрѣніи вопроса о расовыхъ особенностяхъ.

«Пуэблосы, мирные и трудолюбивые земледѣльцы, которые строютъ свои деревни,—состоящія каждая изъ одной цѣльной постройки и представляющія въ сущности сложные дома, заключающія въ себѣ до 2,000 обитателей, — такимъ образомъ, «чтобы оградить себя стѣною отъ чернаго варварства», и вступаютъ въ битву только при непріятельскихъ вторженіяхъ, обладаютъ демократической формой правительства, такъ какъ здѣсь «правитель и его совѣтъ ежегодно избираются народомъ» [2]). Ихъ отношенія къ женщинѣ и дѣтямъ гуманнѣе, нежели у большинства европейцевъ [3]).

Про норвежскихъ лапландцевъ г. Вильямсъ пишетъ: «несмотря на свои убогія хижины, на свои грязныя лица, на свое первобытное одѣяніе и на свое невѣжество въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ, они стоятъ выше насъ со стороны нравственнаго элемента» [4]).

---

[1]) Тамъ же стр. 549.

[2]) Герб Спенсеръ. Основаніе соціологіи. Т. 2-й, стр. 620

[3]) Тамъ же, стр. 679.

[4]) Тамъ же, стр. 806.

Тутъ кстати мы должны обратить вниманіе на мнѣніе Бокля о томъ, что «при настоящемъ положеніи нашихъ знаній мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, чтобы происходило какое нибудь постоянное улучшеніе въ нравственныхъ и умственныхъ способностяхъ человѣка — не имѣемъ также и положительнаго основанія думать, что у ребенка, родившагося въ самой цивилизованной части Европы, эти способности должны быть больше, чѣмъ у такого, который родился въ самомъ дикомъ углу какой нибудь варварской страны». По мнѣнію Бокля, «каковъ бы ни былъ нравственный и умственный прогрессъ человѣчества, онъ состоитъ не въ улучшеніи природныхъ способностей, но въ улучшеніи, если можно такъ выразиться, возможности къ развитію, то-есть въ улучшеніи той обстановки, при которой, послѣ рожденія, эти способности начинаютъ дѣйствовать». Онъ приводитъ слова Локка, что «природныя способности дѣйствуютъ одинаково у народовъ варварскихъ и народовъ цивилизованныхъ: онѣ вѣроятно однѣ и тѣже во всѣхъ странахъ и во всѣ времена» [1]). Эти свои мнѣнія Бокль поддерживаетъ отрицаніемъ наслѣдственности психическихъ способностей (также и болѣзней).

Труды Дарвина, Уоллеса, Спенсера и др. настолько выяснили вопросъ о наслѣдственности психическихъ способностей и о ихъ постепенномъ развитіи, что мы не считаемъ нужнымъ разсматривать эти мнѣнія Бокля, въ которыхъ онъ является только скептикомъ, а перейдемъ къ разсмотрѣнію его доказательствъ о неподвижности нравственныхъ истинъ. По мнѣнію его, единственно прогрессивный элементъ—истины умственныя, которыя двигаются очень быстро впередъ, благодаря

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, стр. 198, 199 и 200.

накопляющемуся и передающемуся по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому капиталу знаній. Что же касается нравственныхъ истинъ, то, по его мнѣнію, „неоспоримо, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы“ [1]). Такія нравственныя истины, какъ дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго какъ самого себя — извѣстны человѣчеству 2,000 лѣтъ тому назадъ, и теперь не развиваются.

Бокль даже не попытался привести доказательства въ пользу своего мнѣнія о неподвижности нравственныхъ понятій; онъ считалъ достаточно яснымъ доказательствомъ этого тождество той словесной формулы, въ которой выражались эти понятія. На основаніи тождества въ формахъ выраженія понятія, онъ считалъ неоспоримымъ тождество и самыхъ понятій. Удивительно, какъ такой умъ, какъ Бокль, могъ удовлетвориться такимъ грубымъ и вполнѣ неудовлетворительнымъ доказательствомъ. Развѣ мы не видимъ, какъ въ слово „равенство“ вкладывали различныя понятія люди различныхъ временъ? Развѣ французы 1789, 1848 и 1871 годовъ одинаково понимали это слово? Нѣтъ, понятіе реформировалось, хоть вывѣска оставалась та же.

Чтобы доказать неподвижность нравственныхъ понятій, недостаточно указывать на неподвижность той словесной формулы, въ которую вкладываются эти понятія,—а это пока единственный аргументъ, выставленный защитниками этой теоріи. Доказательствомъ неподвижности нравственныхъ истинъ не могутъ служить

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 202.

и тѣ случаи въ жизни человѣчества, когда *нравственный геній* [1]) опережаетъ на сотни лѣтъ остальное человѣчество и создаетъ такое нравственное понятіе, которое не по плечу всѣмъ остальнымъ; только мало по малу это понятіе распространяется въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ соціальная жизнь подготовляетъ отдѣльныя единицы этого общества, развивая въ нихъ соціальныя чувства до того уровня, какой необходимъ для воспринятія уже существующаго понятія. Но развѣ возможно, опираясь на давнее существованіе извѣстнаго нравственнаго понятія, которое пока лежало, какъ изобрѣтеніе, не соотвѣтствующее жизненнымъ условіямъ, т. е. уровню развитія нравственныхъ чувствъ данныхъ поколѣній,—развѣ можно утверждать, что данное общество не развивается въ нравственномъ отношеніи, если мы замѣчаемъ, хотя бы и медленное, распространеніе этого понятія? Намъ кажется, что доказательства, приведенныя Боклемъ въ пользу неподвижности нравственныхъ истинъ, совершенно не выдерживаютъ критики; недовѣріе же, которое онъ высказывалъ къ доказательствамъ своихъ противниковъ, если и могло имѣть мѣсто во времена Бокля, то теперь вполнѣ не-

---

[1]) Маудсли говоритъ, что «существуютъ, какъ нормальное явленіе природы, самыя разнообразныя градаціи умственныхъ способностей, начиная съ геніевъ и кончая идіотами; существуютъ далѣе, тоже какъ естественное явленіе, различныя степени нравственныхъ способностей, отъ величія правильноразвитой воли до полнѣйшаго отсутствія нравственнаго чувства». (Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Генри Маудсли. Стр. 37). «Отъ времени до времени являются люди, которые стоятъ совершенно въ томъ же отношеніи къ нравственному состоянію своего вѣка, въ какомъ геніальные люди стоятъ къ его умственному состоянію». (Лекки. Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ Т. I, стр. 240).

справедливо, такъ какъ по этому вопросу собрано такое громадное количество фактовъ въ пользу теоріи развитія психическихъ способностей человѣка и наслѣдственной ихъ передачи, что это недовѣріе является натяжкой, отъ которой отказался бы, вѣроятно, и самъ Бокль.

Ф. Гальтонъ раздѣляетъ всѣ человѣческія племена на группы, сообразно степени ихъ умственныхъ силъ. По его мнѣнію, „разница между черной и бѣлой породами простирается не менѣе, какъ на двѣ степени, а можетъ быть и болѣе"; „жители Австраліи по крайней мѣрѣ на одну степень ниже африканскихъ негровъ"; „средній уровень способностей аѳинской породы, по самой умѣренной оцѣнкѣ, почти двумя степенями выше нашего собственнаго,—т. е. настолько, насколько наша порода выше породы африканскихъ негровъ [1]).

Что же касается развитія нравственныхъ чувствъ, то „дикари, стоящіе на самой низкой ступени развитія, не имѣютъ никакой идеи о справедливости и милосердіи, у нихъ нѣтъ ни словъ для этихъ идей, ни даже способности воспринять самыя идеи: проявленія же означенныхъ чувствъ у европейцевъ они приписываютъ боязни или лукавству" [2]). Соціальная жизнь мало по малу развиваетъ въ людяхъ соціальные инстинкты, такъ что „касательно будущихъ поколѣній нѣтъ причины бояться ослабленія общественныхъ инстинктовъ, и мы вправѣ ожидать, что добродѣтели разовьются и станутъ можетъ быть постоянными, благодаря наслѣдственности" [3]). Легки говорить, что „нѣтъ никакого

[1]) Френсисъ Гальтонъ. Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Стр. 258, 259 и 262.

[2]) Герб. Спенсеръ. Опыты, т. II: Возбужденіе и Воля. Стр. 30.

[3]) Ч. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Т. I, стр. 22.

сомнѣнія, что нравственность представляетъ такой же несомнѣнный прогрессъ, какъ и умственное развитіе, и этотъ прогрессъ имѣлъ, вѣроятно, такое же важное вліяніе на общество“ [1]).

Признавши развитіе психическихъ способностей человѣка, мы должны рѣшить вопросъ: что способствуетъ этому развитію?

Какія мѣры долженъ предпринять человѣкъ для того, чтобы развивать свои нравственныя и умственныя способности?

«Всякое упражненіе органовъ или духовныхъ способностей въ извѣстномъ направленіи содѣйствуетъ ихъ развитію. Когда это большее развитіе извѣстныхъ физическихъ органовъ или извѣстныхъ психическихъ способностей будетъ передано въ наслѣдство потомкамъ, то послѣдніе непосредственно, съ самаго начала становятся способны къ такимъ дѣйствіямъ, для которыхъ предкамъ ихъ необходимо было долгое упражненіе“ [2]). Карпентеръ говоритъ, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, что „всякое душевное дѣйствіе, вслѣдствіе частаго повторенія, наклонно воспроизводиться легче и легче“ [3]).

Итакъ, всякая способность развивается отъ упражненія, т. е. отъ совершенія тѣхъ дѣйствій, той работы, которая присуща этой способности. Такъ, умъ развивается мышленіемъ, чувства—совершеніемъ дѣйствій, внушаемыхъ ими; такъ напр., чувство любви къ человѣку развивается путемъ совершенія дѣйствій на благо людей и т. д.

Очень многіе склонны думать, что умъ зависитъ отъ

---

[1]) Гартполь Лекки. Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ. Т. I, стр. 237.

[2]) Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. II, стр. 450.

[3]) Основанія физіологіи ума. У. Б. Карпентеръ. Т. I, стр. 294.

количества знаній: больше знаній, сильнѣе умъ. Ошибочность подобнаго мнѣнія вполнѣ бываетъ для насъ ясна, когда мы наблюдаемъ ученаго тупоумца. „Недостатокъ способности сужденія, говоритъ Кантъ, называется глупостью и, въ сущности, непоправимъ. Тупая или ограниченная голова, которой недостаетъ силы разсудка и собственныхъ понятій, можетъ однако выучиваться и доходить даже до учености. Но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ подобнымъ людямъ недостаетъ и силы сужденія, то нѣтъ ничего страннаго встрѣчать ученыхъ мужей, не умѣющихъ своей науки прилагать къ дѣлу“ [1]). Указывая на вѣрный фактъ, Кантъ, однако, ошибается въ томъ, что будто-бы сила сужденія не можетъ быть развита. Если она не развивается накопленіемъ знаній, то усовершенствовываются путемъ частаго упражненія силы сужденія. Правда, успѣхи могутъ быть очень ничтожны, но это уже другое дѣло. Все-таки мы можемъ развить свой умъ—нужно только почаще мыслить, а не заучивать. Какой же родъ занятій особенно способствуетъ развитію умственныхъ способностей? Большинство ученыхъ людей склонно думать, что ихъ занятіе наукой особенно усиливаютъ развитіе мозга. Но въ дѣйствительности это еще очень сомнительное предположеніе. Правда, на увеличеніе вѣса мозга сильнѣе другихъ дѣйствуетъ тотъ родъ дѣятельности, который, по словамъ Топинара, „болѣе всего соотвѣтствуетъ физіологическому назначенію органа, слѣдовательно умственная дѣятельность дѣйствительнѣе всѣхъ остальныхъ что доказывается взвѣшиваніями, произведенными Лелю, Паршаппомъ и Вагнеромъ *Поденьщики*, изслѣдованные Паршаппомъ, *имѣли большія головы, чѣмъ его „избранные люди“* [2]). То-

[1]) Им. Кантъ. Критика чистаго разума. Стр. 134.
[2]) Топинаръ. Антропологія. Стр. 112

пинаръ, такъ тонко иронизируя надъ „избранными людьми“ упускаетъ, однако-же, изъ виду, что вѣсъ мозга у поденьщиковъ могъ увеличиваться не только благодаря умственной ихъ дѣятельности, а и дѣятельностью чувства и т. п. путями: они могли быть не умнѣе, а чувствительнѣе, энергичнѣе „избранныхъ людей“.

„Всѣмъ извѣстна истина, что въ индивидуумѣ каждое чувство усиливается по мѣрѣ выполненія дѣйствій, внушаемыхъ имъ; сказать же, что чувство *усиливается* этими дѣйствіями, значитъ сказать, что оно отчасти *создается* ими“ [1]). По мнѣнію Милля, „Контъ, опираясь на тотъ біологическій фактъ, что органы укрѣпляются отъ упражненія и атрофируются отъ бездѣйствія, и будучи твердо убѣжденъ въ существованіи отдѣльныхъ мозговыхъ органовъ для каждой изъ нашихъ основныхъ наклонностей, считаетъ важной задачей жизни не только укрѣплять въ насъ соціальныя стремленія постоянной практикой и направленіемъ къ тому всѣхъ нашихъ дѣйствій, но и ослаблять насколько возможно личныя страсти и склонности путемъ сдерживанія ихъ“ [2]) Хотя мнѣніе Конта *о централизованной*, если можно такъ выразиться, *локализаціи* и не вполнѣ признано наукою, но сущность его воззрѣній о вліяніи упражненія на развитіе способностей остается непоколебимой и при существованіи *разсѣянной локализаціи*, къ признанію которой склоняется большинство психо-физіологовъ.

„Характеръ слагается медленно и постепенно *подъ вліяніемъ дѣйствій*, находящихся въ извѣстномъ соотношеніи къ условіямъ жизни. Онъ не можетъ образоваться вдругъ, посредствомъ одного размышленія. Безъ

---

[1]) Герб. Спенсеръ. Опыты, т II. Возбужденіе и Воля. Стр. 31.
[2]) О. Контъ и позитивизмъ. Д. С. Милля. Стр. 126.

привычки человѣку также невозможно хотѣть, какъ и говорить. Научиться тому и другому онъ можетъ однимъ только путемъ—упражненіемъ“ [1]).

Спенсеръ говоритъ, что «между дѣйствіемъ и чувствомъ существуетъ связь», а потому можно заключить, что «только при частомъ переходѣ чувства въ дѣйствіе стремленіе къ послѣднему усиливается. Подобно тому, какъ двѣ идеи, повторяемыя часто въ извѣстномъ порядкѣ, становятся нераздѣльными въ этомъ порядкѣ; подобно тому, какъ мускульныя движенія, сначала трудно связываемыя между собою и съ управляющими впечатлѣніями, дѣлаются отъ упражненія легкими и наконецъ автоматическими,—періодическое произведеніе какихъ-либо поступковъ возбуждающимъ ихъ чувствомъ дѣлаетъ эти поступки относительно легкими. Нравственная привычка можетъ образоваться не отъ нравоученій, хотя бы ихъ приходилось слышать каждый день, и не отъ примѣровъ, хотя-бы этимъ примѣрамъ и слѣдовали, а только отъ частыхъ дѣйствій, опредѣляемыхъ соотвѣтственнымъ чувствомъ. Эта истина, ясно представляемая наукою о душѣ и вполнѣ согласная съ обыденными воззрѣніями, совершенно чужда ходячимъ фанатическимъ понятіямъ о воспитаніи“ [2]).

---

[1]) Генри Маудсли Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Стр. 337.

[2]) Герб Спенсеръ. Изученіе соціологіи. Т. II, стр. 554.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, стр. 137. Бокль говоритъ, что „мыслители, судящіе по умозрѣнію и незнакомые съ дѣйствительностью, никакъ не могли-бы ожидать, чтобы страхъ не уменьшался отъ привычки, а увеличивался; онъ приводитъ слова Tchudi, который, описывая всеобщій паническій страхъ при землетрясеніяхъ, говоритъ: „никакая привычка къ этому явленію не можетъ побѣдить возбуждаемаго имъ ужаса“. Beale пишетъ: „Въ Перу говорятъ, что туземцы, не смотря на

Вышеизложенная теорія развитія чувствъ путемъ совершенія дѣйствій, внушаемыхъ ими, можетъ породить недоразумѣніе. Если приложить эту теорію къ чувству вообще, то мы должны признать, что и эгоистическое чувство развивается подобно нравственному путемъ упражненія, а такъ какъ „низшіе, спеціально эгоистическіе инстинкты несомнѣнно преобладаютъ надъ болѣе благородными стремленіями“ [1]) у всѣхъ людей нашего поколѣнія, то мы должны прійти къ тому печальному выводу, что человѣкъ совершаетъ въ своей жизни больше эгоистическихъ, нежели нравственныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, развиваетъ эгоистическое чувство больше, нежели альтруистическое; что, слѣдовательно, съ годами человѣкъ становится эгоистичнѣе и что (признавая наслѣдственность психическихъ способностей) онъ передаетъ своимъ дѣтямъ задатки болѣе эгоистическаго характера, чѣмъ получилъ самъ отъ своихъ родителей.

часто ощущаемыя потрясенія земли, вмѣсто того, чтобы привыкать къ нимъ, какъ бываетъ съ лицами, постоянно подвергающимися другимъ опасностямъ, всякій разъ все болѣе и болѣе ужасаются при каждомъ повтореніи удара, такъ что въ старыхъ людяхъ страхъ, возбуждаемый даже и легкимъ ударомъ, нерѣдко бываетъ почти невыносимъ“. Факты, приведенные Боклемъ, ничуть не противорѣчатъ теоріи развитія психическихъ способностей путемъ упражненія. Дѣло въ томъ, что „непривычка переносить страхъ, по привычка *преодолѣвать* его, увеличиваетъ смѣлость, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ“. (Ушинскій. Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Т. II, стр. 193). *Нахожденіе* человѣка въ *состояніи страха* не можетъ вырабатывать храбрости и только его стремленія и *дѣйствія, направленныя на выходъ изъ этого состоянія*, развиваютъ ее. Если нѣтъ этихъ дѣйствій и человѣкъ *пассивно относится къ своему положенію*, то въ немъ мало по малу атрофируется храбрость, вслѣдствіе отсутствія дѣятельности.

[1]) Льюисъ. Философія наукъ. О. Канта. Стр. 286.

Если признать это, то мы должны согласиться, что человѣчество не только нравственно не развивается, но падаетъ; что дѣйствительно когда-то былъ золотой вѣкъ а теперь мы имѣемъ желѣзный — дѣтямъ же нашимъ достанется адскій.

Выводъ, полученный нами о нравственномъ паденіи человѣчества, совершенно не согласуется ни съ фактами жизни, ни даже съ мнѣніями тѣхъ философовъ-психологовъ, отъ которыхъ мы заимствовали теорію развитія чувствъ путемъ упражненія. Гдѣ же выходъ изъ этого противорѣчія?

Намъ кажется, что единственнымъ объясненіемъ этого противорѣчія можетъ быть неприложимость закона развитія чувствъ, путемъ упражненія, къ эгоистическому чувству. Въ основаніи всѣхъ эгоистическихъ чувствъ лежитъ такъ называемый „инстинктъ самосохраненія;“ онъ побуждаетъ дѣйствовать по принципу „все для меня“, нѣтъ ничего дороже „меня“, ради „я“ нужно пожертвовать „всѣмъ“. Вотъ эта-то абсолютность инстинкта самосохраненія и не допускаетъ дальнѣйшаго развитія. Въ самой первичной клѣточкѣ онъ является уже вполнѣ организованнымъ, закончившимъ свое развитіе, т. е. такимъ, какимъ мы видимъ его у человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли инстинктъ самосохраненія путемъ упражненія развиться дальше принципа „все для меня“? Очевидно нѣтъ [1]).

[1]) Въ подтвержденіе возможности подобнаго явленія приведемъ мнѣніе А. Уоллэса объ аналогичныхъ этому явленіяхъ изъ физической жизни животныхъ. „Въ дѣлѣ быстроты бѣга, дикія животныя, живущія на сушѣ, не идутъ далѣе извѣстной границы...“ „Они давно уже достигли maximum'а быстроты, совмѣстимаго съ теперешними условіями и, быть можетъ, со всякими условіями, какія только могутъ быть мыслимы на зем-

Если-бы мы могли представить себѣ такое будущее, когда альтруистическое чувство дошло-бы до такой степени развитія, что побуждало-бы человѣка жить по принципу „все для другихъ“, то мы дошли-бы до той степени, дальше которой прогрессъ нравственный не возможенъ. Но пока наше альтруистическое чувство говоритъ намъ не „все для другихъ“, а „многое и очень многое для другихъ“, тутъ прогрессъ возможенъ, разумѣется, только путемъ совершенія нравственныхъ поступковъ.

И такъ, въ человѣческой душѣ *эгоистическое чувство есть величина, не способная по своей абсолютности къ дальнѣйшему усиленію;* ея вліяніе на поступки людей всегда одинаково и если мы видимъ разницу въ этихъ поступкахъ, то она зависитъ отъ развитія или атрофировки альтруистическихъ чувствъ. Ослабленіе сего послѣдняго даетъ себя чувствовать *кажущимся* усиленіемъ эгоистическаго чувства и усиленіе альтруистическаго чувства—кажущимся ослабленіемъ его; слѣдовательно, у всѣхъ людей эгоистическаго чувства поровну (т. е. возможный maximum его), большая же или меньшая эгоистичность ихъ зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія альтруистическихъ чувствъ.

Мы раздѣлили психическія способности человѣка главнымъ образомъ на умъ и чувство. Какая же изъ этихъ способностей человѣка играетъ большую роль въ его жизни? Отъ какой изъ нихъ зависитъ больше его

номъ шарѣ...“ „Существуетъ необходимая граница для количества перьевъ, которыя можетъ имѣть хвостъ, полезный для полета, и мы этой границы, по всѣмъ вѣроятіямъ, достигли въ хвостатомъ голубѣ“. (А. Р. Уоллэсъ. Естественный подборъ стр. 316, 317 и 318).

благосостояніе, его счастье? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ: чувство. Мы вполнѣ сознаемъ все великое значеніе въ исторіи человѣчества и умственнаго прогресса, и накопленія знаній. Этотъ прогрессъ далъ человѣку господство надъ природой, поставилъ цивилизованнаго человѣка въ такое положеніе, что ему уже почти нечего бояться уничтоженія его цивилизаціи дикими среднеазіятскими полчищами, и вообще далъ *возможность, но только возможность*, къ расширенію благосостоянія, къ болѣе полному удовлетворенію его стремленій и потребностей. Такъ напр., въ области матерьяльнаго, экономическаго прогресса умъ и знанія имѣли преимущественное вліяніе на системы производства, которыхъ улучшеніе зависитъ отъ умственныхъ изобрѣтеній, отъ накопленія знаній; что же касается системъ распредѣленія, то онѣ почти вполнѣ зависятъ отъ склада чувствъ, т. е. отъ свойствъ характера данной части человѣчества. Что же больше имѣетъ вліянія на благосостояніе и счастіе индивидуумовъ человѣческаго рода—улучшенныя ли системы производства или улучшенныя системы распредѣленія? Намъ кажется, что отвѣтъ несомнѣненъ въ пользу распредѣленія. Улучшеніе производства, увеличивая количество продукта, не гарантируетъ того, чтобы это увеличеніе пошло на улучшеніе благосостоянія массы людей, а не отдѣльныхъ единицъ. Такъ, мы видимъ, что наше „мірское владѣніе“ землей гораздо больше обезпечиваетъ массу даже при болѣе низкомъ уровнѣ развитія сельскаго хозяйства, нежели улучшенныя системы его, введенныя въ Остзейскомъ краѣ.

Но на какомъ основаніи мы считаемъ, что распредѣленіе почти вполнѣ зависитъ отъ склада чувствъ даннаго общества?

Для того, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, мы дол-

жны разсмотрѣть свойство вліяній той и другой психической способности человѣка на его поведеніе, его дѣйствія.

По мнѣнію Конта (такъ по крайней мѣрѣ понимаетъ его Льюисъ) дѣйствіе „зависитъ исключительно отъ эмоціональныхъ побужденій“ [1]). Маудсли говоритъ, что «интеллектуальная жизнь наша не даетъ побужденій или импульсовъ къ дѣйствію», «не разсудокъ или умъ, а желанія (о зависимости желаній отъ чувствъ мы говорили выше) суть обыкновенныя причины наружныхъ нашихъ дѣйствій» [2]). «Въ поступкахъ человѣка движущею силою никогда не бываетъ знаніе, но всегда чувство, которое идетъ рядомъ съ этимъ знаніемъ или возбуждается имъ» [3]). «Честное поведеніе обыкновенно бросается болѣе изъ-за недостатка воли, чѣмъ знанія. Чтобы должнымъ образомъ согласовать сложныя дѣйствія, изъ которыхъ слагается человѣческая жизнь въ ея цивилизованной формѣ, требуется не одна только посылка—опредѣленіе истиннаго пути, но другая еще—достаточный импульсъ, чтобы слѣдовать этому пути. И если припомнить наши ежедневныя неудачи въ исполненіи много разъ принятыхъ рѣшеній, то увидимъ, что не недостатокъ необходимаго предвидѣнія, а скорѣе недостатокъ необходимаго желанія бываетъ главною причиною дурного поступка. Необходимо дальнѣйшее обогащеніе тѣми чувствами, которыя развиваетъ въ насъ цивилизація,—чувствами, соотвѣтствующими потребностямъ соціальнаго быта,—побужденіями, находящими удовлетвореніе въ выпадающихъ на нашу долю обязанностяхъ, чтобы прекратить преступленія, излише-

[1]) Льюисъ. Философія наукъ О. Конта. Стр. 247.

[2]) Генри Маудсли. Физіологія и Патологія души. Стр. 155.

[3]) Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи. Т. II, стр. 543.

ства, болѣзни, непредусмотрительность, безчестность и жестокости» [1]). „Тѣ, кто понялъ крайнюю незначительность вліянія извѣстныхъ аргументовъ при установленіи понятій отдѣльнаго человѣка или націи,—кто понялъ, какъ неизмѣнно усиленіе цивилизаціи предполагаетъ измѣненіе вѣрованій и до какой степени контроверсіалисты разныхъ вѣковъ бываютъ только маріонетками и безсознательными представителями глубокаго нижняго теченія ихъ времени,—тѣ почувствуютъ сильное недовѣріе къ своему безпомощному разуму и, естественно, будутъ искать какого-нибудь руководства для своихъ сужденій“ [2]).

Лекки говоритъ, что „бои быковъ и медвѣдей, пѣтушьи бои и множество другихъ увеселеній подобнаго рода были нѣкогда въ Европѣ любимымъ препровожденіемъ времени“. „Если-бы кто-нибудь сталъ отвергать эти увеселенія, какъ варварскія, то его мнѣніе стали-бы считать не только нелѣпымъ, но даже непонятнымъ. Относительно этого предмета не было, конечно, никакого разногласія мнѣній. Но мало по малу, вслѣдствіе неслышнаго давленія цивилизаціи, въ общественномъ мнѣніи произошла глубокая перемѣна. Она совершилась не по какому-нибудь усиленію знаній, или какимъ-нибудь процессомъ положительнаго размышленія, но просто вслѣдствіе постепеннаго возвышенія нравственнаго образца“ [3]). „Движеніе, уничтожившее пытку, гораздо менѣе было движеніе умственное, чѣмъ движеніе, лежавшее въ настроеніи чувства. Оно было не столько открытіемъ ума, сколько увеличившейся силой симпатіи.

---

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Основаніе біологіи. Т. II, стр. 386.

[2]) Гартполь Лекки. Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ. Т. I, стр. 8.

[3]) Такъ же. Стр. 238.

Если мы спросимъ, какіе положительные аргументы можно привести по этому предмету, то трудно было-бы указать какой-нибудь аргументъ, который не былъ совершенно знакомъ всѣмъ классамъ во всѣ періоды среднихъ вѣковъ". „И перемѣна произведена была не такими аргументами. Пытка уничтожена была потому, что, съ успѣхомъ цивилизаціи, симпатіи людей стали выражаться сильнѣе, впечатлѣнія отъ страданія другихъ стали болѣе острыми, ихъ сужденія стали снисходительнѣе и дѣйствія человѣчнѣе" [1]). „Невозможно, говоритъ Бэнъ, убѣдить человѣка въ томъ, чтобы онъ призналъ за конечную цѣль счастье другихъ людей, если только этотъ человѣкъ, уже по собственному разумѣнію, не принялъ извѣстнаго ученія, обнимающаго это положеніе, какъ, напримѣръ, исповѣданіе христіанства. Точно также мы не можемъ привести никакого основанія въ пользу распространенія симпатіи на животныхъ. *Воспитаніе чувствъ представляется единственнымъ способомъ расширенія человѣческихъ симпатій.* Никого нельзя разубѣдить въ твердо сложившемся эгоизмѣ" [2]).

Складъ чувствъ человѣка имѣетъ громадное вліяніе и на теоретическое міровоззрѣніе. „Общеизвѣстный важный законъ, что мы *видимъ* лишь то, что интересуетъ насъ, уже доказываетъ теоретическую важность чувства въ дѣлѣ построенія знанія, показывая, что явленія, неподобранныя и непровѣренныя интересомъ (моментъ этотъ является виртуальнымъ наслажденіемъ или болью), остаются блѣдными, малозначущими для ума и даже

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 260.

[2]) „Дедуктивная и индуктивная логика", Александра Бэна, кн. V, гл. VII. (Цитируемъ изъ „Юрид. Вѣст.". 1882 г. № 6).

вовсе не воспринимаются“ [1]). Наши представленія и понятія подъ вліяніемъ чувства претерпѣваютъ глубокія и разнообразныя видоизмѣненія «не только со стороны дѣйствія въ смыслѣ элемента, опредѣляющаго наши хотѣнія, но и со стороны умозрѣнія въ смыслѣ элемента, снабжающаго насъ объективными данными для идеальныхъ построеній» [2]) «Такъ какъ одинъ рядъ понятій служитъ въ значительной мѣрѣ выраженіемъ ихъ эмоцій, то ткань разсужденія ткется чувствомъ, а не разумомъ. Такъ какъ другой рядъ понятій безличенъ, объективенъ, не связанъ съ эмоціями, то разуму оставляется свобода опредѣлять объективныя отношенія» [3]). Людскія страсти и интересы часто подсказываютъ мнѣнія или скорѣе рѣшаютъ выборъ между двумя, тремя формами мнѣнія, какія дѣлаетъ возможнымъ данное состояніе человѣческаго пониманія: но это возмущающее обстоятельство ограничивается только областью *нравственности, политики* и *религіи*; въ прочихъ же сферахъ въ корнѣ всѣхъ великихъ перемѣнъ въ дѣлахъ человѣчества лежитъ интеллектуальное движеніе» [4]). И такъ «роль, которую чувство играетъ въ философіи, имѣетъ *громадное* значеніе, насколько проблемы послѣдней содержатъ въ себѣ элементы соціальныхъ отношеній; наоборотъ, чувство является помѣхой и препятствіемъ въ проблемахъ, касающихся космическихъ отношеній», такъ что «соціальная теорія, опускающая его, была-бы точно такъ же недостаточна, какъ и космическая теорія, допускающая его» [5]).

---

[1]) Люисъ вопросы о жизни и духѣ. Т. II, стр. 232.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же. Т I, стр. 456
[4]) О. Контъ и позитивизмъ. Д. С. Миль. Стр. 94.
[5]) Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Т. I, стр. 175.

Теперь посмотримъ, какого свойства вліяніе умственныхъ способностей на поступки человѣка? По мнѣнію Спенсера «интеллектъ не сила, а орудіе: онъ не движется и не дѣйствуетъ самъ по себѣ,—онъ приводится въ движеніи силами, которыя стоятъ за нимъ. Сказать, что люди управляются разсудкомъ, это также нераціонально, какъ сказать, что люди управляются глазами. Разсудокъ есть глазъ, тотъ глазъ которымъ естественныя желанія отыскиваютъ путь къ своему удовлетворенію. Воспитаніе дѣлаетъ изъ него только болѣе совершенный органъ: дѣлаетъ зрѣніе болѣе точнымъ и далекимъ, но вовсе не измѣняетъ тѣхъ желаній, которымъ этотъ органъ долженъ служить. Насколько-бы мы ни расширяли его поле зрѣнія, все же *направленіе* его дѣятельности будетъ опредѣляться страстями,—страсти укажутъ предметы, на которыхъ ему придется остановить свое вниманіе. Интеллектъ будетъ употребляться для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя создадутъ себѣ инстинкты и чувства, культура увеличитъ только ловкость этого средства при ихъ достиженіи» [1]).

„*Духъ усовершенствованія является результатомъ возрастающей силы соціальныхъ инстинктовъ въ связи съ развитіемъ умственной дѣятельности*“ [2]).

Кстати, мы должны коснуться мнѣнія Милля по этому-же вопросу. Онъ говоритъ, что «было-бы большой ошибкой, которую едва-ли кто сдѣлаетъ, утверждать, что умозрѣніе, умственная дѣятельность, изслѣдованіе истины принадлежитъ къ самымъ могущественнымъ склонностямъ человѣческой природы или занимаетъ господствующее мѣсто въ жизни недѣлимыхъ, кромѣ нѣ-

---

[1]) Гербэртъ Спенсеръ. Соціальная статика.

[2]) О. Контъ и Позитивизмъ. Д. С. Милля. Ст. 82.

которыхъ, вполнѣ исключительныхъ. *Но, несмотря на относительную слабость этого принципа между другими общественными силами*, вліяніе его есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса, такъ какъ всѣ другія настроенія нашей природы, содѣйствующія прогрессу, зависятъ отъ него въ средствахъ исполненія своей доли вліянія» [1]). Если мы, руководствуясь разсужденіемъ Милля, поставимъ вопросъ, не нуждается-ли и самъ умъ въ «средствахъ исполненія», то должны будемъ принять во вниманіе, что никакія предначертанія и планы ума не могутъ обойтись безъ мускульной дѣятельности; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что мускульная дѣятельность является болѣе важнымъ факторомъ прогресса, нежели умственная? А вѣдь Милль разсуждаетъ именно такимъ образомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы заключаемъ, что *прогрессъ соціальныхъ формъ* заключается по преимуществу въ *прогрессѣ соціальныхъ чувствъ*, что «идеи не управляютъ міромъ и не ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ“ [2]). „Народный характеръ и соціальное состояніе опредѣляютъ, какія идеи должны получить ходъ въ обществѣ,—а не идеи эти опредѣляютъ соціальное состояніе и народный характеръ. Поэтому измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое безпрерывнымъ вліяніемъ соціальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ соціальнымъ отношеніямъ,—есть

[1]) Д. С. Милль. Система логики. Т. II, стр. 507 и 508.

[2]) Герб. Спенсеръ. О причинахъ разногласія съ философіею Конта. Стр. 48.

главная ближайшая причина общественнаго прогресса“ [1]). Такъ, напримѣръ, существующія націи „различаются между собою неодинаковою степенью любви къ независимости: однѣ переносятъ терпѣливо стѣсненіе, другія совсѣмъ не переносятъ его“ [2]); поэтому человѣкъ, который бы видѣлъ вредъ, происходящій изъ недостатка чувства независимости въ національномъ характерѣ, обязанъ направить свою дѣятельность такъ, чтобы побуждать своихъ согражданъ къ поступкамъ, внушаемымъ имъ чувствомъ независимости, потому что это единственный способъ развить это чувство, т. е. единственный способъ избавиться отъ вреда, происходящаго отъ недостатка чувствъ независимости. Не распространеніе идей о независимости, а только поступки, внушенные чувствомъ независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство. Говоря это, мы не думаемъ отрицать важнаго значенія распространенія идей о независимости, — мы хотимъ только сказать, что одно распространеніе идей не развьетъ даннаго чувства независимости, что для этого необходимо человѣку пройти ступень дѣйствія, а не останавливаться на первой ступени—идеѣ.

Мы утверждаемъ, что „будущность націи зависитъ отъ характера составляющихъ ее единицъ; что природа этихъ единицъ неизбѣжно видоизмѣняется въ смыслѣ приспособленія къ условіямъ окружающей среды; что чувства, вызванныя къ дѣятельности этими условіями, будутъ крѣпнуть, между тѣмъ какъ чувства, на которыя требованія уменьшились, будутъ исчезать; „что улучшить нравы возможно не затверживаніемъ правилъ хорошаго поведенія, и еще меньше однимъ умственнымъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 50

[2]) Герб. Спенсеръ. Основанія соціологіи. Т. I, ст. 69

образованіемъ, а только тѣмъ ежедневнымъ упражненіемъ высшихъ чувствованій и подавленіемъ низшихъ, которое происходитъ отъ подчиненія людей требованіямъ правильной общественной жизни" и что „въ этомъ одномъ заключается воспитаніе націи" [1]).

И такъ, развитіе соціальныхъ чувствъ есть главная причина улучшенія соціальныхъ формъ; мы должны заключить, слѣдовательно, что самымъ важнымъ факторомъ общественнаго прогресса является „чувство". Если же это такъ, то необходимо признать, что всѣ общественные дѣятели, имѣющіе въ виду вліять на прогрессивное движеніе соціальныхъ формъ, сами прежде всего должны обладать этими чувствами въ такой мѣрѣ, которая дозволила бы имъ идти впереди общества И мы дѣйствительно видимъ, что „реформаторы обыкновенно почерпаютъ свою энергію, самопожертвованіе и обязаны успѣхомъ своихъ предпріятій великому запасу чувства" [2]) Любовь къ человѣчеству, сильно развитое чувство справедливости и, такъ сказать, боевой характеръ—отличительныя черты ихъ.

Если мы посмотримъ съ этой точки зрѣнія на современное воспитаніе, то намъ сдѣлается понятною вся его односторонность и лживость. Оно чуть ли не исключительно заботится объ умственномъ воспитаніи, игнорируя развитіе чувствъ. Вотъ что говоритъ про это Бэнъ: „Система, развивающая элементъ умственный, не лучшая для обезпеченія элемента душевныхъ побужденій. Правильное распредѣленіе уроковъ, методъ и послѣдовательность, нѣкоторая строгость дисциплины, — все благопріятствуетъ постоянному нарощенію знанія; горя-

[1]) Гербертъ Спенсеръ. Изученіе соціологіи, т. II, стр. 562.
[2]) Генри Маудсли. Физіологія и патологія души. Стр. 189.

чія-же и глубокія чувства вызываются и развиваются въ пригодныхъ для того случаяхъ и событіяхъ, весьма рѣдкихъ въ школьной жизни“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не указываетъ, какіе это случаи „вызываютъ“ и главное „развиваютъ“ чувства. Онъ, подобно большинству людей, смѣшиваетъ эти два момента состоянія чувствъ. Обыкновенно думаютъ, что то, что вызываетъ, возбуждаетъ чувство, вмѣстѣ съ тѣмъ и развиваетъ его. Указываютъ, напримѣръ, что горячая, искренняя рѣчь *возбуждаетъ* слушателей на хорошее дѣло, и спрашиваютъ: неужели-же она не вліяетъ на развитіе чувства? Мы отвѣтимъ: нѣтъ, такъ какъ для развитія чувства недостаточенъ моментъ возбужденія, а необходимъ еще другой, логически за нимъ слѣдующій, моментъ *дѣйствія*, внушаемаго человѣку возбужденнымъ чувствомъ. Если человѣкъ останавливается на первомъ моментѣ, возбужденіи и не идетъ дальше, то это не только не способствуетъ развитію, а при частомъ повтореніи можетъ вполнѣ извратить естественное функціонированіе чувства. Юноша смотритъ, наприм., на гимнастическія упражненія своихъ товарищей, видъ борьбы вызываетъ въ немъ желаніе, что называется, размять свои кости; онъ чувствуетъ приливъ энергіи, мускулы его невольно сокращаются, но какое-нибудь обстоятельство мѣшаетъ ему удовлетворить своему желанію. Спрашивается: развились-ли мускулы отъ одного желанія дѣйствовать, отъ одного возбужденія къ дѣйствію? Очевидно, нѣтъ. Если обстоятельства будутъ постоянно сдерживать этого юношу отъ гимнастическихъ упражненій, то онъ, несмотря на возбужденія, будетъ физически хирѣть.

Разумѣется, что *дѣйствіе* должно быть соразмѣрно силѣ чувства. Какъ мускулы могутъ быть надорваны

[1]) Воспитаніе, какъ предметъ науки. Александра Бэна.

чрезмѣрнымъ усиліемъ, такъ и чувство, подъ вліяніемъ такой работы, которая не соотвѣтствуетъ его интенсивности, можетъ разстраиваться и дѣлать человѣка негоднымъ для дѣйствія. Всякій можетъ отыскать то количество усилія, какое соотвѣтствуетъ его силамъ.

И такъ, ни горячія рѣчи и проповѣди, ни примѣры не развиваютъ у людей чувствъ, которыя они возбуждаютъ; для развитія чувства необходимъ второй моментъ—дѣйствіе, внушаемое даннымъ чувствомъ. Разумѣется, изъ этого нельзя выводить того заключенія, что проповѣди и примѣры совсѣмъ не нужны; напротивъ, очень часто они служатъ исходной точкой развитія чувства. Люди нуждаются въ импульсахъ и возбужденіяхъ для того, чтобы вступить на путь дѣйствія, но не должно упускать изъ виду, что развитіе чувствъ не произойдетъ, пока человѣкъ не прошелъ момента дѣйствія.

ГЛАВА IV.

Основы нравственности. Этическое ученіе Спенсера.

Недалеко еще отъ насъ то время, когда люди, скроенные по послѣдней умственной модѣ, при одномъ словѣ «нравственность», «нравственныя чувства» и т. п., пожимали плечами, презрительно улыбались и произносили: «метафизика!» Эти люди, не задумываясь, утверждали, что человѣкъ руководствуется въ своей жизни эгоизмомъ, но при этомъ прибавляли: «эгоизмомъ, правильно понимаемымъ». Послѣднее добавленіе указывало на ту червоточину, которая скрывалась въ теоріи. Оказывалось, что эгоизмовъ на свѣтѣ существуетъ два: правильно понимаемый и неправильно; оказывалось, слѣдовательно, что необходимо прибѣгать къ тому же дуализму, на которомъ основывалось и вообще народное воззрѣніе на этотъ предметъ. Но «правильное пониманіе», по ихъ мнѣнію, зависѣло отъ умственныхъ силъ человѣка и отъ его знаній,—но не знаній вообще, а какихъ то такихъ знаній, которыя имѣютъ особенную способность заставлять «правильно понимать» свои личные интересы, т. е. дѣйствовать на благо общества... Тутъ они впадали въ такую неясность и, можно сказать, безтолковость, что трудно понять, какъ неглупые люди могли держаться подобныхъ теорій. Единственнымъ объясненіемъ этого

явленія можетъ служить только то, что все это были теоріи. Теорія—теоріей, а на практикѣ, въ жизни каждый изъ нихъ отличалъ умнаго плута отъ добродушнаго глупца, ученаго негодяя — отъ безграмотнаго мужика, «кладущаго душу за други своя?»

Кантъ начинаетъ свое «Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ» указаніемъ на тотъ фактъ, что «всюду въ мірѣ, да и вообще внѣ его, ничего нельзя мыслить такого, что могло бы считаться исключительно добрымъ, развѣ только добрую волю. Разсудокъ, остроуміе, сила сужденія, какъ таланты духа, — или смѣлость, рѣшимость, постоянство въ намѣреніяхъ, какъ свойства темперамента, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, конечно, хороши и желательны; но они могутъ быть весьма худыми и вредными, если воля, которая пользуется этими дарами природы и отличительныя свойства которой называются характеромъ, не есть добро». Такъ, напримѣръ, «умѣренность въ аффектахъ и страстяхъ, господство надъ собою и трезвое соображеніе не только во многихъ отношеніяхъ хороши, но, повидимому, составляютъ даже часть внутренняго достинства лица; тѣмъ не менѣе имъ еще многаго не достаетъ для того, чтобы считать ихъ исключительно-добрыми. Ибо, независимо отъ основоположенія доброй воли, они могутъ быть весьма злыми— и холодная кровь злодѣя дѣлаетъ его нетолько болѣе опаснымъ, но непосредственно въ нашихъ глазахъ еще болѣе отвратительнымъ, чѣмъ онъ могъ бы считаться таковымъ безъ этого». По мнѣнію Канта, „добрая воля“ не пріобрѣтается путемъ опыта и накопленія знаній: „не нужно, говоритъ онъ, никакой науки и никакой философіи, чтобы знать, что нужно дѣлать, что-бы быть честнымъ и добрымъ, даже мудрымъ и добродѣтельнымъ“. „Ясно, что всѣ нравственныя понятія имѣютъ свое мѣ-

сто и происхожденіе совершенно a priori въ разумѣ,— и настолько-же въ самомъ обыкновенномъ человѣческомъ разумѣ, насколько въ высшей степени теоретическомъ,— что они не могутъ быть отвлекаемы отъ эмпирическихъ и потому часто случайныхъ познаній". Нельзя не признать, что самый психическій фактъ изложенъ Кантомъ вѣрно, но только онъ даетъ ему совершенно ложное объясненіе,—причиной этого было то, что онъ хотѣлъ свое философское изслѣдованіе „совершенно изолировать" отъ антропологіи.

Въ основу своей „метафизики нравовъ" Кантъ положилъ совершенно несправедливое понятіе о нравственныхъ принципахъ: «*нравственные принципы не покоятся на свойствахъ человѣческой природы*, но должны существовать *для себя* a priori, а изъ нихъ должны быть выводимы практическія правила для каждой разумной природы, значитъ и человѣческой" [1]); но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прямо заявляетъ, что „нельзя доказать объективной реальности нравственнаго закона никакимъ выведеніемъ, не смотря на всѣ усилія теоретическаго, спекулятивнаго или на опытъ опирающагося разума" [2]). Кантъ особенно настаиваетъ на своей мысли, что нельзя объяснять нравственныхъ дѣйствій людей какими-либо склонностями къ этимъ дѣйствіямъ; по его мнѣнію, дѣйствія, совершенныя соотвѣтственно склонностямъ, не могутъ быть названы нравственными, ими бываютъ только тѣ, которыя совершены изъ „долга". Характеристич-

---

[1]) „Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ". Иммануила Канта. Стр. 23, 24, 36, 45, 44.

[2]) „Критика практическаго разума", его же. Первая часть, стр. 40 и 41. (Оба указанныя сочиненія Канта изданы переводчикомъ г. Н. Смирновымъ на русскомъ языкѣ въ одной книгѣ).

нѣйшей чертой нравственныхъ дѣйствій является „жертва“, а о жертвѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ дѣйствуютъ по склонности. Ошибка Канта очевидна. Когда мы говоримъ о жертвахъ матерей, то подъ этимъ подразумѣваемъ тѣ лишенія, которымъ онѣ подвергаютъ себя въ пользу дѣтей; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мотивы этихъ поступковъ не лежали въ душахъ самихъ матерей, а гдѣ-то внѣ ихъ. Если ради удовлетворенія нравственныхъ склонностей мы готовы терпѣть извѣстныя физическія или умственныя лишенія, то мы говоримъ, что жертвуемъ своими потребностями. Но если мы проанализируемъ, что заставляетъ насъ приносить эти жертвы, то замѣтимъ, что мотивами являются потребности нашей-же природы. Когда говорятъ: въ этомъ случаѣ я поступилъ по влеченію, а въ томъ по долгу, то, нѣтъ сомнѣнія этимъ указываютъ на извѣстную разницу въ психическомъ процессѣ, дѣйствительно существующую. Анализируя эту разницу, мы замѣтимъ, что въ первомъ случаѣ мотивы, побуждавшіе къ совершенію нравственнаго дѣйствія, были такъ сильны, что побѣда ихъ надъ эгоистическими мотивами совершилась безъ колебаній и затрудненій, а слѣдовательно безъ неудовольствія, при разсмотрѣніи процесса въ точки зрѣнія субъективнаго сознанія. При этомъ мы говоримъ: я сдѣлалъ это съ удовольствіемъ. Во второмъ же случаѣ, нравственные мотивы, встрѣтивъ препятствіе со стороны мотивовъ эгоистическихъ и будучи сильнѣе ихъ только на самую незначительную величину, должны бороться съ этими послѣдними; наступаетъ моментъ колебаній, затрудненій, а слѣдовательно и неудовольствія, и выходъ изъ этого момента часто достигается только посредствомъ напряженія всѣхъ нравственныхъ силъ; при этомъ на арену борьбы выступаютъ, кромѣ временныхъ, мимо-

летныхъ мотивовъ, и основныя наши нравственныя чувства. Въ этомъ случаѣ человѣкъ сознаетъ, что побѣда надъ эгоистическимъ мотивомъ далась не легко, что въ борьбу вступали не только мимолетные мотивы, но и основные, а потому и чувствуетъ, что въ этомъ второмъ случаѣ нравственные мотивы были слабѣе, нежели въ первомъ, что ихъ побѣда совершилась не безъ борьбы и говоритъ: я поступилъ «по долгу». Такимъ образомъ между поступками, совершаемыми „по долгу“ и «по склонностямъ», нѣтъ принципіальной разницы.

Теперь немного найдется ученыхъ, которые бы взялись защищать мысль Милля, что нравственное чувство не врождено человѣку, т. е., говоря иными словами, не получено имъ по наслѣдству отъ прежнихъ поколѣній, а пріобрѣтается каждымъ индивидуумомъ втеченіе жизни опытнымъ путемъ. Человѣкъ, по мнѣнію Милля, стремясь только къ личному счастью путемъ ассоціацій идей, мало-по-малу выучивается поступать сообразно съ общей пользой. «Желательная сначала только какъ средство къ счастію, добродѣтель можетъ потомъ сдѣлаться желательною, и сама по себѣ; изъ *средства* можетъ превратиться въ цѣль,—каковое явленіе весьма легко объясняется дѣйствіемъ извѣстнаго закона ассоціаціи, столь наглядно-подтверждаемаго фактомъ стремленія и привязанности людей къ деньгамъ, какъ цѣли самой по себѣ» [1]) Примѣръ съ деньгами, очевидно, не идетъ къ дѣлу, такъ какъ любовь къ деньгамъ развивается обыкновенно только въ пожиломъ возрастѣ, путемъ жизненнаго опыта, а нравственное чувство мы замѣчаемъ у человѣка уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Другое дѣло примѣнять ассоціацію идей для объ-

[1]) Д. С. Милль. «Утилитаріанизмъ». Стр. 85.

ясненія накопленія нравственнаго чувства въ цѣлой *расѣ*, путемъ медленнаго накопленія въ индивидуумахъ и наслѣдственной передачи этого нравственнаго капитала отъ предковъ къ потомкамъ. Подобно лавинѣ, медленно двигающейся въ началѣ своего пути, но мало-помалу растущей въ своемъ объемѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливающей быстроту своего движенія—двигается этотъ нравственный капиталъ человѣчества, создавая такія условія жизни, которыя, въ свою очередь, облегчаютъ быстроту его накопленія. Разумѣется, что это движеніе замѣтно только съ извѣстнаго разстоянія, допускающаго однимъ взглядомъ обнять сотни и тысячи людскихъ поколѣній,—живыхъ носителей нравственнаго капитала. Нравственность, имѣя свой корень въ чисто эгоистическомъ *инстинктѣ размноженія* цѣлымъ рядомъ метаморфозъ, созданныхъ ассоціаціей идей, настолько дифференцировалась отъ эгоизма, что въ настоящее время является полнымъ отрицаніемъ этого послѣдняго. Она является вполнѣ самостоятельной силой въ ряду другихъ душевныхъ явленій. Только тѣ дѣйствія человѣка, которыя совершены подъ вліяніемъ этой накопляющейся силы, считаются нравственными. Завѣренія Милля, что «тотъ, кто вытаскиваетъ утопающаго изъ воды, поступаетъ нравственно хорошо, по какому бы мотиву онъ ни дѣйствовалъ, по чувству-ли долга, или ради ожидаемой награды» [1])—не признаются сознаніемъ всего человѣчества. Точка зрѣнія Милля, чисто формальная, отъ которой отбиваются и руками, и ногами даже юристы, наиболѣе наклонные къ формализму.

Что же касается положенія всѣхъ утилитаристовъ, что человѣкъ стремится *къ счастію*, то подъ этимъ

[1]) Тамъ же. Стр. 42.

скрывается та непреложная истина, что онъ стремится къ *удовлетворенію своихъ потребностей*. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣческій организмъ, какъ и всякій вообще, только и можетъ стремиться къ этому послѣднему. Но нѣкоторые уталитаристы дѣлаютъ вполнѣ ложные выводы въ своихъ построеніяхъ, именно потому, что не замѣчаютъ того очевиднаго, для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, факта, что потребности человѣка бываютъ двухъ родовъ: потребность въ *самосохраненіи* и потребность въ *сохраненіи вида*. Человѣкъ, стремясь удовлетворить свою потребность заботы о сохраненіи вида, можетъ пожертвовать стремленіемъ къ самосохраненію;—отсюда способность къ самопожертвованію, и называть это самопожертвованіе эгоизмомъ значитъ злоупотреблять словами и придавать имъ несвойственный смыслъ. Подъ эгоизмомъ люди привыкли понимать только стремленіе къ самосохраненію; поступки же, вытекающіе изъ стремленія къ сохраненію вида, называются нравственными. Смѣшивать обѣ области человѣческихъ дѣйствій только потому, что онѣ вытекаютъ изъ стремленія удовлетворить потребности человѣка,—нѣтъ никакихъ основаній; еще меньше основаній имѣетъ окрещиваніе обѣихъ областей терминомъ, который обыкновенно употребляется людьми для обозначенія только одной изъ нихъ [1])

---

[1]) Вотъ что говоритъ по поводу ученій утилитаристовъ Ч. Дарвинъ: „Джонъ Стюартъ Милль, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Utilitarianism», говоритъ объ общественныхъ чувствахъ, какъ о «могучемъ естественномъ чувствѣ» и какъ объ «естественномъ основаніи чувства утилитарной нравственности». Однако, за страницу передъ этимъ онъ говоритъ; «но если, какъ я думаю, нравственныя чувства не врождены, а

Основа нравственнаго поведенія человѣка находится не въ его знаніяхъ и умственныхъ силахъ, а тѣмъ болѣе не въ его эгоизмѣ, т. е. потребности въ самосохраненіи,—нравственное поведеніе основано на нравственныхъ чувствахъ, т. е. потребности въ сохраненіи вида [1]). Утверждать, что человѣкъ дѣйствуетъ всегда

пріобрѣтены, то они черезъ это не становятся менѣе естественными». Не безъ колебаній рѣшаюсь я противорѣчить столь глубокому мыслителю, но едва-ли можно спорить противъ того, что у низшихъ животныхъ моральное чувство инстинктивное, или врожденное, и почему же не быть тому же самому и у человѣка? Бэнъ и другіе думаютъ, что моральное чувство пріобрѣтается всякимъ, втеченіе жизни. Съ точки зрѣнія общей теоріи развитія, это, по меньшей мѣрѣ, невѣроятно». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ: «общественное мнѣніе, будто всѣ дѣйствія человѣка обусловливаются чувствомъ наслажденія или страданія, кажется мнѣ ошибочнымъ. Но, принимая слѣпое и непосредственное слѣдованіе врожденной привычкѣ, *совершенно независимо отъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, получаемыхъ въ данную минуту*, я не отрицаю, что въ сознаніи остается всегда неопредѣленное чувство недовольства, если эти инстинкты подавляются насильственно или круто,—случай, который выражается всего рѣзче на людяхъ съ слабыми умственными способностями». (См. Ч Дарвинъ. Происхожденіе видовъ. Т. I, стр. 51 и 57).

[1]) Профессоръ А. Козловъ утверждаетъ, что критерій нравственности «лежитъ внѣ области разума, а въ области воли, и при томъ предполагаетъ у ней возможность выступать *абсолютно свободно, т. е съ отрицаніемъ индивидуума*, а такъ какъ индивидуумъ и его воля одно и тоже, то, значитъ, съ отрицаніемъ самой себя, какъ индивидуальной воли» («Заграничный Вѣстникъ» 1882 г. № 6). Г. Козловъ, указывая на фактъ «отрицанія индивидуума» его же собственной волей, дѣйствующей по своему нравственному критерію, и выводя изъ этого факта мысль, что воля отрицаетъ саму себя, а слѣдовательно «абсолютно свободна»,—не принялъ во вниманіе, что это «отрицаніе индивидуума» ничего больше, какъ отри-

только подъ вліяніемъ эгоистическихъ потребностей, значитъ утверждать, что онъ стремится только къ самосохраненію, а это противорѣчитъ безчисленнымъ фактамъ человѣческой и вообще животной жизни. Несомнѣнно, что у животныхъ, какъ и у человѣка, очень сильно развита потребность въ сохраненіи вида, которая и побуждаетъ человѣка жертвовать собою на пользу вида. Смѣшивать потребность въ самосохраненіи съ потребностью въ сохраненіи вида подъ однимъ названіемъ,—эгоизмъ,—уже неправильно и потому, что вслѣдъ за этимъ намъ все равно придется различать въ этомъ эгоизмѣ двѣ стороны: одна изъ нихъ будетъ побуждать человѣка къ вполнѣ эгоистическимъ дѣйствіямъ, другая же, наоборотъ, будетъ толкать на самопожертвованіе. Слѣдовательно, все-таки придется признать двойственную противоположность въ побужденіяхъ къ дѣятельности, а между тѣмъ подобный пріемъ производитъ только путаницу во многихъ головахъ, приходившихъ къ выводу, что человѣкъ только и можетъ руководствоваться потребностями къ наслажденію, а потому и заподозрѣвавшихъ, что факты самопожертвованія,—о которыхъ Дарвинъ говоритъ, какъ о совершаемыхъ вполнѣ

ціаніе потребностей самосохраненія, ради удовлетворенія другихъ потребностей того же индивидуума, а именно, потребностей въ сохраненіи вида. Въ волѣ индивидуума мы можемъ найти не только его собственную волю (въ узкомъ смыслѣ слова), но и *волю вида*, которая проявляется въ индивидуумѣ въ видѣ потребности дѣйствовать на благо цѣлаго вида. Нельзя понять индивидуальной жизни, выхватывая ее изъ тѣхъ условій, которыя ее порождаютъ, т. е жизни видовой, какъ нельзя понять этой послѣдней, не находя нити, связывающей ее со всѣмъ бытіемъ. Индивидуумъ есть только часть вида, и для насъ непонятно, какъ эта часть можетъ быть свободна отъ видовыхъ условій, ее породившихъ.

«независимо отъ пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, получаемыхъ въ данную минуту»—не существуютъ, какъ таковыя, а суть только курьезное видоизмѣненіе стремленій къ тому же личному наслажденію. Они, очевидно, смѣшиваютъ чисто личное, эгоистическое наслажденіе съ тѣмъ чувствомъ довольства собою, которое появляется у всякаго человѣка, удовлетворившаго своей потребности къ самопожертвованію. Во всякомъ случаѣ, необходимо же отличать того человѣка, который находитъ наслажденіе въ самопожертвованіи, отъ того, который находитъ наслажденіе только въ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей въ узкомъ смыслѣ этого понятія. Какъ бы мы ни ставили вопросъ, а намъ придется все-таки различать въ человѣкѣ два рода потребностей: эгоистическія и альтруистическія. Отождествлять же ихъ на томъ только основаніи, что все это—потребности человѣческой природы, это значитъ пускаться въ софизмы, которые способствуютъ деморализированію общественнаго мнѣнія и развитію наглости въ эгоистическихъ натурахъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ основа нравственнаго поведенія по ученію Спенсера [1]).

Установленіе правилъ хорошаго и дурного поведенія на научномъ основаніи, по мнѣнію Спенсера, представляетъ настоятельную потребность данной минуты. Въ настоящее время нравственныя заповѣди, выводимыя изъ старыхъ источниковъ нравственности, мало-по-малу дискредитируются, а потому установленіе нравственнаго поведенія на новыхъ основаніяхъ становится положительною необходимостью. Очень немногія событія въ состояніи повлечь за собою, говоритъ Спенсеръ, такія гибельныя по-

[1]) Основанія науки о нравственности. Герберта Спенсера.

слѣдствія, какъ упадокъ и смерть регулятивной системы, переставшей соотвѣтствовать новымъ обстоятельствамъ, прежде чѣмъ выростетъ и станетъ на ея мѣсто другая регулятивная система, лучше приспособленная къ измѣнившимся условіямъ. Большинство изъ тѣхъ, которые отвергаютъ ходячія вѣрованія, продолжаетъ онъ, допускаютъ, повидимому, что *контролирующая власть*, представляемая этими вѣрованіями, можетъ быть отброшена въ сторону безъ всякихъ опасеній, и что открывшаяся такимъ образомъ вакансія можетъ оставаться незамѣщенною никакою контролирующею властью.

Всѣ эти разсужденія могутъ навести на мысль, что философъ задумалъ создать новую *регулятивную систему* нравственности, которая будетъ служить такою же контролирующею властью для современныхъ поколѣній, какою являлась прежняя для нашихъ предковъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи его труда, ничего подобнаго мы не могли замѣтить. Попытка подобнаго рода немыслима для Спенсера, постоянно настаивающаго на томъ, что въ основѣ нравственнаго поведенія лежатъ нравственныя интуиціи, эмоціи или чувства, а также и на томъ, что различныя племена человѣческаго рода сильно отличаются другъ отъ друга своими эмоціональными свойствами. Отсюда необходимо заключить, что созданіе *единой* регулятивной нравственной системы для современнаго человѣчества немыслимо. Фиджіецъ, неуклонно стремящійся наполнять свою хижину черепами убитыхъ имъ людей, не можетъ быть подчиненъ той же нравственной системѣ, какая будетъ создана на основаніи эмоцій француза, англичанина или русскаго.

Мы также не встрѣчаемъ у Спенсера и попытки создать нравственную систему для регулированія *совре-*

меннаго поведенія какого-нибудь одного или группы народовъ. Оказывается, что всѣ его разсужденія о необходимости создать, взамѣнъ умирающей регулятивной системы нравственности, другую, какъ необходимую контролирующую власть, брошены на вѣтеръ. На самомъ дѣлѣ онъ старается не о созданіи такой нравственной системы, а объ отысканіи законовъ „абсолютной этики“ [1]). По его мнѣнію, человѣчество, согласно законамъ развитія вообще и законамъ органическаго развитія въ частности, постоянно подвигалось и подвигается впередъ по пути приспособленія къ общественному состоянію, измѣняющаго его въ направленіи къ идеальной гармоніи. Этотъ прогрессъ долженъ завершиться выработкою такого человѣка, въ которомъ этотъ процессъ дойдетъ до того, что породитъ полнѣйшее соотвѣтствіе между всѣми требованіями его натуры и всѣми требованіями его жизни, проводимой въ обществѣ себѣ подобныхъ. Отсюда, по мнѣнію Спенсера, необходимо слѣдуетъ, что существуетъ нѣкоторый *идеальный кодексъ* поведенія, формулирующій образъ дѣйствій совершенно приспособленнаго человѣка, живущаго въ совершенно развитомъ обществѣ. Такой кодексъ и есть то, что онъ называетъ *абсолютной этикой*, въ отличіе отъ нынѣшнихъ кодексовъ поведенія, которые онъ называетъ *относительной этикой*.

Абсолютная этика есть тотъ кодексъ, предписанія котораго только одни должны считаться абсолютно хо-

[1]) Этотъ терминъ употребляется Спенсеромъ не въ общепринятомъ его смыслѣ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Онъ не допускаетъ такихъ принциповъ этики, которые бы существовали внѣ отношенія къ условіямъ жизни на землѣ, т. е. внѣ отношенія къ пространству и времени, и совершенно независимо отъ нынѣ видимой нами вселенной. Обыкновенно-же подъ абсолютными принципами этики подразумѣваются именно такого рода принципы.

рошими, въ противоположность всѣмъ остальнымъ, которыя могутъ быть только относительно хорошими, или наименѣе дурными, это есть та система идеальнаго поведенія, которая должна служить намъ руководящимъ критеріемъ при рѣшеніи, по мѣрѣ нашего умѣнья и имѣющихся у насъ данныхъ, всѣхъ проблемъ *реальнаго* поведенія. Отношеніе между истинной нравственностью и нравственностью какъ ее понимаютъ обыкновенно, аналогично отношенію между физіологіею и патологіею. Когда намъ удастся, утверждаетъ Спенсеръ, формулировать нормальное поведеніе человѣка въ идеальномъ обществѣ и построить такимъ образомъ науку абсолютной этики, мы построимъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую науку, которая, будучи приложена къ объясненію явленій реальныхъ обществъ *въ ихъ переходныхъ состояніяхъ*, преисполненныхъ бѣдствіями, проистекающими изъ неприспособленности (бѣдствіями, которыя мы можемъ назвать патологическими состояніями),—даетъ намъ возможность составлять себѣ *приблизительно вѣрныя* заключенія касательно той или другой природы тѣхъ или другихъ ненормальностей, равно какъ и касательно тѣхъ путей, которые прямѣе и ближе ведутъ къ нормальному.

Научныя истины, говоритъ Спенсеръ, какого-бы то ни было порядка достигаются всегда путемъ устраненія всѣхъ случайныхъ, взаимно-противодѣйствующихъ факторовъ, возмущающихъ и затемняющихъ общій законъ. и сосредоточенія вниманія на однихъ только основныхъ факторахъ. Когда такое изслѣдованіе основныхъ факторовъ въ ихъ отвлеченной формѣ приведетъ къ познанію общихъ законовъ, тогда становится уже возможнымъ и выводъ изъ нихъ заключеній по отношенію къ конкретнымъ случаямъ, посредствомъ принятія въ разсчетъ разныхъ случайныхъ факторовъ. Подобно тому, какъ систе-

ма механическихъ истинъ, имѣющая въ нашемъ представленіи, вслѣдствіе идеальной отрѣшенности своей отъ всѣхъ побочныхъ условій, совершенно абсолютный характеръ, становится приложимой къ реальнымъ механическимъ задачамъ, вслѣдствіе принятія въ разсчетъ всѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, причемъ введеніе этихъ поправокъ даетъ возможность получить заключенія, гораздо болѣе близкія къ истинѣ, чѣмъ тѣ, которыя могли-бы быть получены иначе; такъ точно и система идеальныхъ этическихъ истинъ, выражающихъ лишь абсолютно-хорошее, станетъ приложимою къ вопросамъ нашего переходнаго состоянія, вслѣдствіе принятія въ разсчетъ трепія нынѣшней несовершенной жизни и нынѣшнихъ не совершенныхъ натуръ, причемъ введеніе этихъ поправокъ дастъ намъ возможность опредѣлять съ приблизительною точностью, что должно считаться относительно хорошимъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Установивъ абсолютную справедливость и принявъ ее за критерій, мы должны будемъ перейти къ опредѣленію относительной справедливости, посредствомъ разсмотрѣнія того, въ какой мѣрѣ возможно приближеніе къ установленному идеалу при настоящихъ обстоятельствахъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Спенсеръ совершенно и не думаетъ, чтобы его абсолютная этика могла служить той регулятивной системой, въ которой, по его мнѣнію, чувствуется такая надобность въ практической жизни. Практическая жизнь нуждается въ системахъ *относительной* этики, а не въ тѣхъ отвлеченностяхъ, которыя, только путемъ цѣлаго ряда поправокъ, могутъ сдѣлаться регуляторомъ жизни. И такъ какъ Спенсеръ не создалъ этой относительной этики нашего времени, то, слѣдовательно, и не удовлетворилъ общественной потребности, о которой говоритъ въ предисло-

віи, какъ о „*настоятельной потребности данной минуты*“. Его абсолютная этика не можетъ быть контролирующею властью нашего поведенія, такъ какъ очевидно, что она можетъ дать только приблизительно вѣрные отвѣты на вопросы относительной этики. „Но хотя абсолютная этика, говоритъ Спенсеръ, *и не оказываетъ относительной этикѣ сколько-нибудь значительной помощи*, доставляемымъ ею критеріемъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, она все-таки оказываетъ ей *нѣкоторую* помощь, постоянно удерживая передъ сознаніемъ картину идеальнаго примиренія всѣхъ разнообразныхъ притязаній, имѣющихъ мѣсто въ каждомъ случаѣ, и поощряя къ отысканію такого компромиса между этими притязаніями, который бы не оставилъ безъ вниманія ни одного изъ нихъ, но удовлетворилъ-бы всѣ и каждое въ наибольшей степени, какая только осуществима на практикѣ“ [1]). Такимъ образомъ ясно, что Спенсеръ не имѣлъ никакого права обѣщать намъ въ предисловіи созданіе такой нравственной системы, которая могла бы замѣнить разлагающуюся относительную этику нашего времени, такъ какъ онъ развиваетъ только начала абсолютной этики, не оказывающей, по его же словамъ, сколько-нибудь значительной помощи построенію той новой относительной этики, въ которой мы настоятельно нуждаемся.

Нравственное ученіе Спенсера проникнуто тѣмъ же принципомъ развитія, на которомъ онъ вообще основалъ свою „Систему синтетической философіи“. Это даетъ ему возможность согласить между собою противоположныя нравственныя теоріи, подобно тому, какъ онъ указалъ способъ къ соглашенію между собою противополож-

[1]) Основанія науки о нравственности. Герберта Спенсера. Стр. 360.

ныхъ теорій познаванія. Какъ ученіе о врожденныхъ формахъ умственной интуиціи приходитъ въ гармонію съ ученіемъ о происхожденіи ихъ изъ опыта, если мы признаемъ происхожденіе умственныхъ способностей изъ унаслѣдованія результатовъ, произведенныхъ въ нервной организаціи прежними опытами, такъ и ученіе о врожденныхъ способностяхъ непосредственнаго нравственнаго усмотрѣнія становится согласимымъ съ ученіемъ утилитаристовъ, если мы признаемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что предпочтенія и отвращенія къ тому или другому поведенію становятся органическими, вслѣдствіе унаслѣдованія результатовъ пріятныхъ и непріятныхъ опытовъ, имѣвшихъ мѣсто у предковъ. Такимъ образомъ основой нашего нравственнаго поведенія служитъ организованный опытъ нашихъ предковъ, переданный намъ ими по наслѣдству, вмѣстѣ съ физической организаціей. Этотъ наслѣдственный организованный опытъ служитъ источникомъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя мы называемъ чувствами, эмоціями. По мнѣнію Спенсера, нравственныя чувства, порождаемыя въ цивилизованныхъ людяхъ ежедневнымъ соприкосновеніемъ съ общественными условіями и постепеннымъ къ нимъ приспособленіемъ, безусловно необходимы, въ качествѣ побудителей и сдерживателей нашихъ поступковъ, а потому и должны обладать несомнѣннымъ общимъ авторитетомъ, имѣющимъ право на почтительное признаніе ихъ съ нашей стороны. Но такъ какъ возникающія изъ нихъ симпатіи и антипатіи, вмѣстѣ съ умственными ихъ выраженіями, отличаются, въ первобытныхъ своихъ формахъ, смутною неопредѣленностью, то, чтобы сдѣлать руководство этими чувствами и интуиціями вполнѣ удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ, ихъ повелѣнія должны быть истолкованы и облечены въ строго опредѣленную

форму наукою, для чего необходимо прибѣгнуть къ анализу условій жизни, которымъ они соотвѣтствуютъ и изъ обращенія съ которыми они возникли.

Первый вопросъ, который долженъ разрѣшить всякій, приступившій къ изслѣдованію въ области нравственности, состоитъ, по мнѣнію Спенсера, въ слѣдующемъ:

Стоитъ-ли жизнь того, чтобы жить? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ вполнѣ зависитъ всякое наше рѣшеніе о томъ, что слѣдуетъ считать хорошимъ или дурнымъ въ дѣлѣ поведенія. По мнѣнію Спенсера, тѣ изъ моралистовъ, которые видятъ въ жизни не благодѣяніе, а несчастіе, должны смотрѣть на поведеніе, способствующее ея продолженію, скорѣе какъ на предосудительное, чѣмъ похвальное; ибо мы должны желать скорѣйшаго конца тягостнаго существованія, а потому одобрять все то, что ведетъ къ его окончанію, и порицать все то, что, такъ или иначе, содѣйствуетъ его продленію для насъ самихъ или для другихъ. Тѣ же изъ нихъ, которые придерживаются оптимистическаго взгляда, или тѣ, которые, хотя и не будучи чистыми оптимистами, все-таки считаютъ, что въ жизни добро перевѣшиваетъ зло, должны придерживаться въ своихъ сужденіяхъ совершенно противоположнаго взгляда: они должны считать похвальнымъ то поведеніе, которое споспѣшествуетъ жизни, и предосудительнымъ то, которое наноситъ вредъ или грозитъ опасностью своей или чужой жизни. Законодательство, стремящееся къ увеличенію долговѣчности, будетъ предосудительнымъ съ точки зрѣнія пессимиста и похвальнымъ съ оптимистической точки зрѣнія.

Спенсеръ указываетъ на тотъ фактъ, что во всемъ животномъ мірѣ страданія, необходимымъ образомъ, соотносительны вреднымъ для организма дѣйствіямъ,

а удовольствія столь же необходимо соотносительны дѣйствіямъ, ведущимъ къ его благополучію; гипотеза развитія приводитъ насъ къ тому неизбѣжному выводу, что одаренныя чувствительностью породы организмовъ не могли явиться на свѣтъ ни при какихъ другихъ условіяхъ. Только тѣ породы существъ могли выжить, у которыхъ, въ среднемъ выводѣ, пріятныя чувствованія сопровождали дѣятельности, ведущія къ сохраненію жизни, а непріятныя сопровождали дѣятельности, прямо или косвенно пагубныя для нея. Такимъ образомъ тѣсная связь жизненныхъ процессовъ организма и пріятныхъ чувствованій считается Спенсеромъ необходимымъ условіемъ существованія всѣхъ организмовъ, а такъ какъ человѣчество не только существуетъ, но и размножается, то мы вправѣ заключить, что и его жизнь въ среднемъ выводѣ даетъ перевѣсъ счастья надъ несчастьемъ. Но если Спенсеръ вполнѣ правъ, утверждая, что возможность существованія человѣчества опредѣлилась только тѣмъ, что въ его жизни пріятныя впечатлѣнія брали верхъ надъ непріятными, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упускаетъ изъ вида, что извѣстная часть человѣчества въ данный періодъ своей жизни можетъ быть поставлена въ такія условія, при которыхъ несомнѣнный верхъ остается за страданіями, а не за удовольствіями. Показателемъ этого явленія можетъ служить вырожденіе, вымираніе или прогрессивная пріостановка увеличенія народонаселенія. Съ точки зрѣнія самого Спенсера, эти явленія иначе нельзя и объяснить, какъ преобладаніемъ страданій надъ удовольствіями. Можно быть оптимистомъ, наблюдая ходъ жизни человѣчества въ его цѣломъ, и въ то же время ясно видѣть первые предвѣстники вымиранія какого-нибудь отдѣльнаго народа, т. е. быть въ отношеніи къ нему песси-

мистомъ. Спрашивается: какъ долженъ поступать человѣкъ въ этихъ исключительныхъ случаяхъ? Онъ несомнѣнно видитъ преобладаніе страданій надъ удовольствіями; но вправѣ-ли онъ способствовать этому вымиранію какими-либо дѣйствіями, руководствуясь тѣмъ, что онъ уменьшаетъ этимъ страданіе людей? Мы видимъ всегда и всюду, что люди, организмъ которыхъ быстро разрушается подъ вліяніемъ преобладанія несчастій надъ счастіемъ, все таки стараются во что бы то ни стало сохранить свою жизнь. Какъ они сами, такъ и окружающіе обыкновенно пытаются объяснить это тѣмъ, что человѣкъ все-таки надѣется въ будущемъ пополнить недостатокъ счастья. Эти разсужденія предполагаютъ, что люди сознательно взвѣшиваютъ свои страданія и удовольствія, и если продолжаютъ жить, такъ только потому, что нашли жизнь выгодною, въ смыслѣ перевѣса удовольствій. На самомъ же дѣлѣ все это происходитъ, по нашему мнѣнію, гораздо проще.

Преобладаніе удовольствій надъ страданіями обусловило существованіе всего органическаго міра. Опыты этого преобладанія удовольствій отпечатлѣлись въ организмѣ и стали передаваться по наслѣдству въ видѣ интуиціи. Эту вполнѣ біологическую интуицію мы обыкновенно называемъ инстинктомъ самосохраненія. Инстинктъ самосохраненія—это есть переданный намъ по наслѣдству организованный опытъ преобладанія удовольствій надъ страданіями въ жизни нашихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Вотъ съ этимъ-то наслѣдственнымъ капиталомъ приходится жить и тому, у кого страданія берутъ верхъ надъ удовольствіями. Безсознательное чувство твердитъ ему: живи, а сознаніе старается украсить эту вынужденную жизнь розовыми лоскутьями надежды. Тутъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-то сознательномъ

разсчетѣ: человѣкъ просто повинуется слѣпой силѣ, стремящейся во что бы то ни стало сохранить организмъ. Тотъ, кто посягаетъ на жизнь несчастнаго человѣка, тотъ не уменьшаетъ его страданій, а увеличиваетъ ихъ самымъ большимъ несчастіемъ—отнятіемъ жизни. Мы не вправѣ прилагать въ этихъ случаяхъ никакой объективной мѣрки, и субъективной страхъ разрушенія долженъ непремѣнно идти въ счетъ.

Итакъ, можно быть пессимистомъ въ томъ ограниченномъ размѣрѣ, о которомъ мы говорили выше, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не желать прекращенія тягостнаго существованія, а, наоборотъ, всѣми силами стараться помочь выйти данному народу изъ его бѣдственнаго положенія, такъ какъ несчастіе не есть необходимый удѣлъ человѣчества, а только исключеніе въ его жизни, разсматриваемой во всей ея совокупности.

Посмотримъ теперь на идеальный кодексъ абсолютной этики англійскаго моралиста, рекомендуемый имъ какъ тотъ идеалъ, къ которому мы по возможности должны приближаться. Характерная черта этого кодекса та, что эгоизмъ долженъ идти впереди альтруизма. Всякое существо должно жить прежде, чѣмъ дѣйствовать. Коль скоро каждый не будетъ заботиться надлежащимъ образомъ о себѣ самомъ, его заботливость о всѣхъ другихъ окончится смертью; а когда каждый доведетъ себя такимъ образомъ до смерти, то не останется и другихъ, о которыхъ слѣдовало-бы заботиться. Кромѣ того, отсутствіе всякаго себялюбія, доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ, становится само источникомъ себялюбія прямымъ и непрямымъ образомъ. Для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ доставить другому какое-либо удовольствіе, нужно, чтобы этотъ другой принялъ его; принятіе его однимъ изъ нихъ непремѣнно предполагаетъ го-

товность пользоваться удовольствіями на счетъ другого. Коль скоро нужды и обстоятельства данныхъ двухъ людей одинаковы, всякая такая сдѣлка непремѣнно предполагаетъ, что у послѣдняго изъ нихъ эгоизмъ имѣетъ точно такую-же силу, какъ у перваго альтруизмъ. Пожертвованіе самимъ собою въ пользу другихъ, доведенное до крайнихъ предѣловъ, ведетъ только къ вымиранію необыкновенно альтруистическихъ натуръ, неизбѣжно препятствующему смягченію эгоизма средней человѣческой натуры, которое непремѣнно произошло бы безъ этого вымиранія.

Но насколько необходимъ эгоизмъ, настолько-же необходимъ и альтруизмъ. Подъ альтруизмомъ Спенсеръ подразумѣваетъ всѣ тѣ дѣйствія, посредствомъ которыхъ сохраняется жизнь потомства и поддерживается существованіе вида. Разсматривая развитіе органическаго міра, онъ приходитъ къ тому заключенію, что самопожертвованіе не менѣе первобытно, какъ и самосохраненіе. Обязательность альтруизма оказывается на дѣлѣ ничуть не меньшею, чѣмъ обязательность эгоизма. Если недостатокъ нормальнаго эгоизма ведетъ къ ослабленію, даже къ потерѣ жизни, а слѣдовательно къ потерѣ способности выполнять альтруистическія дѣйствія, то и недостатокъ нормальнаго альтруизма, причиняющій смерть или недостаточное развитіе дѣтей, приводитъ, въ свою очередь, къ исчезновенію въ будущихъ поколѣніяхъ недостаточно альтруистическихъ натуръ, т. е. къ уменьшенію средняго эгоизма. Такимъ образомъ каждый видъ постоянно очищается отъ ненормально-эгоистическихъ индивидуумовъ, и въ то же время въ немъ постоянно погибаютъ и ненормально-альтруистическіе индивидуумы.

Если каждый изъ двухъ противоположныхъ принциповъ оказывается уважительнымъ или вполнѣ, или от-

части, то мы неизбѣжно должны заключить, что ни чистый эгоизмъ, ни чистый альтруизмъ не могутъ считаться законными. Отсюда слѣдуетъ, что единственный возможный здѣсь исходъ заключается въ нѣкоторомъ компромиссѣ между ними. Эгоизмъ и альтруизмъ „равносущны“, т. е. имѣютъ одинаково существенное значеніе.

Мы вполнѣ признаемъ непреоборимую силу доводовъ Спенсера о необходимости компромисса между эгоизмомъ и альтруизмомъ въ томъ будущемъ обществѣ, въ которомъ люди будутъ вполнѣ приспособлены къ общественному состоянію, но до этого намъ еще очень далеко. Теперь-же, руководство его абсолютной этикой при разрѣшеніи реальныхъ проблэмъ современной жизни, по нашему мнѣнію, можетъ повести только къ *вреднымъ* послѣдствіямъ. Дѣло въ томъ, что, по словамъ самого-же Спенсера, унаслѣдованныя желанія, имѣющія прямое отношеніе къ сохраненію индивидуальной жизни, очень хорошо приспособлены къ имѣющимся тутъ требованіямъ, а потому моралистамъ не было никакой нужды настаивать на сообразованіи съ этими желаніями, какъ на необходимомъ условіи успѣшнаго самосохраненія. Альтруистическія-же желанія у насъ очень слабы; понятно, что нравственные кодексы съ особенною силою и торжественностью настаиваютъ на тѣхъ стѣсненіяхъ поведенія, которыя вызываются присутствіемъ другихъ нашихъ собратьевъ-людей. Что-же дѣлаетъ Спенсеръ? Онъ съ особенною торжественностью старается указать на необходимость тѣхъ свойствъ человѣческой натуры, которыя и сами по себѣ весьма сильны. Если-бы онъ ограничился только областью абсолютной этики, то это врядъ-ли могло-бы имѣть вліяніе на относительную этику нашего времени. Но онъ постоянно указываетъ на не-

обходимость руководствоваться и въ настоящее время тѣми-же принципами, т. е. спѣшитъ поддержать и усилить одну изъ необходимыхъ сторонъ человѣческаго поведенія, которая, по его-же словамъ, *совершенно не нуждается въ этомъ*. Такъ какъ альтруизмъ равносущенъ эгоизму, а на практикѣ, пока, оказывается гораздо слабѣе его, то моралистъ, понимающій свое дѣло, будетъ стараться *исключительно* о скорѣйшемъ развитіи альтруизма, т. е. о развитіи его до той мѣры, при которой онъ могъ-бы быть дѣйствительно равносущенъ эгоизму. Отсюда понятна та *временная* исключительность моралистовъ, на которую постоянно указываетъ Спенсеръ. Относительная этика нашего времени, имѣя въ виду необходимость достигнуть того идеальнаго общественнаго положенія, въ которомъ люди съумѣютъ найти необходимый компромиссъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ, необходимо должна обращать вниманіе больше всего на внесеніе въ жизнь людей необходимыхъ условій для развитія альтруизма, ибо эгоизмъ не пуждается ни въ развитіи, ни въ помощи моралистовъ. И чѣмъ меньше мы будемъ руководствоваться абсолютной этикой Спенсера при созданіи относительной этики нашего времени, тѣмъ скорѣе достигнемъ того состоянія, въ которомъ будемъ руководствоваться его абсолютной этикой. Чѣмъ страстнѣе будетъ борьба нынѣшняго слабаго альтруизма съ сильнымъ эгоизмомъ, тѣмъ скорѣе мы достигнемъ тихой общественной пристани, которая рисуется намъ вдали.

ГЛАВА V.

Объективная этика русскихъ философовъ.

Еще недавно философія у насъ была въ большомъ загонѣ. По какому-то странному недоразумѣнію, подъ словомъ „философія“ подразумѣвали только нѣкоторыя философскія ученія, потерявшія кредитъ въ глазахъ образованной части нашего общества. Никто не хотѣлъ знать, что идеи, смѣнившія ихъ и быстро распространявшіяся у насъ подъ флагомъ послѣднихъ выводовъ науки,—ничего больше, какъ извѣстныя философскія обобщенія, которыя показались данному обществу болѣе соотвѣтствующими современному знанію, нежели прежнія. Въ это время мы были убѣждены, что всѣ философы занимаются измышленіемъ своихъ системъ, не руководствуясь знаніями своего времени, а только своею фантазіею; но чуть дѣло касалось такихъ положеній, какъ „матерія—вѣчна“, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, то оказывалось, что эти чисто философскія истины чуть-ли не взяты нами изъ реторты химика. Кантъ былъ вполнѣ правъ, утверждая, что „неизбѣжно, лишь только начинаютъ что-нибудь мыслить, втягиваются въ мета-

физическія сужденія, къ которымъ обнаруживаютъ столько презрѣнія“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что наше общество, такъ же какъ и всякое другое, ни на одно мгновеніе не могло остаться безъ стремленія удовлетворить естественную наклонность человѣческаго ума къ законченному міросозерцанію. Всякое философское ученіе обыкновенно опирается на всю сумму знаній своего времени, но оно не довольствуется группировкою и систематизаціей этого знанія, а стремится разрѣшить всѣ мучащіе человѣка вопросы путемъ гипотезъ, въ которыхъ научная фантазія играетъ очень видную роль. Изъ этого очевидно, что ни одна философская система не имѣетъ права претендовать на абсолютную истинность,—она есть истина временная, дни которой сочтены уже при ея рожденіи; но эта мимолетность философскихъ системъ не даетъ намъ права указывать на ненужность ихъ, такъ какъ онѣ удовлетворяютъ желаніямъ тоже мимолетнаго существа—человѣка. Правда, между учеными людьми есть и такіе, которые утверждаютъ, что они могутъ обойтись безъ удовлетворенія своихъ стремленій къ законченному міросозерцанію и довольствоваться только вполнѣ научно доказанными истинами. Если мы даже повѣримъ въ эти стремленія къ воздержанію отъ удовлетворенія своихъ естественныхъ умственныхъ потребностей, ради научной чистоты своего міросозерцанія (а не повѣрить мы не имѣемъ права, такъ какъ опытъ доказываетъ, что люди могутъ воздерживаться отъ удовлетворенія даже такихъ настоятельныхъ потребностей, каковы половыя), то все-таки нужно признать, что этихъ анахоретовъ знанія всегда будетъ немного. Неудачи, постигшія позитивизмъ, вполнѣ это доказываютъ.

[1]) Эммануилъ Кантъ. Критика чистаго разума. Стр. V.

Философскія системы, удовлетворяя потребности человѣческаго ума, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ могущественнымъ орудіемъ научнаго прогресса. Онѣ вносятъ планъ въ работы тружениковъ наукы, онѣ указываютъ пункты, гдѣ должна по преимуществу сосредоточиться работа даннаго поколѣнія, онѣ ставятъ научныя вѣхи, которыя руководятъ трудами средняго рабочаго науки, собирающаго необходимый матеріялъ для будущихъ построекъ. Философъ есть архитекторъ, строющій зданіе науки изъ накопленнаго другими матеріяла, и понятно, что прочность зданія находится обыкновенно въ прямомъ соотвѣтствіи съ свойствами самого матеріяла,—философу принадлежитъ только, такъ сказать, стиль зданія.

Если присмотрѣться къ характеру философскихъ системъ, то можно замѣтить, что въ нихъ преобладаютъ два типа: идеалистическій и реалистическій. Разумѣется, что въ чистомъ своемъ видѣ каждый изъ нихъ встрѣчается рѣдко,—большинство системъ является болѣе или менѣе удачнымъ смѣшеніемъ ихъ обоихъ, а подчасъ съ прибавкой очень своеобразныхъ измѣненій; но, несмотря на это кажущееся разнообразіе, легко уловить характерныя черты идеализма или реализма во всѣхъ существующихъ системахъ.

По мнѣнію идеалистовъ, весь міръ, въ объективномъ существованіи котораго мы всѣ убѣждены, есть только представленіе нашего *я*, т. е. субъекта. Такимъ образомъ дѣйствительно существуетъ только *я*, все остальное есть представленіе этого *я*, не имѣющее независимаго существованія. Наше собственное тѣло, руки, ноги, глаза, мозгъ, мысль, чувство, желаніе и т. д.—тоже суть только представленія нашего *я*. На первый взглядъ, мнѣнія идеалистовъ кажутся неимѣющими никакихъ

фактическихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи мы имѣемъ право сомнѣваться въ реальномъ существованіи всего насъ окружающаго? Идеалисты указываютъ на сны и говорятъ, что и во снѣ мы ясно видимъ большинство предметовъ, насъ окружающихъ, однако каждый изъ насъ знаетъ, что это только наши представленія. Чѣмъ же отличаются наши представленія о мірѣ во снѣ отъ представленій о немъ же во время бодрствованія? Дикари, какъ извѣстно, убѣждены въ реальномъ существованіи явленій, которыя имъ снятся Но является-ли наше пониманіе нереальности явленій, представляющихся намъ во снѣ, только первымъ шагомъ на пути дальнѣйшаго прогресса? Анализируя наши познанія о внѣшнемъ мірѣ, мы можемъ замѣтить, что намъ доступно только познаніе собственныхъ ощущеній и впечатлѣній, но отнюдь не познаніе самыхъ вещей. Мы знаемъ только *явленія*, т. е. только то, что намъ является, представляется, сущность же вещей—или, говоря обычнымъ философскимъ языкомъ, „вещь въ себѣ“—для насъ недоступна [1]). Кто же имѣетъ право утверж-

---

[1]) Вотъ что говоритъ объ этомъ Кантъ, котораго никакъ нельзя отнести къ идеалистамъ, такъ какъ онъ признаетъ существованіе „вещи въ себѣ“: Всякое наше представленіе есть ничто иное, какъ представленіе явленія; представляемыя нами вещи не существуютъ сами по себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ представляемъ; ихъ отношенія вовсе не таковы, какъ они являются намъ. Еслибы мы уничтожили субъективное свойство чувствъ, то всѣ признаки, всѣ отношенія предметовъ въ пространствѣ и времени, какъ и само пространство и время,— уничтожились бы; тогда стало бы яснымъ, что явленія существуютъ не сами по себѣ, а только въ насъ. Намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, что дѣлается съ предметами самими по себѣ независимо отъ нашей чувственности То же самое мы должны сказать и про наше собственное *я*. Я могу познавать

дать существованіе этой „вещи въ себѣ“, недоступной нашему познанію? Гораздо раціональнѣе предположить, что вещь исчерпывается явленіями, намъ доступными, а явленія суть несомнѣнно продукты нашего я, слѣдовательно и самая вещь есть продуктъ этого я. Ставши на эту почву, идеалисты получали довольно прочный опорный пунктъ для своихъ нападокъ на реалистовъ, такъ какъ они опирались при этомъ на научно доказанный фактъ, что *явленіе* есть продуктъ нашего я. Если мы видимъ, что два субъекта могутъ расходиться въ опредѣленіи цвѣта одного и того же предмета (напримѣръ, многіе не могутъ отличить краснаго отъ зеленаго), то ясно, что явленіе цвѣта зависитъ вполнѣ отъ субъекта. Идеалисты могли привести массу фактовъ въ доказательство субъективности нашихъ познаній о мірѣ, опираясь при этомъ на очень тонкій и строгій анализъ нашей познавательной способности. Хотя идеализмъ, строго говоря, неможетъ быть опровергнутъ никакими доказательствами, тѣмъ не менѣе, онъ никогда, по словамъ Шопенгауэра, не былъ употребляемъ въ философіи иначе, какъ въ видѣ скептическаго софизма, т. е. для виду. Какъ серьезное убѣжденіе, можно встрѣтить его развѣ въ сумасшедшемъ домѣ: какъ такое, оно нуждалось бы скорѣй въ лѣченіи, чѣмъ въ доказательсвахъ [1]).

Хорошія стороны идеализма могутъ быть поняты только при противупоставленіи ему другого характернаго философскаго ученія—реализма, носящаго такой-же отпечатокъ односторонности, какъ и его вѣковой соперникъ. По мнѣнію реалистовъ, міръ существуетъ по-

себя, говоритъ Кантъ, только какъ я являюсь самому себѣ, а не какъ существую. (Критика чистаго разума. Стр. 43 и 120).

[1]) Артуръ Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. Стр. 124.

мимо субъекта, но *явленія* исчерпываютъ всю сущность *вещи* и всѣ разглагольствованія о „вещи въ себѣ“ не имѣютъ никакого смысла. Реалисты съузили міръ до границъ, доступныхъ человѣку нашего времени: что недоступно познанію субъекта, того не существуетъ. Они предполагали, что субъектъ настолько приспособленъ къ познанію міра, что воспринимаетъ все разнообразіе міровыхъ силъ; они плохо понимали значеніе субъекта при образованіи явленій, считая его какимъ-то вполнѣ открытымъ сосудомъ, въ который безпрепятственно вливается внѣшній міръ. Міръ явленій есть полное отраженіе всей дѣйствительности. Если идеалисты, понявъ значеніе субъекта при образованіи явленій, преувеличили это значеніе и впали въ нелѣпое отрицаніе объективнаго міра, то реалисты, будучи вполнѣ правы, защищая дѣйствительное существованіе міра, попали въ другую крайность, утверждая, что міръ явленій нашего времени есть единственно дѣйствительный міръ. Достаточно присмотрѣться къ исторіи развитія субъекта изъ первоначальной клѣточки для того, чтобы убѣдиться, что міръ явленій не есть что то строго опредѣленное, испоконъ вѣковъ имѣющее свои границы; наоборотъ, мы увидимъ, что этотъ міръ, начавъ съ крайняго однообразія, дошелъ до нынѣшняго своего многообразія путемъ цѣлаго ряда ступеней. Въ то время, когда субъектъ находился на той ступени развитія, которая не допускала существованія глазъ, ушей и т. п. органовъ воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, въ какомъ видѣ находился тогда міръ явленій? Въ этомъ мірѣ не было свѣта, не было грома и молніи и т. д. и т. д. Мы видимъ, что, съ постепеннымъ развитіемъ субъекта, міръ явленій расширяется все больше и больше. Какое-же мы имѣемъ право предполагать, что та ступень, которая достигнута субъектомъ въ на-

стоящее время, есть послѣдній фазисъ развитія, вполнѣ исчерпывающій ту „вещь въ себѣ“, которая втеченіе милліоновъ лѣтъ открывала передъ нимъ все новыя и новыя свои стороны? Имѣемъ-ли мы право сомнѣваться въ существованіи этой „вещи въ себѣ“ и смѣшивать ее съ явленіями, если мы видимъ, что міръ явленій не есть что-то постоянное, а увеличивается и разнообразится? Очевидно, „вещь въ себѣ“ очень разносторонна въ своихъ проявленіяхъ, но субъектъ не всегда способенъ воспринять эти проявленія; такимъ образомъ міръ явленій, т. е. міръ тѣхъ проявленій „вещи въ себѣ“, которыя доступны субъекту, гораздо уже того, чѣмъ онъ долженъ былъ-бы быть, еслибы вполнѣ соотвѣтствовалъ проявленіямъ „вещи въ себѣ“. Мы имѣемъ право думать, что въ будущемъ міръ явленій, доступныхъ субъекту, будетъ расширяться вмѣстѣ съ приспособленіемъ его къ воспринятію такихъ сторонъ „вещи въ себѣ“, для воспринятія которыхъ у него нѣтъ теперь органовъ. Такимъ образомъ границы дѣйствительнаго міра вещей совсѣмъ не совпадаютъ съ границами міра явленій; границы этого послѣдняго опредѣляются только силами субъекта и вполнѣ совпадаютъ съ этими силами. Изъ этого видно, что утвержденія идеалистовъ, будто міръ есть продуктъ субъекта, носили въ себѣ долю правды,—бѣда только въ томъ, что, замѣтивъ значеніе субъекта въ образованіи явленій, они его преувеличили и довели до абсурда, т. е. до отрицанія другого фактора, участвующаго въ образованіи этого міра явленій,—дѣйствительнаго міра, „вещи въ себѣ“.

Многіе считаютъ возможнымъ основать вполнѣ объективную философію. Всѣ разсужденія о необходимой субъективности всякаго нашего познанія, г. де-Роберти, напримѣръ, считаетъ наивными, такъ какъ „объектъ всегда

субъективенъ, разъ онъ сталъ предметомъ познанія, но субъектъ, въ свою очередь, всегда и во всемъ зависитъ отъ объекта, разъ онъ позналъ истинныя условія своего существованія“ [1]). Что хочетъ сказать г. де Роберти этимъ указаніемъ на зависимость субъекта отъ объекта? Неужели эта зависимость дѣлаетъ субъектъ вполнѣ приспособленнымъ къ воспринятію всѣхъ свойствъ объекта? Въ природѣ нѣтъ звуковъ, а есть только извѣстныя колебанія предметовъ, воспринимаемыя субъектомъ и въ немъ перерождающіяся въ звуки. Въ природѣ нѣтъ свѣта и цвѣтовъ, а есть только колебанія эфира, которыя въ субъектѣ появляются, какъ явленія свѣта и цвѣтовъ, и т. д. и т. д. Вселенная, какъ она воспринимается моллюскомъ, совсѣмъ не похожа на вселенную человѣка. Было-бы очень наивно утверждать, что человѣкъ воспринимаетъ всѣ свойства матеріи. Понятно, что указывать на полную зависимость субъекта отъ объекта, какъ на доказательство полнаго отраженія объекта въ представленіяхъ субъекта, нѣтъ никакого основанія. Давно уже признано, что міръ мы знаемъ не такимъ, каковъ онъ есть, а какимъ онъ намъ кажется. Развитіе субъекта даетъ ему возможность усматривать въ объектѣ новыя свойства, и никто не имѣетъ права утверждать, что когда-нибудь, наконецъ, мы раскроемъ всѣ свойства объекта. Такимъ образомъ мы должны придти къ тому заключенію, что объективной философіи, т. е. такого познанія объекта, которое-бы вполнѣ обнимало всѣ свойства его, мы не вправѣ надѣяться основать не только теперь, но и когда-либо. Отсюда мы вправѣ заключить, что всякая философія, т. е. познаніе объекта, будетъ всегда субъективна, не только въ томъ смыслѣ, что вся-

---

[1]) Соціологія. Евгенія де Роберти.

кое познаніе субъекта только и можетъ быть субъективно, но и въ болѣе глубокомъ, а именно въ несоотвѣтствіи субъективнаго познанія съ предметомъ познанія—объектомъ. Мы будемъ знать не весь объектъ, а только часть его, и эта часть будетъ восприниматься не такою, какая она есть, а соотвѣтственно свойствамъ субъекта. Если въ наше время такіе ученые, какъ Гельмгольцъ, обратили свое вниманіе на такъ-называемое „четвертое измѣреніе", то это произошло вслѣдствіе признанія нашего познанія вполнѣ субъективнымъ,—несоотвѣтствующимъ свойствамъ объекта. Если цѣлый міръ явленій, недоступныхъ, напримѣръ, моллюску, сдѣлался мало-по-малу, путемъ развитія субъекта, доступнымъ человѣку, то кто имѣетъ право сказать, что дальнѣйшее развитіе не раскроетъ передъ нами новыя явленія, для воспринятія которыхъ у насъ теперь даже нѣтъ необходимыхъ органовъ чувствъ. Жалкимъ и непонятнымъ покажется нашимъ потомкамъ наше понятіе о мірѣ, которое мы тщетно стараемся считать объективнымъ.

Еще болѣе жалки и нелѣпы всѣ попытки отыскать объективныя начала нашего *нравственнаго поведенія*, которыя бы лежали не въ нашей организаціи, а внѣ насъ, въ какой-то „абсолютной сферѣ" или въ чемъ-нибудь подобномъ. Подобную попытку сдѣлалъ и г. Владиміръ Соловьевъ въ своей книгѣ „Критика отвлеченныхъ началъ".

Критика отвлеченныхъ началъ предпринята г. Соловьевымъ съ цѣлью найти тѣ „положительныя начала", которыми долженъ руководиться человѣкъ въ своей нравственной дѣятельности, теоретическомъ познаніи и художественномъ творчествѣ, такъ какъ для этого необходими *безусловныя* нормы или критеріи, опредѣляющія внутреннее достоинство дѣйствій человѣка, вы-

ражающихъ собою благо, истину и красоту. Но, увы, авторъ долженъ былъ сознаться, что отыскиваемыя имъ положительныя начала, „обладая вѣчнымъ бытіемъ въ сферѣ абсолютной, еще не имѣютъ видимаго существованія въ относительной области нашей жизни и нашего природнаго сознанія, хотя они и должны быть осуществлены и здѣсь; поэтому они еще не могутъ представлять для насъ полной опредѣленности: можно съ достаточной ясностью показать ихъ необходимость, но дѣйствительное ихъ содержаніе является пока только въ общихъ и слитныхъ чертахъ“. „Поэтому понятно, продолжаетъ авторъ, что *наши идеи не могутъ имѣть той отчетливости и раздѣльности,* какія свойственны мыслямъ, составляющимъ простой выводъ изъ существующихъ фактовъ“ [1]). Изъ этихъ словъ г. Соловьева ясно, что его попытка отыскать безусловный критеріумъ для нравственной, познавательной и художественной дѣятельности человѣка окончилась полнымъ неуспѣхомъ, такъ какъ безусловныя начала, по его же словамъ, обладаютъ вѣчнымъ бытіемъ только въ „сферѣ абсолютной“ (т. е. намъ недоступной и о которой мы не имѣемъ никакого понятія), и не имѣютъ „видимаго существованія“ въ нашей жизни. Откуда г. Соловьевъ узналъ, что безусловныя начала имѣютъ свое пребываніе въ сферѣ абсолютной, онъ, къ несчастію, не объясняетъ, хотя это и было бы очень любопытно. Намъ же, простымъ смертнымъ, не заглядывавшимъ въ „абсолютныя сферы“, приходится довольствоваться относительными истинами, которыя только и существуютъ въ нашей жизни. Если же авторъ не хочетъ прямо сознаться въ своей неудачѣ, а выражается о ней дипломатически:

[1]) Владиміра Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. Стр. VIII.

„наши идеи не могутъ имѣть той *отчетливости и раздѣльности*“, то это вполнѣ простительно, такъ какъ написать книгу въ 25—30 печатныхъ листовъ для разъясненія безусловныхъ критеріумовъ человѣческой дѣятельности и въ концѣ концовъ найти, что этотъ критеріумъ пребываетъ тамъ, гдѣ нѣтъ человѣка, т. е. въ „абсолютной сферѣ“,—не особенно пріятно.

Анализируя основы этическихъ ученій современнаго общества, г. Соловьевъ нашелъ ихъ шаткими, такъ какъ онѣ опираются только на существованіе въ человѣкѣ извѣстныхъ чувствъ, носящихъ названіе нравственныхъ. Наша эмпирическая этика, ищущая своего основанія только въ фактическихъ данныхъ человѣческой природы и имѣющая поэтому только психическое основаніе, указываетъ, какъ на источникъ нравственнаго дѣйствія, на естественную склонность человѣческой природы къ отожествленію себя съ другимъ, къ состраданію или симпатіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно здѣсь заключается главный психическій источникъ моральной дѣятельности, но это, по мнѣнію г. Соловьева, не даетъ намъ отвѣта на основной вопросъ этики, который требуетъ не указанія фактическаго основанія той или другой дѣятельности, а разумнаго объясненія, или оправданія самаго различія между нравственно добрыми и злыми дѣйствіями. Хотя нравственныя дѣйствія и проистекаютъ психически изъ симпатіи, но не симпатія, какъ естественная склонность, даетъ имъ нравственное значеніе; если бы естественная склонность сама по себѣ могла служить нравственнымъ оправданіемъ, то и эгоистическія или злыя дѣйствія, какъ основывающіяся на другой такой же склонности человѣческой природы, имѣли бы одинаковое оправданіе, и слѣдовательно *различіе* между добромъ и зломъ опять исчезало бы.

Очевидно, нашъ философъ задался цѣлью найти абсолютныя добро и зло, независящія въ своемъ содержаніи отъ человѣка. Если мы, простые смертные, можемъ довольствоваться тѣмъ различіемъ между добромъ и зломъ, которое даетъ намъ наша природа, то философу этого мало; онъ хочетъ знать, каковы это добро и зло *помимо* человѣка, иначе сказать—каковы онѣ, какъ «вещь въ себѣ». Если мы различаемъ горькое и сладкое просто на основаніи показаній нашей природы, то глубокомысленный философъ объявляетъ, что между ними нѣтъ никакого различія, такъ какъ и горькое, и сладкое — результатъ показаній нашей организаціи. А развѣ можно основывать разницу между явленіями на такомъ шаткомъ основаніи? Для правильнаго обоснованія различія между горькимъ и сладкимъ нужно найти такой критерій, который бы опирался не на природу человѣка, а на нѣчто болѣе основательное, стоящее внѣ этой природы.

Въ чемъ же думаетъ г. Соловьевъ найти опору для *своего* различія добра и зла? Оказывается, что для этого понадобилась та же природа человѣка, но не та ея часть, на которую опираются вообще нынѣшніе моралисты, а то „божественное начало", которое найдено г. Соловьевымъ въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, различіе между добромъ и зломъ будетъ основано не на нравственномъ началѣ нашей организаціи, а на „божественномъ". Какая отсюда получится разница—мы не могли добиться въ книгѣ нашего философа. Его „божественное начало" можно считать только своеобразнымъ названіемъ чувства *любви*; по крайней мѣрѣ таковымъ оно является у г. Соловьева въ тѣхъ мѣстахъ его книги, въ которыхъ объясняется участіе этого начала въ преобразованіи современнаго общества въ „свободную теокра-

тію"; но при этомъ это чувство любви закутывается въ какой-то мистическій туманъ, въ которомъ навѣрное не разберется и самъ авторъ.

Перейдемъ теперь къ устройству его „свободной теократіи". По словамъ г. Соловьева, „единеніе существъ, опредѣляемое безусловнымъ или божественнымъ началомъ въ человѣкѣ, основанное психологически на чувствѣ любви и осуществляющее собою положительную часть общей нравственной формулы, — образуетъ общество мистическое и религіозное, т. е. *церковь*". Въ церкви господствуетъ полное единство всѣхъ въ безусловной любви. Но еслибы между всѣми не было никакого различія, то и любви не на чемъ или не въ чемъ было бы проявляться; единство было бы пустымъ и мертвымъ безразличіемъ. А потому въ церкви люди раздѣляются на множество ступеней, смотря по ихъ нравственному достоинству. Чѣмъ болѣе усвоилъ человѣкъ идею, тѣмъ болѣе онъ долженъ имѣть вліяніе на другихъ; иначе сказать, степенью идеальности должна опредѣляться степень значенія и власти лица. Объемъ правъ долженъ соотвѣтствовать высотѣ внутренняго достоинства. Одно и тоже начало любви, примѣняясь къ существамъ, стоящимъ на различныхъ ступеняхъ развитія, по необходимости становится различнымъ. Любовь, сохраняя свое существенное тождество, тѣмъ не менѣе въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи должна принимать тотъ или другой видъ, соотвѣтствующій относительному состоянію того, къ кому она примѣняется, т. е. соотвѣтствовать степени развитія каждаго. „Такъ что неравные неравное и получаютъ; но неравенство воздѣйствія, обусловленное неравенствомъ дѣйствія, есть возстановленное равенство или справедливость. Такимъ образомъ, распредѣленіе добра (въ силу любви) между всѣми, по не-

обходимости, сообразуется (въ силу справедливости) съ относительнымъ качествомъ каждаго, а это значитъ, что *справедливость есть необходимая форма любви*". Любовь посредствомъ справедливости должна быть реализована въ пользѣ, а потому дѣятельность, исходящая изъ любви и принимающая форму справедливости, воплощается и въ матеріяльной пользѣ. Но такъ какъ матеріяльное благосостояніе не есть само по себѣ цѣль, а только условіе и средство, то, по мнѣнію г. Соловьева, очевидно, что идея любви не требуетъ, чтобы каждому доставлялось возможно наибольшее экономическое благостояніе. Разъ существуетъ неравенство личнаго достоинства и значенія, то равенство богатства было бы приэтомъ несправедливо, такъ какъ „богатство есть необходимое средство для полной реализаціи личнаго достоинства и значенія». Также несправедливо было бы, если-бы лицо, обладающее высшимъ внутреннимъ достоинствомъ, а потому и высшимъ значеніемъ, въ нормальномъ обществѣ принуждено было заниматься физическимъ трудомъ наравнѣ съ другими. Справедливость требуетъ, чтобы трудъ и богатство были распредѣлены въ обществѣ соотвѣтственно внутреннему достоинству и гражданскому значенію его членовъ. Нашъ философъ увѣряетъ, что, при предлагаемомъ имъ порядкѣ вещей, возможность эксплуатаціи труда капиталомъ устранится, благодаря тому, что обладателями капитала являются въ нормальномъ обществѣ лучшіе люди, опредѣляющіе свою дѣятельность нравственнымъ началомъ и слѣдовательно не могущіе злоупотреблять своими преимуществами [1]).

---

[1]) Владиміра Соловьева. Критика отвлеченныхъ началъ. Стр. 172, 187, 190, 192, 193—199.

Въ основаніи дѣтски-наивнаго плана общественной формы г. Соловьева лежитъ понятіе о нравственномъ аристократизмѣ. Нравственная аристократія не можетъ быть родовой, а потому сейчасъ же является вопросъ: кто будетъ распредѣлять человѣчество на нравственные ранги, соотвѣтственно которымъ будетъ распредѣляться и матеріальное благосостояніе. Не произойдетъ-ли при этомъ такихъ смутъ, какихъ не видало еще до сихъ поръ человѣчество? Вѣдь отъ этого распредѣленія зависитъ не только матеріальное благосостояніе, но и всѣ нравственные интересы человѣка. Разъ будетъ извѣстно, что добродѣтель награждается чинами и капиталами,—не сдѣлаются-ли самыми добродѣтельными именно тѣ проходимцы, тѣ ловкіе люди, которые и теперь не остаются въ накладѣ? Вѣдь въ концѣ концовъ самому обществу прійдется разбирать, кто въ какомъ чинѣ добродѣтели долженъ состоять, а тутъ-то и будетъ лафа проходимцамъ. Если мы видимъ жестокую борьбу между честолюбцами изъ-за одной власти, то какова же будетъ борьба изъ-за той же власти, да еще съ прибавкой славы добродѣтельнаго человѣка и капиталовъ. Кромѣ того, не будетъ-ли толпа заподозрѣвать свою нравственную аристократію въ честолюбіи и корыстолюбіи; легко быть добродѣтельнымъ, когда за это вознаграждаютъ и деньгами, и чинами. „Положи душу за други своя“, говоритъ намъ наше нравственное чувство, а вмѣстѣ того, нравственный аристократъ преспокойно будетъ пользоваться тѣмъ, чего нѣтъ у другихъ. Не явятся ли поэтому передъ толпою люди, которые скажутъ: „Смотрите на насъ, мы не хуже вашей нравственной аристократіи, но не желаемъ за это никакихъ матеріальныхъ вознагражденій; для насъ достаточно и того, что мы будемъ имѣть на васъ нравствен-

ное вліяніе и будемъ двигать по пути добродѣтели". Не посчитаетъ ли толпа этихъ людей истинной нравственной аристократіей, такъ какъ будетъ ясно, что они не корыстолюбивы? Но можетъ быть г. Соловьевъ возразитъ, что и его нравственная аристократія докажетъ свое безсребренничество тѣмъ, что будетъ употреблять капиталы не въ свою пользу, а для другихъ; но въ такомъ случаѣ ихъ лучшее матеріальное благосостояніе сдѣлается фиктивнымъ. Незачѣмъ въ такомъ случаѣ было говорить о правѣ добродѣтельнато человѣка на лучшій кусокъ мяса, на лучшую квартиру и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что даже нынѣшнее наше нравственное чувство требуетъ, чтобы добродѣтель не искала себѣ наградъ, а довольствовалась тѣмъ наслажденіемъ, которое даетъ намъ исполненіе нашихъ нравственныхъ потребностей.

Г. Соловьевъ увѣряетъ, что капиталы въ его „свободной теократіи" не будутъ служить орудіемъ эксплуатаціи, такъ какъ ими будутъ владѣть нравственные аристократы. Но мы должны спросить у него: какъ попадутъ капиталы въ руки этихъ аристократовъ? Куда дѣнутся тѣ капиталы, которые будутъ въ рукахъ у другихъ людей, способныхъ пользоваться ими во вредъ другимъ? Если это перемѣщеніе будетъ сдѣлано самимъ обществомъ, то не захочетъ ли оно оставить ихъ въ своихъ рукахъ? Или можетъ быть онъ думаетъ, что самый ходъ вещей приведетъ къ тому, что капиталы окажутся въ рукахъ добродѣтельныхъ людей? Кромѣ того, разъ капиталы будутъ употребляться только на пользу другихъ, то этимъ самымъ они теряютъ характеръ личной собственности и дѣлаются какъ бы общественнымъ достояніемъ. Если у нравственнаго обладателя капиталовъ будетъ сынъ низшаго нравственнаго ранга, то по-

получаетъ-ли онъ этотъ капиталъ или нѣтъ? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: да и нѣтъ. Въ первомъ случаѣ капиталъ попадаетъ въ ненадежныя, способныя къ эксплуатаціи руки; во-второмъ, капиталъ теряетъ вполнѣ характеръ личной собственности, и обладатели капиталовъ скорѣе могутъ считаться общественными слугами, нежели собственниками. А такъ какъ г. Соловьевъ увѣрилъ насъ, что капиталы будутъ въ рукахъ только у добродѣтельныхъ людей, то остается предположить, что на нашъ вопросъ онъ долженъ отвѣтить словомъ: нѣтъ, т. е. отвергнуть возможность частныхъ капиталистовъ въ своей „свободной теократіи“. Это, что называется, начать за здравіе, а кончить за упокой.

Незрѣлость мысли сквозитъ во всемъ проектѣ г. Соловьева. Очевидно, что онъ совсѣмъ незнакомъ съ соціальными вопросами, что, впрочемъ, ясно видно уже и изъ его критики соціализма, которому онъ приписываетъ разныя нелѣпости. Незнакомство съ предметомъ и полное отсутствіе какой-бы то ни было продуманности были причиной появленія на свѣтъ смѣшнаго монстра, окрещеннаго авторомъ именемъ „свободной теократіи“.

Вторымъ примѣромъ попытки отыскать объективныя начала для нравственнаго поведенія можетъ служить другой русскій философъ, г. Дебольскій, авторъ нѣсколькихъ философскихъ произведеній, въ числѣ которыхъ находится и ни больше, ни меньше, какъ «Философія будущаго». Въ книгѣ «Философскія основы нравственнаго воспитанія» онъ излагаетъ «высшія начала будущей нравственности». Свое нравственное ученіе онъ называетъ „историческимъ идеализмомъ“, или ученіемъ „автономической нравственности“. Авторъ имѣетъ въ виду

дать раціональный, философскій критеріумъ для нравственной критики. Онъ жалуется, что современное общество не имѣетъ никакого мѣрила для опредѣленія нравственнаго и безнравственнаго, и что по этимъ вопросамъ существуетъ полное разногласіе. Такъ какъ въ обществѣ нѣтъ болѣе прочныхъ, общепризнанныхъ нравственныхъ основъ, то непосредственное вліяніе жизни не можетъ быть учителемъ нравственности. Необходимо поэтому прибѣгнуть къ помощи науки, т. е. къ философской выработкѣ нравственнаго начала. Иначе сказать, г. Дебольскій задумалъ научнымъ путемъ добыть такое нравственное мѣрило, прикидывая которое къ какому-нибудь поступку, каждый изъ насъ, безъ всякихъ разногласій, могъ-бы рѣшить, сколько нравственности въ немъ заключается. Согласитесь, читатель, что этотъ смѣлый планъ достоинъ поощренія и вниманія. Мы знаемъ, что храбрость города беретъ: почему же ей, въ самомъ дѣлѣ, имѣть меньше успѣха въ такомъ дѣлѣ, какъ отысканіе точнаго и безошибочнаго нравственнаго мѣрила? Посмотримъ же на успѣхи автора въ его предпріятіи.

Стараясь отыскать признаки нравственной дѣятельности, г. Дебольскій прежде всего замѣчаетъ, что она есть только одинъ изъ видовъ практической дѣятельности вообще. А потому, опредѣливъ, въ чемъ состоитъ окончательное, верховное возвышеніе практической дѣятельности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ получимъ тотъ основной *призракъ* нравственности, который даетъ намъ возможность обнаружить и ея *начало*. На основаніи какого же признака судимъ мы объ уровнѣ практическаго развитія человѣка? На этотъ вопросъ нашъ авторъ отвѣчаетъ: „признакомъ болѣе высокаго развитія дѣятельной способности служитъ превращеніе ея изъ *однообразной* въ

разнообразную и изъ *отрывочной* въ *связную*". Быть болѣе даровитымъ—значитъ обладать способностью пріобрѣтенія болѣе разнообразныхъ умѣній; быть болѣе добрымъ—значитъ обладать способностью болѣе разнообразнаго сочувствія къ болѣе разнообразнымъ людямъ: Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо и извѣстное внутреннее единство дѣятельности, такъ, напримѣръ, тотъ, кто подчиняетъ свое доброжелательство какому-нибудь общему плану, больше заслуживаетъ наше одобреніе, чѣмъ тотъ, который разбрасываетъ свою симпатію безъ всякаго порядка и системы.

Отыскавъ, въ чемъ состоитъ возвышеніе практической дѣятельности вообще и нравственной въ частности, г. Дебольскій замѣчаетъ, что „недостаточно принятія одного *формальнаго мѣрила* единства въ разнообразіи, безъ опредѣленія, къ *чему* именно оно должно относиться. Нравственное развитіе есть лишь высшая ступень нормальнаго практическаго развитія вообще; что должно прибавиться къ послѣднему для перевода его на эту высшую ступень,—объ этомъ будетъ сказано ниже" [1]). Пообѣщавъ такимъ образомъ разъяснить суть дѣла „ниже", г. Дебольскій успокоился и... не исполнилъ своего обѣщанія.

Авторъ задался цѣлью найти *объективное мѣрило* добра и зла, а вмѣсто того преподнесъ намъ только давно извѣстную мѣрку прогрессивнаго развитія вообще всякой способности человѣка. По изложенной имъ мѣркѣ можно расположить поступки *даннаго типа* въ ихъ прогрессивномъ развитіи, но отнюдь нельзя найти, къ какому типу относится данный поступокъ. „Единство въ разнообразіи", какъ это отчасти сознаетъ и самъ ав-

[1]) Н. Дебольскій. Философскія основы нравственнаго воспитанія. Стр. 3, 7, 8, 14.

торъ, никакъ не можетъ служить мѣркою нравственнаго и безнравственнаго. Для примѣра возьмемъ съ одной стороны человѣка, задавшагося цѣлью надѣлать людямъ какъ можно больше зла и дѣйствующаго потому на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ въ качествѣ капиталиста, политическаго дѣятеля, писателя, медика и т. д., т. е. вполнѣ соотвѣтствующаго формулѣ: „единство въ разнообразіи", а съ другой—человѣка, желающаго осушить болото, портящее климатъ данной мѣстности, т. е. такого человѣка, который всю свою дѣятельность сосредочилъ на одномъ предметѣ. Если мѣрить эти два поступка объективной мѣркой г. Дебольскаго, то получится чепуха и больше ничего. Широкая цѣль перваго, будучи единой въ своемъ основаніи и разнообразной по своимъ проявленіямъ, гораздо болѣе должна заслужить названіе нравственной, нежели цѣль второго, которая, тоже будучи единой, не допускаетъ такого разнообразія.

Создать общеобязательное нравственное правило философскимъ путемъ немыслимо потому, что въ основаніи такого правила лежитъ тотъ или другой уровень развитія нравственныхъ чувствъ людей даннаго общества.

Г. Дебольскій думаетъ, что нравственное правило можетъ быть добыто чисто-умственнымъ путемъ и только его примѣненіе нуждается въ другой силѣ, которую онъ называетъ характеромъ; искать этой силы въ самомъ нравственномъ правилѣ совершенно напрасно. „Самое правило, какъ таковое, лишено силы; оно служитъ только представителемъ, выразителемъ того стремленія (той метафизической силы), которая создаетъ нравственную дѣятельность". Изъ этихъ словъ можно видѣть, какое смутное понятіе имѣетъ нашъ авторъ о томъ предметѣ, о которомъ взялся говорить. Оказывается, что нравствен-

ное правило есть только выразитель нѣкоей метафизической (т. е. для насъ неизвѣстной) силы, которая создаетъ нравственную дѣятельность. Отсюда необходимо заключить, что это правило никакимъ образомъ не можетъ быть добыто тѣмъ чисто-умственнымъ, философскимъ путемъ, о которомъ прежде толковалъ г. Дебольскій, такъ какъ это правило служитъ „представителемъ“ неизвѣстной намъ силы, т. е., иначе сказать, *неизвѣстная намъ сила участвуетъ въ созданіи нравственнаго правила.* Если перевести метафизическія выраженія нашего автора на общеупотребительный языкъ, то выйдетъ, что нравственное правило есть выразитель и представитель мало извѣстнаго еще намъ психическаго процесса, извѣстнаго подъ именемъ нравственнаго чувства; иначе сказать, нравственное правило создается при участіи нравственнаго чувства,—а слѣдовательно, прибавимъ, и не можетъ быть добыто чисто-логическими соображеніями. Такимъ образомъ г. Дебольскій самъ наноситъ себѣ жестокій ударъ.

Напрасно было-бы искать въ жизни незыблемаго критеріума для опредѣленія нравственнаго поведенія. Какъ физически люди отличаются другъ отъ друга, такъ они отличаются и нравственно. Каждый, по мѣрѣ своего нравственнаго развитія, опредѣляетъ, что нравственно и что безнравственно. Но, подобно тому, какъ въ физическомъ отношеніи между людьми встрѣчаются въ наибольшемъ количествѣ извѣстный средній уровень развитія физической силы, такъ и въ нравственномъ отношеніи мы встрѣчаемъ подобный же фактъ. Громаднѣйшее большинство людей каждаго народа обладаетъ приблизительно однимъ и тѣмъ-же нравственнымъ складомъ; этотъ складъ и служитъ критеріумомъ для опредѣленія нравственнаго и безнравственнаго. Впрочемъ, обыкно-

венно въ каждомъ обществѣ можно найти, если можно такъ выразиться, нравственный авангардъ и аріергардъ. Каждый изъ нихъ создаетъ свои собственныя правила поведенія, за которыя имъ приходится часто очень дорого расплачиваться при столкновеніяхъ съ большинствомъ народонаселенія. Несогласія относительно вопросовъ нравственнаго поведенія не могутъ быть уничтожены никакими логическими усиліями; да врядъ-ли возможно этого достигнуть и какимъ-бы то ни было другимъ способомъ.

Такимъ образомъ „нравственное ученіе будущаго“ г. Дебольскаго изъ „научнаго, философскаго“, или, иначе сказать, обще-обязательнаго для всѣхъ и всюду, превращается просто въ нравственное ученіе, созданное при помощи извѣстныхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, и будетъ принято тотько тѣми, кто по своему нравственному и умственному складу близко подходитъ къ автору новаго ученія. Никакихъ разногласій оно не уменьшитъ и отъ нравственной расшатанности русское общество не излѣчитъ.

Въ чемъ же состоитъ это ученіе будущаго? Нравственное ученіе нашего автора, названное имъ „историческимъ идеализмомъ“, требуетъ, чтобы цѣлью нравственной дѣятельности было не „счастіе“ человѣчества, какъ требуютъ утилитаристы всѣхъ оттѣнковъ, а „осуществленіе идеи человѣческаго существа“. Идеализмъ есть такая теорія нравственности, согласно которой мы должны участвовать въ общемъ ходѣ развитія природы, полагая цѣлью этого развитія осуществленіе идеи человѣка. Для разъясненія, что подразумѣваетъ г. Дебольскій подъ понятіемъ „идеи“, мы приведемъ слѣдующія его слова: „*Типъ* существъ составляютъ ихъ природныя свойства; мыслимый, какъ *цѣль* нравственной дѣятель-

ности, онъ образуетъ то, что мы назвали ихъ *идеею*". Такимъ образомъ выходитъ, что цѣлью нравственной дѣятельности должно быть поддержаніе и дальнѣйшее развитіе человѣческаго типа, т. е. поддержаніе и развитіе природныхъ его свойствъ и задатковъ. А такъ какъ большинство современныхъ утилитаристовъ, подъ понятіемъ „счастіе человѣчества", врядъ-ли подразумѣваютъ что-нибудь иное, кромѣ удовлетворенія потребности въ функціонированіи всѣхъ свойствъ и задатковъ человѣческой природы, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, они стремятся и къ дальнѣйшему развитію этихъ свойствъ и качествъ, такъ какъ всякая способность человѣка только путемъ функціонированія и развивается. Г. Дебольскій только, можно сказать, переставилъ требованія утилитаристовъ. Утилитаристы ставятъ цѣлью нравственной дѣятельности „счастіе человѣчества", зная, что это поведетъ къ дальнѣйшему развитію человѣческаго типа, а нашъ авторъ требуетъ усилій для развитія человѣческаго типа, утѣшая вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ читателей, что „идеализмъ, вовсе не заботясь о счастіи, неизбѣжно приводитъ, какъ къ своему послѣдствію, къ общему повышенію счастія" [1]). Слѣдовательно, нравственное ученіе г. Дебольскаго доказываетъ, что «счастіе человѣчества» есть въ концѣ концевъ необходимый аттрибутъ всякой нравственной дѣятельности, такъ какъ и онъ самъ не могъ избѣжать его, какъ ни старался объ этомъ.

«Цѣль медицины есть не человѣкъ, но идея *усовершенствованія человѣческаго организма*; единичный человѣкъ есть лишь *средство* для этой цѣли» [2]). Если бы медики увѣровали въ ученіе г. Дебольскаго, то имъ бы

[1]) Н. Дебольскій. Философскія основы нравственнаго воспитанія. Стр. 31, 69, 71, 72 и 88.

[2]) Тамже. Стр. 70.

пришлось истребить много сифилитиковъ, чахоточныхъ, наклонныхъ къ умопомѣшательству и т. д. Усовершенствованіе человѣческаго типа въ физическомъ отношеніи несомнѣнно бы выиграло при этомъ, но нельзя этого сказать про типъ вообще. Подобныя мѣры противны нравственному чувству, которое и состоитъ въ томъ, что побуждаетъ насъ стремиться къ наибольшему счастью всѣхъ людей: если бы человѣчество стало истреблять своихъ членовъ, слабыхъ въ физическомъ отношеніи, ради улучшенія физическаго типа, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ своими собственными руками искажало бы свой нравственный типъ, разлагая въ своихъ членахъ нравственное чувство. Неудивительно поэтому, что оно, дорожа больше всего своими нравственными качествами, не предпринимаетъ жестокихъ мѣръ для улучшенія своего физическаго типа.

Если даже вполнѣ принять ученіе г. Дебольскаго о томъ, что нравственная дѣятельность должна имѣть въ виду только дальнѣйшее развитіе человѣческаго типа— или, какъ онъ выражается, „осуществленіе идеи“,—то и въ этомъ случаѣ эта дѣятельность должна имѣть въ виду необходимость развитія одного изъ существенныхъ признаковъ человѣческаго типа—нравственнаго чувства, т. е. нравственная дѣятельность должна быть направлена на развитіе въ людяхъ способности, побуждающей ихъ къ достиженію наибольшаго счастія всего человѣчества. А развивать эту способность нельзя путемъ запрещенія дѣйствовать на пользу и счастіе окружающихъ и вообще человѣчества. Слѣдовательно, содѣйствовать дальнѣйшему развитію человѣческаго типа можно только путемъ проповѣди о необходимости каждому изъ насъ въ своей дѣятельности имѣть въ виду только счастіе людей и ничего больше.

Голая формула г. Дебольскаго объ улучшеніи человѣческаго типа можетъ повести къ слѣдующему заключенію: Нужно выбрать изъ 1,300 милліоновъ существующихъ людей, положимъ, хоть 1 милліонъ самыхъ нравственныхъ и вполнѣ физически здоровыхъ людей, и оставивъ ихъ для дальнѣйшаго развитія человѣческаго типа, остальные 1,200 милліоновъ истребить. Несомнѣнно, что оставшіеся люди, представляя нѣкоторымъ образомъ сливки человѣчества, навсегда избавятся отъ примѣсей низшихъ типовъ, а потому ихъ прогрессивное развитіе будетъ быстрѣе,—если не принять во вниманіе того разлагающаго элемента, который будетъ внесенъ въ ихъ нравственный міръ фактомъ пожертвованія 1,200 милліоновъ жизней, ради улучшенія человѣческаго типа. Пожертвовать счастіемъ столькихъ людей эти сливки человѣчества съумѣютъ только послѣ пониженія своего собственнаго нравственнаго типа до уровня ниже средняго, а слѣдовательно и никакъ не будутъ лучшими представителями человѣчества, т. е., вмѣсто повышенія типа, мы получимъ его ухудшеніе.

ГЛАВА VI.

Свобода воли. Преступленіе и наказаніе.

Вопросъ о свободѣ воли принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ задачъ теоретическаго мышленія, которыя особенно трудно подаются рѣшенію. Многіе геніальные умы трудились надъ разрѣшеніемъ этой задачи и приходили почти всегда къ противоположнымъ выводамъ. Только въ наше время этотъ вопросъ получилъ болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе, но и намъ приходится постоянно наталкиваться на попытки воскресить прежнія теоріи. Нельзя не признать, что всѣ эти попытки вытекаютъ изъ благихъ намѣреній, такъ какъ думаютъ, что отрицательное рѣшеніе вопроса о свободѣ воли ведетъ къ уничтоженію нравственнаго вмѣненія, которое можно вполнѣ справедливо считать основой всякаго общежитія. Фиктивная связь между нравственнымъ вмѣненіемъ и свободой воли служитъ главнѣйшимъ стимуломъ всѣхъ попытокъ доказать полную независимость человѣческихъ желаній и дѣйствій отъ окружающихъ условій и воздѣйствій. Къ числу геніальнѣйшихъ попытокъ этого рода нужно отнести и попытку Іоганна Фихте, сдѣланную въ его сочи-

ненiи „О назначенiи человѣка“. Но попытка Фихте ужь очень дорого обходится человѣчеству, — свобода воли куплена цѣною всего насъ окружающаго мiра; этотъ мiръ оказывается только фантазiей нашего собственнаго духовнаго я. Изъ разсужденiй Фихте видно, что онъ прекрасно понималъ всю тщетность мечтанiй человѣка о свободѣ воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ страшно тяготился этимъ выводомъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „Уже при одномъ имени свободы сердце мое раскрывается, расцвѣтаетъ, тогда какъ при словѣ „необходимость“—оно болѣзненно сжимается. Быть холоднымъ, быть какъ-бы мертвымъ среди разнообразной игры жизни, не имѣть другого назначенiя въ мiрѣ, кромѣ того, чтобы представлять изъ себя безстрастное зеркало для мимолетныхъ тѣней,—такое существованiе для меня ненавистно, невыносимо! Я его презираю, я его проклинаю... Болѣе того: я намѣреваюсь, я имѣю притязанiе отъ него освободиться. Я хочу жить способностями любви, преданности и самоотверженiя,—способностями, которыя находятся во мнѣ, хочу войти въ симпатическiя отношенiя прежде всего съ собою, а потомъ съ тѣмъ, что меня окружаетъ“ [1]). Остается непонятнымъ, почему Фихте считалъ, что подчиненiе мыслей, чувствъ, желанiй и дѣйствiй человѣка закону необходимости сдѣлаетъ его „безстрастнымъ зеркаломъ“, лишитъ его извѣстныхъ свойствъ и качествъ, такъ-же присущихъ человѣку извѣстной расы и времени, какъ дереву присуще свойство приносить сладкiе или кислые плоды.

Главной характерной чертой ученiя Фихте о свободѣ воли является то, что онъ борется съ ученiемъ о

[1]) Iоганнъ Фихте. О назначенiи человѣка. Перев. Ипполита Панаева. Стр. 60

необходимости не путемъ логики и умственныхъ доказательствъ, а опирается при этомъ на свою потребность вѣрить въ свободу своихъ дѣйствій; онъ думаетъ, что ученіе о подчиненіи человѣческихъ мыслей, чувствъ, желаній и дѣйствій закону необходимости можетъ дать очень горькіе плоды въ нравственной области, сдѣлаетъ человѣка индифферентнымъ къ нравственному усовершенствованію и можетъ повести къ выводамъ о неправильности тѣхъ изъ законовъ нашего общежитія, которые осуждаютъ и наказываютъ людей за извѣстные безнравственные поступки. Всѣ эти опасенія совершенно напрасны. Если мы видимъ, что нѣкоторые легкомысленные умы и дѣлаютъ подобные выводы, то это еще не значитъ, чтобы эти выводы были логическимъ умозаключеніемъ изъ ученія о необходимости (детерминизма). Вѣдь встрѣчаемъ-же мы почти постоянное смѣшеніе этого ученія съ такъ-называемымъ фатализмомъ. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ ученіе фаталистовъ ничуть не ближе къ ученію о необходимости, какъ и къ ученію о свободѣ воли. Фаталистъ говоритъ человѣку: съ тобою случится то, что предопредѣлено; избѣжать своей судьбы ты никакъ не можешь, — тщетны твои усилія, напрасны твои труды; ты поступишь гораздо разумнѣе, если спокойно, не предпринимая ничего, будешь ждать рѣшенія своей участи. Фаталистъ, слѣдовательно, предполагаетъ въ человѣкѣ свободную волю; онъ совѣтуетъ дѣлать то-то и то-то, а не другое, на основаніи большей цѣлесообразности этихъ дѣйствій; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что свобода воли къ человѣкѣ не ведетъ собственно ни къ чему, такъ какъ человѣкъ, и обладающій свободой воли, всегда оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ силой, предопредѣлившей его судьбу. Судьба человѣка опредѣляется борьбой двухъ свобод-

ныхъ воль: одной—безконечно сильной—и другой, безконечно малой; очевидно, должна побѣдить первая, и всѣ усилія человѣка будутъ только тщетными попытками измѣнить предопредѣленное [1]). Но развѣ что нибудь подобное слѣдуетъ изъ ученія о необходимости? Развѣ ученіе о необходимости ведетъ къ предопредѣленію судьбы человѣка? Если оно говоритъ, что всякій поступокъ есть результатъ предшествующихъ условій, то, разумѣется, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ со всѣми его умственными, нравственными и физическими качествами не былъ въ числѣ этихъ условій. Мысли, чувства, желанія и, опредѣляемыя ими, дѣйствія человѣка являются такимъ-же необходимымъ факторомъ мірового процесса, какъ и вообще другія силы природы. Говорить, подобно фаталистамъ, о тщетности человѣческихъ усилій, это значитъ отрицать подчиненіе хода мірового процесса закону необходимости, который утверждаетъ, что этотъ процессъ идетъ по равнодѣйствующей всѣхъ сталкивающихся между собою силъ. Въ числѣ этихъ силъ необходимо считать и насъ самихъ, такъ какъ мы ни что иное, какъ часть природы. Если все окружающее вліяетъ на насъ, то мы, въ свою очередь, какъ часть этого окружающаго, извѣстнымъ образомъ реагируемъ на это дѣйствіе, поэтому совершенно неосновательно говорить о тщетности всѣхъ нашихъ усилій. Итакъ фатализмъ оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи совершенно непохожимъ на ученіе о необходимости.

[1]) По нашему мнѣнію, Вундтъ не правъ, выражаясь, что «фатализмъ отвергаетъ фактъ воли» (Основанія физіологической психологіи Стр 952). Магометанинъ, напримѣръ, убѣждаетъ себя и другихъ въ тщетности всѣхъ усилій воли человѣка только потому, что воля человѣка ничтожна передъ волей Аллаха, предопредѣлившаго судьбу каждаго изъ насъ.

Не большей основательностью отличаются и тѣ выводы о невмѣняемости преступленій, которые очень часто считаются логическимъ слѣдствіемъ ученія о необходимости. Разсуждаютъ такъ: если дѣйствія преступника являются необходимымъ результатомъ предшествующихъ условій, то вмѣнять ему его дѣйствія нѣтъ никакого основанія,—надо измѣнить самые условія. (Говоря это, очень часто забываютъ, что и свойства преступника состоятъ въ числѣ этихъ условій). Общество имѣетъ право отвѣчать на эти разсужденія слѣдующимъ образомъ: если вы желаете, чтобы дѣйствіе преступника не было вмѣнено ему въ преступленіе на томъ основаніи, что оно явилось непреложнымъ результатомъ предшествующихъ условій, то на какомъ-же основаніи вы требуете, чтобы я дѣйствовалъ по другимъ основаніямъ? Вы видите, что предшествующія условія породили во мнѣ желаніе наказывать за извѣстныя дѣйствія, слѣдовательно совсѣмъ неосновательно требовать отъ меня неисполненія моихъ желаній. Изъ этихъ разсужденій ясно, что выводъ о невмѣняемости преступленій, дѣлаемый изъ ученія о необходимости совершенно ложенъ, такъ какъ всѣ, т. е. и преступникъ, и тотъ, кто мститъ за преступленіе, могутъ ссылаться для оправданія себя на то, что ихъ дѣйствія опредѣляются предшествующими условіями. Слѣдовательно, вопросъ о вмѣненіи не зависитъ отъ принятія обществомъ ученій о свободной волѣ или необходимости, — онъ имѣетъ для себя другія основанія.

Фихте боится, что ученіе о необходимости поведетъ къ развитію нравственнаго индифферентизма, къ тому, что человѣкъ перестанетъ стремиться къ нравственному самоусовершенствованію. Повторяемъ, всѣ эти опасенія совершенно напрасны. Человѣкъ обладаетъ нравствен-

ными чувствами, подобно тому, какъ онъ обладаетъ зрѣніемъ, осязаніемъ и т. п. свойствами. Нравственное чувство побуждаетъ его къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, и онъ будетъ стремиться къ совершенію этихъ дѣйствій, потому что это—его потребность, какъ потребность глазъ —видѣть свѣтъ и переливы красокъ. Будучи вполнѣ увѣренъ, что всѣ его дѣйствія являются результатомъ извѣстныхъ условій (считая въ числѣ этихъ условій и его нравственныя, умственныя и физическія свойства), человѣкъ никакъ не меньше будетъ стремиться къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній, въ томъ числѣ и нравственныхъ, какъ въ томъ случаѣ, еслибы считалъ свои желанія вполнѣ независимыми отъ всѣхъ условій природы, въ томъ числѣ и отъ свойствъ своего организма. Стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію зависитъ отъ силы нравственныхъ чувствъ субъекта, а также и отъ спроса на эти чувства со стороны окружающихъ и общества,—эти двѣ силы и опредѣлятъ интенсивность стремленій къ самоусовершенствованію, а отнюдь не какія-нибудь теоретическія соображенія. „Человѣкъ, говоритъ Милль, до извѣстной степени имѣетъ силу измѣнить свой характеръ. Хотя въ послѣдней инстанціи характеръ образованъ для него, однако это не противорѣчитъ тому, что онъ образованъ отчасти и *имъ*, какъ одною изъ посредствующихъ силъ. Его характеръ образованъ его обстоятельствами (включая сюда и его особенную организацію), но собственное желаніе человѣка сформировать его извѣстнымъ образомъ есть одно изъ этихъ обстоятельствъ и никакъ не изъ слабѣйшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, *мы не можемъ прямо желать быть не такими, каковы мы есть.*“ [1])

---

[1]) „Система логики“ Д. С. Милль. т. II, стр. 411.

„Никто изъ современныхъ мыслителей, имѣющихъ какое-либо значеніе, говоритъ Льюисъ, не станетъ утверждать, что воля наша безпричинна, что она свободна отъ неумолимаго закона подчиненія извѣстнымъ условіямъ. Организмъ нашъ—часть природы и плыветъ по общему теченію съ естественными силами. Но въ то же время онъ представляетъ и извѣстную *систему* силъ, и система эта заключаетъ внутри себя условія спеціально принадлежащихъ ей дѣйствій,—совершенно такъ, какъ земля, хотя и есть часть природы, но она сама по себѣ система, и движенія ея до извѣстной степени независимы отъ солнечной системы. Физическій механизмъ не заключаетъ въ себѣ свободы дѣйствій, въ смыслѣ отсутствія детерминизма. А со стороны духовной—мы имѣемъ только субъективныя соотношенія съ объективными процессами. Каждый элементъ чувствованія имѣетъ соотвѣтствующій ему элементъ въ міровомъ расположеніи, потому что всякое измѣненіе въ чувствованіи есть ни что иное, какъ нервное сотрясеніе или группа сотрясеній“ [1])

„Психологическій мотивъ, на которомъ основывается обычное понятіе о свободѣ воли, говоритъ Вундтъ, есть именно фактъ выбора.“ „Выборъ начинается только въ болѣе развитомъ сознаніи, когда волевые импульсы на столько умножатся, что вступаютъ въ взаимодѣйствіе между собою; тогда взаимно противоположные импульсы или уравновѣшиваютъ другъ друга, причемъ внѣшнія дѣйствія не производятся, или одинъ изъ импульсовъ беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими и направляетъ въ своемъ смыслѣ волю. Въ такомъ случаѣ съ внѣшнимъ дѣйствіемъ соединено представле-

[1]) Д. Г. Льюисъ. Изученіе психологіи. Стр. 103, 104 и 105.

ніе, что вмѣсто даннаго импульса воля могла бы быть опредѣлена какимъ-либо другимъ импульсомъ; въ этомъ представленіи состоитъ *сознаніе свободы нашей воли.*“ [1])

Подъ волей обыкновенно подразумѣваютъ такую способность человѣческой души, которая сама по себѣ ко всему индифферентна; она съ одинаковой энергіей можетъ стремиться и къ добру, и къ злу. Какимъ образомъ можетъ существовать сила, не имѣющая своего собственнаго содержанія,—это совершенно непонятно. Сила, ни къ чему не стремящаяся, ничего не желающая, это—абсурдъ. Воля, по обычному мнѣнію, только хочетъ, но чего, и сама не знаетъ,—и вотъ являются къ ней на помощь умъ или чувство, которые и даютъ ей содержаніе. У насъ нѣтъ такого мозгового органа, который-бы только хотѣлъ, самъ не зная чего. Всѣ наши способности, а слѣдовательно и органы, стремятся къ опредѣленнымъ цѣлямъ, ихъ удовлетворяющимъ. Если у насъ и бываютъ смутныя и неопредѣленныя желанія, то это зависитъ отъ слабой ихъ интенсивности и никоимъ образомъ не указываетъ на существованіе особой способности желать, не имѣющей никакого содержанія. Тѣ изъ нашихъ душевныхъ явленій, которыя мы сознаемъ, какъ явленія воли, желанія, самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ областью чувства. Мы можемъ имѣть желаніе, волю или пить, или ѣсть, или любить и т. д., такимъ образомъ у насъ оказывается не одна цѣльная способность воли, а раздробленная на множество волъ, желаній, соотвѣтствующихъ всѣмъ нашимъ чувствамъ. Не можетъ быть воли тамъ, гдѣ нѣтъ чувства или другой способности, стремящейся къ удовлетворенію своихъ функцій. Такимъ образомъ говорить о способности че-

[1]) Основанія физіологической психологіи. Вильг. Вундта. Стр. 950, 947 и 948.

ловѣка поступать не по своимъ склонностямъ, чувствамъ и симпатіямъ, а по какой-то свободной отъ всего этого причинѣ—чистѣйшій абсурдъ. Защитники этой способности очень часто указываютъ на тотъ психическій процессъ, который извѣстенъ подъ именемъ „выбора“. Человѣкъ, которому предстоитъ сдѣлать что-либо, на мгновеніе призадумывается и не знаетъ, какъ ему поступить. Присутствующіе говорятъ: „онъ выбираетъ“. Но никакого произвольнаго выбора все - таки этотъ человѣкъ не въ силахъ сдѣлать. Въ его душѣ въ это время боролись между собою нѣсколько равносильныхъ приблизительно мотивовъ, побужденій, желаній и онъ оставался въ нерѣшительности; но, по естественнымъ законамъ, болѣе сильное побужденіе наконецъ беретъ верхъ—и вотъ появляется воля сдѣлать то-то и то-то. Человѣкъ, вспоминая то сопротивленіе, которое оказывали другія побужденія, говоритъ, что онъ побѣдилъ ихъ и не далъ имъ возможности проявиться въ дѣйствіи. Онъ можетъ воспользоваться тѣмъ, что данное желаніе взяло верхъ надъ остальными въ настоящее время, и поставить себя въ такія условія, которыя на будущее время способствуютъ побѣдѣ тогоже желанія, и наоборотъ. Кромѣ того, общество въ свою очередь можетъ стремиться подавить или возбудить извѣстныя желанія. Боязнь общественнаго порицанія, желаніе общественнаго одобренія, страхъ наказаній и т. п. мотивы противопоставляются тѣмъ, которые побуждаютъ людей къ свершенію дѣйствій, не одобряемыхъ общественнымъ мнѣніемъ. Такимъ образомъ воля наша можетъ быть воспитана и можетъ быть подведена подъ извѣстный нравственный законъ, являющійся результатомъ такъ-называемаго Льюисомъ „общаго духа“, т. е. коллективнаго чувства и мышленія данной группы людей.

„Въ минуту дѣйствія, говоритъ Дарвинъ, человѣкъ склоненъ конечно слѣдовать болѣе сильному побужденію; и хотя это свойство ведетъ его иногда къ самымъ благороднымъ поступкамъ, оно еще чаще заставляетъ его удовлетворять собственнымъ желаніямъ въ ущербъ другимъ людямъ. Но послѣ ихъ удовлетворенія, когда прошлыя и болѣе слабыя впечатлѣнія станутъ лицомъ къ лицу съ постоянно-присущими общественными инстинктами, неминуемо послѣдуетъ наказаніе. Человѣкъ чувствуетъ недовольство собой и рѣшается, съ большей или меньшей энергіей поступать иначе на будущее время. Это—совѣсть; потому что совѣсть обращается къ прошлому, обсуждаетъ совершенныя дѣла, внушая тотъ родъ недовольства, который въ слабой степени называется сожалѣніемъ, а въ сильной раскаяніемъ“... „Если какое-либо желаніе, или какой-либо инстинктъ, заставившіе человѣка поступать въ ущербъ другимъ людямъ, кажутся при воспоминаніи столь же сильными, или болѣе сильными, чѣмъ его общественные инстинкты, онъ не будетъ чувствовать остраго сожалѣнія о своемъ поступкѣ“... „Единственнымъ средствомъ, которое можетъ въ такомъ случаѣ удержать его отъ зла, будетъ страхъ наказанія и убѣжденіе, что въ концѣ концовъ было бы лучше для его личныхъ своекорыстныхъ цѣлей имѣть въ виду пользу другихъ, а не свою собственную“ [1]). Перейдемъ поэтому къ вопросу о преступленіи и наказаніи.

Изначала человѣчество очень старательно занимается его разрѣшеніемъ. Лучшіе умы трудились на этомъ поприщѣ, но, надо сознаться, очень часто судили и вкривь, и вкось. Многіе приходятъ даже къ тому заклю-

[1]) Г. Дарвинъ. Происхожденіе человѣка. Т. I, стр 66, 67 и 68.

ченію, что наказаніе не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ не удерживаетъ, будто бы, отъ преступленія никого изъ наклонныхъ къ нему. При этомъ указываютъ на то, что количество преступленій изъ года въ годъ въ каждой данной мѣстности бываетъ одинаково. Но какимъ образомъ изъ подобнаго факта можно выводить умозаключеніе, что наказаніе никого не удерживаетъ отъ преступленія? Постоянство въ цифрѣ преступленій указываетъ только на постоянство тѣхъ условій, которыя *побуждаютъ* и *удерживаютъ* людей отъ преступленій, и ничего больше. Для того, чтобы узнать опытнымъ путемъ, удерживаетъ-ли наказаніе отъ преступленій, или нѣтъ, нужно было бы хотя на время исключить этотъ факторъ изъ соціальныхъ условій и въ такомъ видѣ наблюдать общество. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одно общество не согласится на подобный опытъ; здравый смыслъ средняго человѣка, не увлекаемаго никакой теоріей, и его знаніе психическихъ явленій, полученное имъ въ наслѣдство отъ прежнихъ поколѣній и представляющее изъ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ результатъ коллективнаго наблюденія всего человѣческаго рода, съ прибавкой его собственныхъ наблюденій какъ надъ своими, такъ и надъ чужими психическими движеніями,— достаточно убѣждаетъ его въ необходимости удерживать страхомъ наказанія отъ преступленій. Для того, чтобы лучше выяснить роль одного изъ соціальныхъ факторовъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, а именно наказанія, предположимъ, что въ какомъ-либо обществѣ этотъ факторъ исключенъ изъ соціальныхъ условій съ оставленіемъ всѣхъ остальныхъ въ прежнемъ видѣ. Возьмемъ для примѣра испанскую провинцію Эстремадуру. Какъ извѣстно, крестьяне этой провинціи убѣждены, что земля, ими населенная, должна принадлежать имъ, а не-

землевладѣльцамъ-грандамъ; они даже очень часто пытались осуществить въ жизни свои идеалы, но терпѣли фіаско. Предположимъ же теперь, что кортесы вздумали издать законъ, уничтожающій всякія наказанія. Нѣтъ сомнѣнія, что положеніе грандовъ было бы нѣсколько печально; если крестьяне готовы были даже проливать кровь для того, чтобы добыть землю, то теперь они уже не задумаются овладѣть ею. Почему же теперь эти крестьяне сидятъ смирно по своимъ жилищамъ? Единственный отвѣтъ на это: потому что у нихъ въ перспективѣ наказаніе [1]). Можетъ быть намъ укажутъ, что мы взяли не надлежащій примѣръ, такъ какъ несомнѣнно, что съ точки зрѣнія испанскихъ крестьянъ ихъ стремленія не могутъ считаться преступными; но, по нашему мнѣнію, дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Вѣдь рѣчь идетъ только о томъ, можетъ-ли наказаніе удержать человѣка отъ извѣстныхъ дѣйствій, и если оказывается, что оно можетъ удержать даже отъ такихъ дѣйствій, которыя человѣкъ считаетъ вполнѣ справедливыми, то тѣмъ болѣе удержитъ отъ такихъ, на преступность которыхъ указываетъ его собственная совѣсть.

Почему-же все-таки являются преступники? Наказаніе, слѣдовательно, не всегда воздерживаетъ отъ преступленій? Дѣло въ томъ, что общество, установляя наказаніе, удерживаетъ отъ нихъ средняго человѣка изъ толпы наклонныхъ къ преступленію, при обыкновенныхъ среднихъ условіяхъ жизни. Но бываютъ такіе характеры, у которыхъ наклонность къ преступленію дѣйствуетъ сильнѣе на ихъ душу, чѣмъ страхъ наказанія;—эти и будутъ совершать преступленія. Бываютъ такія условія

[1]) „Верховная власть, говоритъ Бэнъ, не имѣла бы никакого основанія, если-бы не было отвращающаго дѣйствія наказанія“ (См. „Психологія“ А. Бэна. Стр. 405).

жизни, которыя и средняго, обыкновеннаго человѣка дѣлаютъ способнымъ совершить преступленіе; такъ, напримѣръ, голодъ и нищета заставляютъ красть. Но, разумѣется, и въ этомъ случаѣ страхъ наказанія удерживаетъ многихъ отъ воровства и грабежа, лишь-бы человѣкъ имѣлъ возможность питаться, хотя-бы и впроголодь.

Извѣстный криминалистъ Беккарія, въ книгѣ своей „О преступленіяхъ и наказаніяхъ", вовсе не касается вопроса о цѣлесообразности наказанія, — для него это истина, не требующая доказательствъ. Онъ достаточно ясно анализировалъ свой страхъ передъ „звономъ цѣпей" и видѣлъ, что этотъ страхъ заставилъ его, какъ онъ выражается, „затемнять иногда свѣтъ облаками", а потому и не сомнѣвался въ удерживающей силѣ наказанія. Но онъ задаетъ себѣ другой вопросъ: имѣетъ ли общество право наказывать своихъ членовъ?—и выводитъ это право изъ договорныхъ отношеній, будто-бы существующихъ между членами общества. По его мнѣнію, заимствованному у Руссо, всѣ общества должны разсматриваться существующими, только благодаря общественнымъ договорамъ, или дѣйствительно состоявшимся, или только „*предполагаемымъ* по необходимости въ видахъ общественной пользы". „Законы, по словамъ Беккаріи, суть условія, посредствомъ которыхъ независимыя и одинокія личности, утомленныя постоянною взаимною борьбою и пользованіемъ свободою, оказавшеюся безплодною вслѣдствіе шаткости ея сохраненія, соединились въ общества. Они пожертвовали частью этой свободы, чтобы воспользоваться остаткомъ ея съ полною безопасностью и спокойствіемъ. Хранилищемъ всѣхъ этихъ частей свободы, пожертвованныхъ благосостоянію отдѣльныхъ личностей, является государство". „Но недостаточно было создать это хранилище свободы:

нужно защитить его отъ частныхъ завладѣній отдѣльными личностями, всегда стремящимися вырвать изъ него не только то, что имъ принадлежитъ, но и то, что принадлежитъ другимъ. Отсюда возникла необходимость осязательныхъ средствъ, которыя могли-бы остановить стремленіе отдѣльныхъ личностей низвергнуть все общество въ древнее неустройство. Эти *осязательныя* средства противъ нарушителей закона и называются наказаніями". Но такъ какъ только необходимость заставила людей уступить другимъ часть своей свободы, то «отсюда ясно, что каждый отдаетъ въ общественное хранилище свободы только наименьшую часть своей собственной, и ту только часть, которая достаточна для того, чтобы другіе его защищали». Поэтому «наказанія, превосходящія необходимость оградить хранилище общественнаго благосостоянія, несправедливы по своей природѣ» [1]).

По нашему мнѣнію, право наказывать нельзя выводить изъ дѣйствительныхъ или только предполагаемыхъ договорныхъ отношеній между членами общества, такъ какъ это право можетъ имѣть мѣсто и внѣ всякихъ «*общественныхъ*» отношеній. Предположимъ, напримѣръ, что китайскіе пираты нападаютъ на какую-нибудь деревеньку дикарей острова Борнео и совершаютъ тамъ разныя безчинства; но, къ счастію для этихъ послѣднихъ, на мѣсто дѣйствія является случайно англійскій крейсеръ и видитъ все это. Имѣютъ-ли право англичане поступить съ пиратами, какъ съ разбойниками; напримѣръ, отнять награбленное имущество и возвратить хозяевамъ? Или-же они должны считать пиратовъ воюющею сторо-

---

[1]) Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Перев. С. Заруднаго. Стр. 9, 12, 13 и 14.

ною и поступать по правиламъ нейтралитета? Нѣтъ сомнѣнія, что весь цивилизованный міръ потребуетъ вмѣшательства и наказанія пиратовъ. А между тѣмъ о какихъ-же общественныхъ договорахъ можно говорить въ томъ случаѣ, гдѣ нѣтъ и самаго общества? Нужно, слѣдовательно, предположить существованіе договора между всѣмъ человѣческимъ родомъ. Но это уже будетъ такая натяжка, которая падаетъ сама собой.

Гораздо правильнѣе разсуждаетъ Дюрингъ, разсматривая наказаніе, какъ месть за нарушеніе принциповъ справедливости. Это чувство мести является у всякаго человѣка при видѣ несправедливости и есть необходимый результатъ существованія самаго чувства справедливости. И чѣмъ сильнѣе это послѣднее, тѣмъ сильнѣе будетъ и чувство мести при видѣ явленій, нарушающихъ принципы справедливости. Во имя этихъ-то принциповъ справедливости, во имя возстановленія правды и добра должны дѣйствовать и имѣютъ право дѣйствовать англичане въ предположенномъ нами случаѣ. Это-же чувство мести служитъ источникомъ стремленія наказывать за преступленія, совершаемыя и въ обществѣ, связанномъ одними и тѣми-же «законами». Впрочемъ, и Беккарія отчасти понималъ, что стремленіе наказывать за нарушеніе принциповъ справедливости присуще человѣческому сердцу и что въ этомъ стремленіи и лежитъ самое оправданіе права наказывать; такъ, онъ говоритъ: «Изслѣдуемъ сердце человѣческое и въ немъ найдемъ истинное право наказывать преступленія» [1]).

Какъ бы ни развило въ себѣ человѣчество чувство любви, *оно всегда будетъ враждовать съ преступленіемъ, т. е. нарушеніемъ принципа любви и справедли-*

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 12.

вости. Преступленія всегда будутъ наказываться, пока они будутъ существовать, хотя бы наказаніе и было смягчено до одного презрѣнія къ преступнику. Исторія указываетъ на постепенное смягченіе наказаній, но выводитъ изъ этого, что когда-нибудь будетъ такое время, когда, напримѣръ, изнасилованіе ребенка не будетъ возбуждать къ себѣ ненависти людей — немыслимо; хотя можно утверждать, что въ общемъ наказанія будутъ смягчаться и что три-четверти существующихъ въ наше время преступленій не будутъ считаться ими. Мы такимъ образомъ признаемъ за обществомъ не только *право*, но и *обязанность* наказывать за преступленія, хотя этимъ, разумѣется, не разрѣшается вопросъ, что считать преступленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ народовъ уголовные кодексы не соотвѣтствуютъ чувствамъ любви и справедливости этихъ же народовъ. А потому смягченіе уголовныхъ наказаній—задача нашего времени. Кромѣ того, *уголовные кодексы считаютъ иногда преступленіемъ то, что совѣсть общества вполнѣ оправдываетъ*. Съ точки зрѣнія уголовнаго кодекса Турецкой имперіи болгаринъ, поступившій въ ряды русскаго войска, былъ достоинъ повѣшенія, но общество болгаръ не только не считало его преступникомъ, а смотрѣло на него, какъ на героя.

Уголовное право, по словамъ Дюринга, есть „общественная организація мести“. И если общество почему либо не удовлетворяетъ этимъ потребностямъ, „тогда, подобно призраку, какъ бы изъ-подъ земли снова выступаетъ частная месть, чтобы напомнить, что есть мощь, имѣющая болѣе глубокіе корни, чѣмъ произвольныя ограниченія права или случайныя задержки [1]) въ его функ-

[1]) Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга. А. Козлова („Универ. Извѣстія“ стр.428 и 429).

ціяхъ". Сюда можно отнести такія явленія, какъ, напримѣръ, расправа съ конокрадами и т. п.

До сихъ поръ мы говорили о мести и наказаніи, какъ о *нравственной потребности* всякой человѣческой души, въ которой есть хоть капля чувства любви и справедливости, а, слѣдовательно, какъ о *необходимомъ условіи всякаго нравственнаго прогресса*; но, кромѣ того, люди стремятся еще и утилизировать свою нравственную потребность—или вообще на пользу общества, или даже на пользу общества и преступника вмѣстѣ. Этимъ объясняется появленіе въ уголовномъ правѣ теорій устрашенія и исправленія.

Теорія устрашенія указывала на возможность пользоваться наказаніемъ для удержанія отъ преступленій на будущее время. Эта теорія не высижена въ кабинетѣ, а есть продуктъ самой жизни. „Бить нещадно кнутомъ, рѣшали московскіе дьяки, дабы другимъ неповадно было то дѣлати". Нельзя не признать, что теорія устрашенія имѣетъ извѣстныя основанія, хотя и не настолько солидныя, какъ это кажется многимъ. Страхъ наказанія, разумѣется, дѣйствуетъ на человѣка, но удерживаетъ отъ преступленія только тогда, когда онъ сильнѣе дѣйствуетъ на душу, нежели то чувство, которое влечетъ къ преступленію. То наказаніе, которое можетъ удержать средняго человѣка отъ преступленія, можетъ оказаться неспособнымъ удержать болѣе энергично стремящихся къ преступленію. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что страхъ наказанія больше зависитъ отъ *неизбѣжности* его, нежели отъ самой силы наказанія. Если общество успѣваетъ наказывать, положимъ, 25% извѣстнаго рода преступниковъ, а 75% остаются безнаказанными, то хотя бы наказаніе было и очень сильно, оно слабо будетъ дѣйствовать, какъ устрашающее средство. Всякій изъ

рѣшающихся на преступленіе будетъ надѣяться попасть въ число ненаказанныхъ и такимъ образомъ будетъ менѣе впечатлителенъ къ силѣ наказанія. Только такое улучшеніе „общественной организаціи мести", которое повело бы за собой большую вѣроятность наказанія, могло бы дѣйствительнѣе удерживать отъ преступленій. Итакъ, не усиленіе наказанія, а увеличеніе его неизбѣжности должно быть цѣлью уголовной политики.

Теорія исправленія требовала пользоваться наказаніемъ, какъ средствомъ исправить преступника. Факты плохо оправдываютъ надежды криминалистовъ на исправленіе преступниковъ путемъ одиночныхъ заключеній и душеспасительныхъ бесѣдъ съ пасторами и ксендзами. Если преступникъ совершилъ преступленіе вслѣдствіе особенностей своей нравственной организаціи, то тутъ не помогутъ никакія бесѣды и одиночныя заключенія,— исправлять преступника можно только общеупотребительными средствами нравственнаго воспитанія, о которомъ мы говорили въ III главѣ. Если же преступленіе сдѣлано имъ подъ вліяніемъ такихъ условій, какъ голодъ и т. п., то исправлять его нечего, нужно только поставить въ лучшія жизненныя условія. Въ теоріи исправленія вмѣстѣ съ тѣмъ заключается и теорія устрашенія. Преступникъ имѣетъ въ виду, что общество послѣ совершенія имъ извѣстнаго поступка будетъ его *исправлять*, т. е. лишитъ свободы, человѣческаго общества и т. п. Страхъ попасться въ руки „общественной организаціи мести" для исправленія своей нравственности, также дѣйствуетъ на душу преступника, какъ и вообще всякій страхъ лишеній и стѣсненій.

Той-же теоріей устрашенія пахнетъ и отъ самыхъ гуманныхъ проектовъ людей, думающихъ *лѣчить* преступниковъ. И тутъ лишеніе свободы будетъ играть са-

мую видную роль. Страхъ лишиться свободы и попасться въ руки докторовъ, которые будутъ его *лѣчить*, т. е. заставлять дѣлать не то, что онъ самъ хочетъ, а то, что они считаютъ необходимымъ, будетъ дѣлать свое дѣло или иначе—устрашать преступника.

Изъ всего этого очевидно, что всѣ теоріи наказанія, начиная съ самой свирѣпой и кончая самой гуманной, проникнуты одной и той же мыслью, а именно необходимостью бороться съ преступленіемъ путемъ наложенія на преступника извѣстныхъ страданій. Этого дѣйствительно и требуетъ чувство справедливости, какъ мы указывали выше. Если чувство любви и стремится смягчить горькую участь преступника, то все-таки оно не требуетъ тождественнаго отношенія къ преступнику и къ честному человѣку, — что совершенно даже не въ человѣческихъ силахъ. Даже образецъ любви и кротости—Христосъ—изгналъ торговцевъ изъ храма, т. е. поступилъ, какъ потребовало чувство негодованія при видѣ безчинствъ, совершаемыхъ этими торговцами.

Нужно избрать, говоритъ Беккарія, такія наказанія и такой способъ ихъ примѣненія, чтобы, сохранивъ соразмѣрность наказаній съ преступленіями, сдѣлать болѣе дѣйствительное и болѣе продолжительное впечатлѣніе на духъ людей, и менѣе мучительное на тѣло виновнаго. Кто, читая исторію, не содрогается отъ ужаса при мысли о варварскихъ и ненужныхъ истязаніяхъ, которыя были изобрѣтаемы и исполняемы людьми, по названію мудрыми! Кто можетъ не ощущать содроганія при видѣ тысячи несчастныхъ, бѣдствія которыхъ или вызваны, или терпимы закономъ, которыхъ заставляютъ возвратиться въ первобытное дикое состояніе, или обвиняютъ въ невозможныхъ преступленіяхъ, созданныхъ низкимъ невѣжествомъ, или которые виновны только въ

томъ, что они остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ! Кто можетъ не содрогаться при видѣ того, какъ люди, одаренные тѣми же чувствами и, слѣдовательно, тѣми же страстями, подвергаютъ несчастныхъ истязанію съ задуманными обрядностями и съ замедлительными мученіями, устраивая такимъ образомъ забавное зрѣлище для ослѣпленной своимъ увлеченіемъ невѣжественной толпы! Чтобы наказаніе оказывало дѣйствіе, достаточно, чтобы вредъ его превосходилъ пользу, истекающую изъ преступленія, и поэтому избытку вреда должна быть разсчитана безусловность наказанія и потеря выгоды, происходящей отъ преступленія: все остальное излишне и слѣдовательно жестоко. По мѣрѣ того, какъ увеличивается суровость казней, и человѣческая душа, какъ жидкость, которая всегда стремится къ общему уровню, ожесточается, и живая сила страстей приводитъ къ тому что, по истеченіи цѣлаго вѣка лютыхъ истязаній, колесованіе устрашаетъ столько же, сколько прежде ужасала тюрьма. Страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней были всегда поприщемъ самыхъ кровавыхъ и безчеловѣчныхъ преступленій, потому что тотъ же духъ свирѣпости, руководившій законодателемъ, руководилъ рукою отцеубійцы и разбойника. Строгость наказаній должна соотвѣтствовать состоянію самого государства; на очерствѣлыя души народа, едва вышедшаго изъ дикаго состоянія, нужно дѣйствовать впечатлѣніями болѣе сильными и чувствительными; но по мѣрѣ развитія народа въ условіяхъ общежитія возрастаетъ и впечатлительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна ослабиться строгость наказаній, если только мы желаемъ поддержать постоянно правильныя отношенія между предметомъ и его впечатлѣніемъ на человѣка [1]).

[1]) Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Стр. 69—72.

Беккарія является противникомъ, хотя и не безусловнымъ, смертной казни. Такъ какъ онъ выводитъ право наказывать изъ договора, заключеннаго между собою отдѣльными людьми, то и приходитъ къ тому умозаключенію, что общество не можетъ имѣть большихъ правъ, чѣмъ имѣлъ ихъ человѣкъ до вступленія въ договоръ. А такъ какъ отдѣльный человѣкъ не имѣетъ права, по его мнѣнію, на самоубійство то и не могъ уступить обществу права казнить его. Впрочемъ, онъ допускаетъ и смертную казнь, но какъ исключеніе. «Смерть гражданина можетъ признаваться необходимою по двумъ причинамъ. Во 1-хъ, когда онъ, даже лишенный свободы, имѣетъ такія отношенія и такое могущество, отъ коихъ зависитъ безопасность государства; во 2-хъ, когда существованіе его можетъ произвести опасный переворотъ установленнаго образа правленія» [1]).

Вообще-же для обыкновенныхъ преступленій Беккарія предлагаетъ замѣнить смертную казнь «вѣчною неволею». Картина «вѣчной неволи», нарисованная Беккаріемъ, производитъ въ наше время черезчуръ тягостное впечатлѣніе. По всей вѣроятности, громаднѣйшее большинство людей рѣшитъ: «Лучше казнить, нежели такъ жестоко наказывать человѣка». Наше время, если и допускаетъ смертную казнь, какъ исключеніе, то не можетъ допустить подобной «вѣчной неволи». Да и будто-бы только между этими двумя жестокостями можетъ быть сдѣланъ выборъ? Беккарія старается оправдать свою «вѣчную неволю» слѣдующимъ образомъ: «Тому, кто скажетъ, что вѣчная неволя столь-же тяжелое наказаніе, какъ и смерть, и что слѣдовательно оба наказанія одинаково жестоки, я замѣчу, что, слагая всѣ злосчастныя минуты неволи, это наказаніе еще

[1]) Тамъ-же стр. 74.

сильнѣе смертной казни, но первая разлагается на всю жизнь, а послѣдняя дѣйствуетъ всею своею силою только на одно мгновеніе; въ этомъ и состоитъ польза неволи, какъ наказанія: она устрашаетъ болѣе того, кто видитъ, чѣмъ того кто чувствуетъ». Къ этимъ соображеніямъ нельзя не прибавить того, что преимущества самаго тягостнаго тюремнаго заключенія состоятъ и въ томъ, что представляютъ самому преступнику выборъ между нимъ и смертною казнью, такъ какъ самый строгій присмотръ не можетъ предупредить самоубійства.

«Мнѣ кажется нелѣпостью, говоритъ Беккарія, чтобы законы, составляющіе выраженіе воли всего общества, порицающіе и наказующіе убійство, сами его допускали и для отклоненія гражданъ отъ скрытаго убійства приказывали-бы совершать его открыто». «Смертная казнь, показывая людямъ примѣръ свирѣпости, по этому самому не можетъ быть полезна» [1]).

Вопросъ о смертной казни усложняется въ тѣхъ, еще не вполнѣ сложившихся, обществахъ, которыя, благодаря этому, не въ силахъ завести тюрьмы и другія приспособленія, необходимыя для ея замѣны. Въ западныхъ частяхъ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ, благодаря малочисленности и разбросанности народонаселенія, господствовалъ еще очень недавно, такъ называемый, законъ Линча. Судъ Линча состоялъ въ томъ, что лица, открывшія преступленіе и поймавшія преступника, послѣ недолгаго совѣщанія приводили смертный приговоръ въ исполненіе самолично. Разумѣется, благоустроенному государству не слѣдуетъ брать примѣръ съ первичныхъ формъ общественности, не обладающихъ ни громадными капиталами, ни толпою общественныхъ

[1]) Тамъ-же стр. 77, 78 и 80.

агентовъ. Нѣсколько измѣняя извѣстную пословицу, мы скажемъ: quod licet bovi, non licet Jovi. Если можно оправдать толпу крестьянъ, убившихъ конокрада, доведшаго ихъ до отчаянія, и не могущихъ инымъ способомъ избавиться отъ него, то нельзя сказать этого про могущественное и вооруженное всѣми необходимыми орудіями общество. Такому, напримѣръ, государству, какъ Швейцарія, врядъ-ли необходимо было опять вводить у себя смертную казнь послѣ того, какъ оно въ теченіи многихъ годовъ обходилось безъ нея. Швейцарскій народъ, подавшій голоса за смертную казнь, должно быть, успѣлъ позабыть тѣ возмущающія душу картины, которыя бываютъ при казняхъ. «Въ 1513 году въ Баваріи казненъ былъ нѣкто Добмайеръ: когда палачъ ударилъ топоромъ и отскочила голова, туловище вдругъ поднялось на ноги; къ ужасу окружающей толпы, мертвый сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ по эшафоту и, дойдя до края, свалился внизъ. Въ 1878 году 18 марта повторилась такая-же сцена: въ городѣ Эвре гильотинированъ былъ нѣкто Лушаръ, матереубійца, и положенъ почему-то, противъ обыкновенія, вмѣсто плетеной корзинки въ деревянный гробъ; обезглавленный трупъ всталъ изъ гроба въ судорогахъ и упалъ черезъ край на лѣвую сторону. Помощники палача схватили его и уложили на старое мѣсто. Трупъ поднялся снова, выпрямился во весь ростъ и шагнулъ вонъ изъ гроба. Схватили и уложили опять. Въ третій разъ повторилось то-же самое, когда палачъ, по установленному порядку, положилъ отрубленную голову хозяину въ ноги. Гонимая паническимъ страхомъ, трехтысячная толпа зрителей бросилась въ разныя стороны; подавили много народу. Какое вліяніе могутъ имѣть такіе факты? Каково ихъ значеніе для выработки народнаго характера»?

Кромѣ того, «по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отрубленная голова живетъ, сознаетъ и чувствуетъ отъ 10 до 40 секундъ. Что думаетъ эта голова, глядя на свое собственное туловище? За всѣмъ тѣмъ остается почти неизбѣжный страхъ смерти, превышающій всякія физическія страданія. Умирающій отъ болѣзни слабѣетъ постепенно и не мучится этимъ чувствомъ; но приговоренный къ смертной казни физически здоровъ до послѣдней минуты» [1]).

Въ пользу необходимости смягченія существующихъ наказаній можно привести и высказанное уже нами соображеніе, что не столько жестокость наказанія, сколько его неизбѣжность удерживаетъ руку преступника. Гораздо цѣлесообразнѣе, смягчая наказанія и этимъ способствуя смягченію нравовъ, стараться о неизбѣжности его, что достигается только при полной солидарности общественныхъ властей съ самимъ обществомъ.

Однимъ изъ главныхъ условій примѣненія наказаній должно быть соотвѣтствіе ихъ съ преступленіями. *Мѣрка этой соразмѣрности находится только въ нравственномъ чувствѣ человѣка.*

---

[1]) Юридическій Вѣстникъ 1879 г. № 6.

ГЛАВА VII.

Національизмъ, его приверженцы и враги.

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ опять начинаетъ разгораться споръ: должны-ли мы, развивая свои общественныя формы, подражать западно-европейскимъ народамъ, или же у насъ есть свой самобытный путь развитія, хотя, разумѣется, и сходный во многомъ съ путемъ развитія другихъ народовъ? Споръ этотъ, какъ извѣстно, давнишній, хотя и затихнувшій было на время. Прежде знамя самобытности находилось исключительно въ рукахъ такъ-называемыхъ славянофиловъ, съ честью несшихъ его вплоть до шестидесятыхъ годовъ; знамя подражанія было въ рукахъ западниковъ, не меньше славянофиловъ послужившихъ благу своей родины. Съ шестидесятыхъ годовъ начинается разложеніе обѣихъ партій. Русская жизнь стала быстро осложняться подъ вліяніемъ энергичнаго порыва къ реформированію всѣхъ сторонъ своего существованія, и прежнія знамена оказались безжизненными и неопредѣленными, прикрывающими собой самые разнообразные элементы. Съ тѣхъ поръ эти знамена сами по себѣ не могутъ служить указаніемъ на то, какому Богу молятся

идущіе подъ ними. Какъ въ рядахъ самобытниковъ, такъ и въ рядахъ подражателей мы встрѣчаемъ ретроградовъ, консерваторовъ и прогрессистовъ. Но если знамена самобытности и подражанія не опредѣляютъ вполнѣ стремленій людей, идущихъ подъ ними, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ настоящее время они потеряли свое жизненное значеніе. Правда, сами по себѣ они уже не имѣютъ никакого опредѣленнаго смысла, но въ соединеніи съ другими пріобрѣтаютъ новый блескъ и жизненность.

Теперь съ точки зрѣнія самобытности и подражанія наши литературныя партіи могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: *русскую* и *европействующую*. Первая изъ нихъ защищаетъ самобытность русской жизни, вторая осмѣиваетъ эту самобытность при всякомъ мало-мальски подходящемъ случаѣ. Повторяемъ, въ рядахъ и той, и другой находятся и консерваторы, и прогрессисты. Такъ, къ русской группѣ должно отнести: во-первыхъ, тѣхъ, кто называетъ себя въ настоящее время націоналистами; въ сущности эти націоналисты плохіе защитники націонализма, потому что проповѣдуютъ только національный эгоизмъ въ дѣлахъ международныхъ и бюрократическій произволъ въ дѣлахъ внутреннихъ; во вторыхъ, славянофиловъ новѣйшаго времени, стремящихся главнымъ образомъ къ наружному обрусенію нашего интеллигентно-культурнаго слоя и противящихся, въ то же самое время, внесенію въ нашу жизнь истинно-самобытныхъ принциповъ землевладѣнія; въ третьихъ, такъ называемыхъ, народниковъ, составляющихъ единственную прогрессивную группу въ рядахъ русской партіи; они указываютъ, что самобытное развитіе нашего общественнаго строя можетъ быть достигнуто только путемъ обоснованія его на народныхъ воззрѣніяхъ.

Къ европействующей группѣ можно отнести: во-первыхъ, ничтожную во всѣхъ отношеніяхъ партію феодальствующихъ поземельныхъ аристократовъ, стремящихся насадить въ Россіи англійское землевладѣніе со всѣми его послѣдствіями; во-вторыхъ, могущественную своимъ денежнымъ вліяніемъ плутократію, старающуюся утвердить на русской почвѣ западно-европейскій капитализмъ и подрывающую поэтому, вмѣстѣ съ феодальствующей аристократіей, самобытныя формы русской общественности—общину и артель; въ третьихъ, прогрессистовъ разныхъ оттѣнковъ (за исключеніемъ народниковъ), доказывающихъ необходимость позаимствовать у Запада тѣ или другія учрежденія, согласно вкусу каждаго изъ нихъ; общій характеръ этихъ позаимствованій обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе прогрессивнаго свойства.

Отсюда видно, что знамена самобытности и подражанія отнюдь не могутъ характеризовать стремленій людей, идущихъ подъ ними. Разнородность элементовъ какъ русской, такъ и европействующей группы необходимо заставляетъ ближе присматриваться къ нимъ и, раздѣляя ихъ на части, разсматривать каждую изъ нихъ отдѣльно. Только при такомъ способѣ мы будемъ вправѣ сказать про каждую изъ нихъ, стремится-ли она къ благу народа, или же только прикрываетъ общественнымъ знаменемъ свои эгоистическіе интересы.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые органы нашей прогрессивной печати совершенно не замѣчаютъ разнородности состава какъ русской, такъ и европействующей группы, и, находясь подъ вліяніемъ традиціонной борьбы прежняго западничества съ славянофильствомъ, смѣшиваютъ знамя самобытности съ идеями нѣкоторыхъ славянофиловъ. Все, что высказывается современными выродками славянофильства, ставится ими въ укоръ самому знамени

самобытности, подъ которымъ, какъ мы уже говорили, идетъ и извѣстная часть прогрессистовъ. Это настолько-же нераціонально, какъ нераціонально смѣшивать прогрессистовъ съ плутократами и феодальствующей аристократіей на томъ основаніи, что всѣ они европействуютъ, указывая на западъ Европы, какъ на источникъ живой воды, долженствующей воскресить къ новой жизни наши общественныя формы. Если подъ знаменемъ самобытности нѣкоторые публицисты защищаютъ только паталогическія явленія русской жизни, отъ которыхъ старается избавиться наше общество, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, какъ другіе, подъ знаменемъ подражанія европейскимъ формамъ, стараются пересаживать на русскую почву не живые отпрыски европейской жизни, а замирающіе и близкіе къ своей естественной смерти. Пора нашимъ прогрессистамъ оглянуться вокругъ себя и увидѣть русскую жизнь въ ея нынѣшнемъ осложненномъ видѣ, а не повторять зады, затверженные десятки лѣтъ тому назадъ. Невозможно болѣе прикрывать лохмотьями прежнихъ знаменъ новые всходы на русской литературной нивѣ. Всѣ попытки компрометировать принципъ самобытности смѣшеніемъ его съ идеями новыхъ славянофиловъ и націоналистовъ повредятъ только самимъ прогрессистамъ. Подобный способъ борьбы съ идеею о самобытности русской жизни ведетъ только къ тому, чтобы въ глазахъ читателя связать идею подражанія Европѣ съ необходимостью реформъ нашей жизни, а идею самобытнаго развитія—съ консервативными и ретроградными поползновеніями. Чѣмъ объяснить подобное поведеніе прогрессистовъ: заблужденіемъ или преднамѣренностью,—мы не беремся рѣшать. Во всякомъ случаѣ, прогрессисты не рѣшаютъ спора между идеями самобытности и подражанія по су-

ществу, а прибѣгаютъ къ окольнымъ, извилистымъ путямъ. Врядъ-ли имъ удастся выдержать самомалѣйшій натискъ со стороны идеи о самобытности развитія всѣхъ народовъ. Очевидно, этотъ вопросъ остается ими совершенно непродуманнымъ, и если они осмѣиваютъ идею самобытности, такъ только потому, что, при нѣкоторой ихъ подслѣповатости, замѣчаютъ на общественной аренѣ только тѣхъ, кто десятки лѣтъ занимаетъ тамъ мѣсто. Они неспособны сами отвлечь идею самобытности отъ тѣхъ безобразныхъ формъ, подъ которыми она преподносится публикѣ славянофилами и національностами, а потому и накидываются на эту идею, какъ на нѣчто враждебное развитію. Еслибы они задумались надъ этой идеей, то, нѣтъ сомнѣнія, увидѣли-бы, что она гораздо тѣснѣе связана съ улучшеніями, направленными ко благу народа, нежели идея подражанія. Связывая подобныя улучшенія съ идеею подражанія, прогрессисты только компрометируютъ ихъ въ глазахъ многихъ и многихъ.

Въ послѣднія десятилѣтія у насъ мало-по-малу окрѣпло сознаніе, что мы не выродки въ человѣчествѣ, что, подобно всѣмъ остальнымъ народамъ, мы имѣемъ свою физіономію, свои національныя черты. Вмѣстѣ съ развитіемъ сознанія достоинства въ личности, развивалось и сознаніе національнаго достоинства. Прогрессисты проглядѣли этотъ ростъ сознанія національнаго достоинства и продолжаютъ тянуть старинную пѣсенку о неспособности русскаго общества обойтись безъ заимствованій съ Запада. Такимъ образомъ, они противупоставляютъ реформы окрѣпшему сознанію національнаго достоинства и этимъ компрометируютъ ихъ въ глазахъ лицъ, особенно чуткихъ къ этому достоинству. Насколько умѣстенъ подобный образъ дѣйствій прогрессистовъ, предоставляемъ судить имъ самимъ.

При нынѣшнемъ развитіи антропологіи нѣтъ возможности оспаривать фактъ существованія физическихъ и духовныхъ различій между націями. Правда, между этими-же націями существуетъ еще больше физическихъ и духовныхъ сходствъ, но это послѣднее обстоятельство во всякомъ случаѣ не можетъ закрыть существованія различій. Существованіе національныхъ сходствъ обусловливаетъ фактъ сходства между общественными формами разныхъ народовъ; одновременное-же существованіе вмѣстѣ съ сходствами и различій обусловливаетъ необходимость разности и въ общественныхъ формахъ. Такимъ образомъ существованіе сходствъ отнюдь не противорѣчитъ идеѣ самобытности.

Каждый народъ имѣетъ свои особенности, а потому только онъ и можетъ указать ту общественную форму, которая наиболѣе приспособлена къ его потребностямъ. Соціальныя формы настолько хороши, насколько приспособлены къ характеру и потребностямъ народа. Нѣтъ и не можетъ быть никакой идеальной общественной формы, годной для всѣхъ народовъ. Придумайте самую идеальную форму и навяжите ее народу, не подготовленному къ ней своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, — онъ будетъ тяготиться ею и постарается избавиться отъ нея, какъ-бы ни была она хороша сама по себѣ. То же самое будетъ и тогда, когда навязанная форма окажется ниже умственнаго и нравственнаго развитія народа. Кто-же компетентенъ въ вопросѣ, какая форма соотвѣтствуетъ національному характеру? Единственно возможный отвѣтъ: только нація. Самобытность общественнаго развитія каждаго народа именно и должна состоять въ томъ, чтобы общественная форма соотвѣтствовала его національнымъ особенностямъ, т. е. особенностямъ его чувства, мысли и воли. Кто лучше

самого народа опредѣлить, что соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ его чувствамъ, мысли и волѣ? Разумѣется, не либералы и не славянофилы, которые теперь высказываютъ очень часто отъ его имени такія пожеланія, отъ которыхъ народъ открещивается.

Настаивая на необходимости для насъ самобытнаго пути развитія, мы не думаемъ сказать этимъ, что намъ ни къ чему не послужитъ опытъ другихъ народовъ. Было-бы вполнѣ неблагоразумно игнорировать этотъ опытъ; но пользованіе имъ при отысканіи лучшей формы общественности никакъ не можетъ идти въ разрѣзъ съ самобытностью пути. Существованіе большого сходства между обществами дѣлаетъ соціологическій опытъ одного изъ нихъ драгоцѣннымъ указаніемъ для всѣхъ остальныхъ—но только указаніемъ. Общество должно принять во вниманіе, что въ немъ существуютъ и такія особенности, которыхъ не было въ обществѣ, сдѣлавшемся предметомъ изученія; а потому и соціальный опытъ послѣдняго не можетъ послужить прямымъ образцомъ, безъ введенія извѣстныхъ поправокъ. *Опытъ другихъ народовъ можетъ послужить только подспорьемъ при отысканіи самобытнаго пути развитія.*

Вести развитіе общественныхъ формъ путемъ подражанія немыслимо уже и потому, что Европа не составляетъ что-нибудь цѣльное и единообразное, сама раздѣлена на общества, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои самобытныя черты. Кому-же мы должны подражать? Англійское, французское или нѣмецкое землевладѣніе должны мы насадить на необозримыхъ поляхъ Россіи? Нѣмецкимъ, французскимъ или англійскимъ политическимъ учрежденіямъ мы должны подражать? Намъ необходимо будетъ сдѣлать выборъ на основаніи большаго соотвѣтствія нашихъ общественныхъ условій съ учреж-

деніями того или другого народа; или, лучше сказать, мы должны будемъ отыскивать на Западѣ образцы учрежденій, соотвѣтственныхъ нашимъ особенностямъ. Но на Западѣ мы не встрѣтимъ ни одного народа, который-бы находился вполнѣ въ тѣхъ-же физическихъ и общественныхъ условіяхъ, въ какихъ находимся мы, а потому и учрежденія ихъ не могутъ быть для насъ полными образцами. Мы должны сами искать для себя наиболѣе удобныя учрежденія, а не ограничиваться подражаніемъ. «Всѣ серьезные люди убѣдились, говоритъ извѣстный публицистъ Герценъ, что недостаточно идти на буксирѣ за Европою, что въ Россіи есть нѣчто свое особенное, что необходимо понять и изучить въ исторіи и въ настоящемъ положеніи дѣлъ» [1]).

„Если бы всѣ люди, говоритъ Бэнъ, были сходны между собою вполнѣ или въ тѣхъ сторонахъ, которыя касаются политической дѣятельности, то устройство политическаго общества, будь оно легкое или трудное, представляло бы лишь одну задачу. Но существуетъ громадное различіе въ свойствахъ, въ особенностяхъ характера, которыя существенны для устройства политическаго общества. Различіе между американскимъ индѣйцемъ, индусомъ, китайцемъ, русскимъ, англичаниномъ, ирландцемъ, итальянцемъ, въ среднемъ выводѣ, таковы, что они могутъ серьезно вліять на политическую организацію. Если мы возьмемъ извѣстную форму правленія, или извѣстное распредѣленіе поземельной собственности, результаты этихъ учрежденій будутъ своеобразно измѣняться подъ вліяніемъ этихъ различныхъ типовъ характера“ [2]). Къ сожалѣнію, въ нашемъ обще-

[1]) „Съ того берега“ Герцена, стр. 175. (Цитируемъ по книгѣ г. Страхова „Борьба съ Западомъ...“ Стр. 100).

[2]) «Дедуктивная и индуктивная логика» Александра Бэна. Кн. V, гл. VIII (См. „Юрид. Вѣт.“ 1882 г. № 6).

ствѣ до сихъ поръ господствуютъ противоположныя понятія, — идея о самобытномъ развитіи общественнаго строя всѣхъ народовъ у насъ оспаривается и даже подвергается насмѣшкамъ. Съ легкой руки Бокля въ Россіи быстро укоренилось совершенно ненаучное ученіе о расахъ. По этому ученію, расы отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ кожи, устройствомъ и цвѣтомъ волосъ и т. п. чисто внѣшними признаками. Что же касается умственныхъ и нравственныхъ качествъ, то здѣсь—всѣ равны. Существующую же разницу душевной дѣятельности расъ старались объяснить различіемъ въ количествѣ знаній, степенью общечеловѣческой культуры, на которой въ данную минуту стоитъ раса и т. п. Ученіе о духовномъ равенствѣ всѣхъ расъ играло у насъ роль гуманизирующаго элемента. Это было то время, когда американскіе плантаторы указывали, какъ на основу своихъ правъ имѣть рабовъ, на духовную слабость негрскаго племени сравнительно съ англосаксами. Вмѣсто того, чтобы возражать на эти плантаторскіе софизмы естественнымъ путемъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что духовное превосходство не можетъ требовать для себя никакихъ юридическихъ правъ господства и должно довольствоваться тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое оно естественно пріобрѣтаетъ,—было подхвачено и усиленно повторялось другое возраженіе: негры ни умственно, ни нравственно не отличаются отъ американцевъ. Идею общественнаго равенства старались поддержать тѣмъ, что всѣ человѣческія племена стали считать равными по уму и нравственности. Намъ кажется, что тутъ сказалась въ нашемъ обществѣ недостаточность чувства равенства,—для поддержанія его необходима была фикція. Какъ будто недостаточно того, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, чтобы было понятно его право на пол-

ную свободу и равенство съ другими. Развѣ въ нашемъ обществѣ всѣ равно умны и нравственны? Кто же скажетъ, что справедливо отдать глупыхъ въ рабство умнымъ? Человѣкъ, глубоко уважающій человѣческую личность, не будетъ прибѣгать къ тѣмъ недостойнымъ выходкамъ закрыванія глазъ на племенныя особенности, къ которымъ прибѣгло у насъ большинво мыслящей и чувствующей интеллигенціи.

Въ глазахъ многихъ идея о самобытномъ развитіи всѣхъ народностей представляется идущею въ разрѣзъ съ интересами общечеловѣческой солидарности. Это—только печальное недоразумѣніе. Общечеловѣческую солидарность подобные люди представляли себѣ не иначе, какъ въ видѣ общечеловѣческой казармы, въ которой всѣ народы подведены подъ одну мѣрку, подъ одинъ шаблонъ. Логически слѣдуя своимъ теоріямъ, они должны были бы требовать обезличенія всѣхъ индивидуумовъ, ради той же общечеловѣческой солидарности. Но насколько общественная солидарность данной группы людей только понизилась бы отъ полнаго обезличенія особей, составляющихъ общество,—настолько же понизится общечеловѣческая солидарность, еслибы мы имѣли возможность обезнаціоналить всѣ племена, входящія въ составъ человѣчества. Общественно-научная истина, указывающая на вредъ обезличиванья членовъ данной общественной группы, съ цѣлью будто бы усилить солидарность между ними, кажется, сдѣлалась уже общепризнанной у насъ. Теперь остается понять, что и племенныя особенности, подобно личнымъ, имѣютъ такое же право на существованіе и развитіе, и что ихъ развитіе не можетъ вредить интересамъ человѣчества. Вѣдь если говорятъ о правѣ личности на развитіе своей индивидуальности, то подъ этимъ не подразумѣваютъ права на

развитіе своихъ хищническихъ инстинктовъ и т. п ; то же самое нужно подразумѣвать и въ словахъ о развитіи племенныхъ особенностей: въ нихъ никакъ нельзя усматривать поощренія только эгоистическимъ инстинктамъ племени. Общечеловѣческая солидарность была бы очень печальнымъ явленіемъ, если бы достигать ее можно было бы только путемъ казарменнаго подведенія всѣхъ племенъ подъ одну умственную и нравственную мѣрку. Она достигается совершенно инымъ путемъ, путемъ полнаго развитія духовныхъ силъ каждаго племени, насколько, разумѣется, эти духовныя силы не идутъ въ разрѣзъ съ интересами человѣчества. *Единство въ разнообразіи*—вотъ истинное знамя общечеловѣческой солидарности.

Расовыя особенности не являются постоянными и неизмѣнными, присущими племени отъ вѣка и долженствующими остаться таковыми до скончанія вѣковъ, какъ думаютъ нѣкоторые мистическіе націоналисты; наоборотъ, онѣ постоянно видоизмѣняются, развиваются или атрофируются, смотря по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ приходится жить племени. Но это никакъ не можетъ уменьшить ихъ значенія для исторической судьбы человѣчества. Не уменьшаетъ ихъ значенія и то обстоятельство, что большинство современныхъ націй—результатъ сліянія нѣсколькихъ племенъ и народностей: образовавшіяся смѣси имѣютъ каждая свои расовыя особенности. Мы не будемъ здѣсь касаться физическихъ особенностей расъ. такъ какъ онѣ болѣе или менѣе извѣстны, и прямо перейдемъ къ умственнымъ и нравственнымъ.

„Справедливо считается, говоритъ Вундтъ, что индивидуальными особенностями темперамента могутъ характеризоваться большія группы однородныхъ существъ.

Такъ, мы видимъ, что отдѣльныя человѣческія расы, отдѣльные народы или жители извѣстной области отличаются опредѣленными характеристическими для нихъ особенностями темперамента» [1]). Хотя и существуетъ въ человѣческомъ родѣ стремленіе къ умственному однообразію, говоритъ Топинаръ, но, несмотря на это, остаются и нѣкоторыя отличія; такъ, напримѣръ, однѣ расы „выучиваются скоро, другія—медленно"; „китайцы послѣ продолжительной общественной жизни, равной, быть можетъ, жизни самыхъ древнихъ египтянъ, несмотря на свои успѣхи во многихъ отношеніяхъ, остались чужды понятія о перспективѣ. Другіе же народы, и притомъ изъ числа наиболѣе первобытныхъ, обнаружили, напротивъ, истинное артистическое чувство" [2]). Спенсеръ указываетъ, что „общая масса душевной дѣятельности" у разныхъ расъ—неодинакова: „Извѣстно, говоритъ онъ, что различныя разновидности человѣческаго рода отличаются очень значительно другъ отъ друга по отношенію къ этому свойству. Независимо отъ рода чувствованія, онѣ не сходствуютъ между собою по его количеству. Господствующія расы берутъ верхъ надъ нисшими, главнѣйшимъ образомъ благодаря количеству энергіи, въ которой проявляется эта общая масса душевной дѣятельности" [3]).

По мнѣнію Льюиса, «законы чувствительности и логики—не всеобщи, а имѣютъ свои оттѣнки у различныхъ расъ» [4]). «Впрочемъ, говоритъ Топинаръ, никто и не сомнѣвается въ важномъ значеніи умственныхъ

---

[1]) Основанія физіологической психологіи. Вильгельма Вундта. Стр. 895.

[2]) „Антропологія". Топинара. Стр. 397, 398 и 399.

[3]) „Основанія психологіи". Герб. Спенсера. Т. I, стр. III.

[4]) Д. Г. Льюисъ. „Изученіе психологіи". Стр. 169 и 170.

признаковъ. Они сохраняются въ теченіи вѣковъ наравнѣ съ физическими признаками». «Въ Алжиріи отличаютъ бербера отъ араба характеромъ, душевнымъ настроеніемъ и родомъ общительности еще лучше, чѣмъ чертами лица. Столь же рѣзокъ и извѣстенъ контрастъ между англо-германцами и южно-европейцами»[1]).

Что же касается нравственныхъ особенностей расъ, то объ этомъ Топинаръ говоритъ слѣдующее: «Расы отличаются весьма глубоко еще образомъ жизни и *пониманіемъ общественнаго состоянія*. Съ самаго начала преданій и даже раньше, во времена доисторическія, мы видимъ уже осѣдлыя племена, мирно занимающіяся рыболовствомъ и торговлей, и племена воинственныя и буйныя. Одни изъ нихъ впослѣдстіи съ легкостью усвоиваютъ прелести цивилизаціи, другіе же отказываются отъ нихъ, предпочитая суровую дикую жизнь». «Есть народы, какъ бы предназначенные къ вѣчной кочевой жизни, какъ цыгане, евреи и арабы. Цыгане остаются безъ религіи и блуждаютъ среди цивилизаціи, нисколько не соблазняясь ею» [2]). «Существующія въ настоящее время разновидности человѣческаго рода, говоритъ Спенсеръ, обнаруживаютъ различныя степени общественности; кромѣ того, различаются между собою неодинаковою степенью любви къ независимости: однѣ терпѣливо переносятъ стѣсненія, другія совсѣмъ не переносятъ его. Ясно, что пропорція, въ которой являются эти двѣ характеристическія черты въ различныхъ случаяхъ, должна сильно вліять на общественный союзъ» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, если «человѣчество не имѣетъ общаго характера» [4]) и само создаетъ свои обществен-

---

[1]) и [2]) „Антропологія". Топинара. Стр. 399.

[3]) „Основанія соціологіи". Герб. Спенсера. Т. 1-й, стр. 69.

[4]) „Система логики". Д. С. Милль. Т. II, стр. 437.

ныя формы, то понятно, что и эти формы будутъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Всѣ теоріи однотипности общественныхъ формъ всѣхъ народовъ, различіе которыхъ стараются объяснить степенью развитія, такъ что всѣ народы распредѣлены, такъ сказать, по ступенькамъ одной и той же лѣстницы общественнаго развитія,— просто должны быть отнесены къ явленіямъ «переживанія»: религіозно-библейское ученіе безсознательно впутывается въ разсужденія ученыхъ, даже не подозрѣвающихъ на себѣ вліянія этого ученія.

Несмотря на все разнообразіе племенъ по отношенію къ характеру, мы можемъ все-таки сгруппировать ихъ въ два рѣзко выдающіеся типа: мирный и хищный. Разумѣется, это только крайнія точки; большинство какъ всегда, принадлежитъ не къ этимъ крайностямъ, а представляетъ нѣчто среднее. Но и это большинство можетъ быть подраздѣлено на такихъ, въ которыхъ мирныхъ свойствъ больше, чѣмъ хищническихъ, и наоборотъ. Мы приведемъ здѣсь характеристику только двухъ крайнихъ типовъ, изъ смѣшенія свойствъ которыхъ состоятъ типы средніе. Начнемъ съ мирныхъ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что многіе напрасно думаютъ, будто бы мирныя племена бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ трусливыми и легко подчиняющимися захвату,—факты доказываютъ обратное. Бодо и Дималы, «хотя они чужды какого то бы ни было насилія противъ своего народа или своихъ сосѣдей», противятся неблагоразумнымъ, насильственнымъ правиламъ съ мрачнымъ упорствомъ. И о родственномъ съ ними „совершенно очаровательномъ народѣ“, лепхасахъ, любезныхъ, мирныхъ, добрыхъ,—какъ единодушно описываютъ ихъ путешественники, — и которые не хотятъ служить солдатами, намъ разсказывали, говоритъ Спенсеръ, что они

„скорѣе вынесутъ огромныя лишенія, чѣмъ подчинятся гнету или несправедливости“ [1]). Лепхасы „не имѣютъ кастъ; семейные и политическіе раздоры у нихъ кажутся неслыханными; они чувствуютъ отвращеніе къ военной службѣ» [2]). „Мирные и безобидные Санталы“, про которыхъ маіоръ Джервинъ говоритъ, что они „самые правдивые люди изъ всѣхъ, когда-либо мною видѣнныхъ“ [3]), „сражаются съ неутомимою храбростью, если это необходимо для сопротивленія посягательству на нихъ, но по существу своему неспособны къ нападенію. Эготъ народъ состоитъ изъ промышленныхъ земледѣльцевъ и не раздѣляется на касты“ [4]). Членовъ племени Якунсовъ характеризуютъ, какъ „совершенно безобидныхъ, лично храбрыхъ, но мирныхъ, не знающихъ иной власти надъ собою, кромѣ власти всенародно избранныхъ старшинъ, разрѣшающихъ ихъ споры; въ то же время, какъ говорятъ, они „крайне горды“, и эта такъ называемая гордость подтверждается разсказомъ о томъ, что ихъ замѣчательно добрый характеръ „внушилъ нѣкоторымъ лицамъ мысль приручить ихъ къ домашнимъ услугамъ, но попытки эти обыкновенно оканчивались исчезновеніемъ Якунса при малѣйшемъ насиліи“. Про нихъ же говорятъ, что „имъ не знакомо воровство даже самыхъ незначительныхъ вещей“ [5]). О Госахъ разсказываютъ, что „можно довести человѣка до самоубійства, сомнѣваясь въ его честности и правдивости“ [6]).

---

[1]) „Развитіе политическихъ учрежденій“. Герб. Спенсера. Стр. 157.

[2]) Тамъ-же. Стр. 300.

[3]) А. Р. Уоллэсъ. „Естественный подборъ“ Стр. 385.

[4]) „Развитіе политическихъ учрежденій“. Герб. Спенсера. Стр. 300.

[5]) Тамъ же стр. 314 и 316.

[6]) Тамъ же. Стр. 316.

„Въ разсказахъ объ этихъ мирныхъ племенахъ, говоритъ Спенсеръ, нѣтъ никакихъ упоминаній о lex talionis (законѣ возмездія). При отсутствіи враждебныхъ отношеній между сосѣдственными группами, внутри каждой отдѣльной группы не существуетъ этой „священной обязанности“ кровавой мести, повсемѣстно обнаруживавшейся среди воинственныхъ племенъ и націй. Еще замѣчательно то, что мы находимъ даже примѣры противоположныхъ правилъ и поступковъ. Лепхасы, напримѣръ, „замѣчательно склонны прощать обиды, взаимно уступать и благотворить другъ другу“ [1]) „Рядомъ съ этимъ превосходствомъ общественныхъ отношеній идетъ постоянно у мирныхъ племенъ и превосходство ихъ домашнихъ отношеній. Въ то время, какъ въ воинственныхъ племенахъ и въ болѣе развитыхъ воинственныхъ обществахъ status женщинъ обыкновенно очень низокъ,— онъ очень высокъ въ этихъ первобытныхъ мирныхъ обществахъ“ [2]). „Кромѣ того, относительно многихъ изъ этихъ мирныхъ народовъ намъ извѣстно, что и status дѣтей среди нихъ также высокъ; здѣсь нѣтъ совершенно того различія въ обращеніи съ мальчиками и дѣвочками, которое составляетъ характерную черту воинственныхъ трибъ“ [3]). Многіе изъ мирныхъ племенъ отличаются чрезвычайною правдивостью. По словамъ В. Элліота, выраженіе: „Курубаръ всегда скажетъ правду“, обратилось въ пословицу [4]). Таковы нравственныя черты мирныхъ племенъ.

Для характеристики племенъ хищническаго типа приведемъ отзывы о нѣкоторыхъ изъ нихъ. „Аборы,

---

[1]) и [2]) „Развитіе политическихъ учрежденій. Герб. Спенсера. Стр. 318.

[3]) Тамъ-же. Стр. 319.

[4]) А. Р. Уоллэсъ. „Естественный подборъ“. Стр. 385.

какъ они сами говорятъ,—пишетъ Дальтонъ,—похожи на тигровъ: двое изъ нихъ не могутъ жить въ одной берлогѣ; ихъ дома разбросаны въ одиночку или группами по два и по три“ [1]). „У южно-американскихъ Туписовъ мстительность составляетъ господствующую страсть; поймавъ какое-либо животное въ западню, они умерщвляютъ его маленькими ранами, „чтобы оно страдало какъ можно болѣе“ [2]). „Характеръ Фиджійцевъ отличается глубокой злостью и мстительностью. Ложь, предательство, воровство и убійство вовсе не считаются у нихъ преступными дѣйствіями, а, наоборотъ, признаются почетными; дѣтоубійство практикуется въ широкихъ размѣрахъ; удавленіе больныхъ—вещь самая обыкновенная; иногда они рѣжутъ на куски совершенно еще живыя человѣческія жертвы, собираясь ихъ ѣсть“ [3]). Дагомейцы—«жестоки, кровожадны, лживы и хитры, какъ будто самой природой лишены симпатическихъ чувствъ и признательности даже относительно членовъ своего собственнаго семейства, до того, что не существуетъ даже наружныхъ выраженій чувствъ между мужемъ и женою или родителями и дѣтьми“ [4]). Дамары настолько безжалостны, что могутъ смѣяться, видя одного изъ своихъ, пожираемаго дикимъ звѣремъ [5]).

Сопоставляя мирныя племена съ хищническими, мы убѣждаемся въ той несомнѣнной истинѣ, что общественныя формы, въ которыхъ живутъ эти племена, должны быть различныхъ типовъ, иначе намъ нужно было бы

[1]) „Развитіе политическихъ учрежденій“. Герб. Спенсера. Стр. 43

[2]) „Основанія соціологіи“. Герб. Спенсера. Т. I, стр. 77

[3]) „Развитіе политическихъ учрежденій“. Герб. Спенсера. Стр. 9.

[4]) Тамъ же, Стр. 10.

[5]) Тамъ-же. Стр. 11.

признать, что общественная форма создается не человѣкомъ, а дается ему откуда-то извнѣ. Если бы племена мирнаго характера не были принуждаемы внѣшними нападеніями организоваться для защиты своей племенной независимости, мы могли бы увидѣть существованіе развитой культуры чисто мирнаго типа; но культура подобнаго рода нигдѣ не существуетъ въ своемъ чистомъ видѣ, благодаря именно существованію хищническихъ сосѣдей, поневолѣ заставляющихъ и мирныя племена организоваться по военному типу. Несмотря на это, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи внутренней, вполнѣ народной, жизни каждой націи легко убѣдиться, принадлежитъ-ли она болѣе къ мирному или хищническому типу. Теоріи, проповѣдующія, что типъ общественныхъ формъ у всѣхъ племенъ человѣчества одинъ и тотъ же, настолько оказываются невѣроятными при ближайшемъ изученіи этихъ племенъ, что падаютъ сами собою. Вособенности, если принять во вниманіе, что чувство независимости у различныхъ племенъ различно. Такъ „бедуинъ, говоритъ Буркгардтъ, не подчинится никакому приказанію, но охотно уступитъ убѣжденію“; а Пальгревъ говоритъ про него, что „онъ высоко цѣнитъ національную и личную свободу“ и что онъ „замѣчательно свободенъ отъ всякаго кастоваго чувства по отношенію къ господствующимъ родамъ и династіямъ“ [1]). „Когда Ринкъ спросилъ Никобарійцевъ, кто изъ нихъ носитъ названіе вождя, они отвѣчали, смѣясь надъ тѣмъ, „какъ онъ могъ думать, чтобы одинъ могъ властвовать надъ такимъ множествомъ“ [2]). Ангаміи „не признаютъ главы или вождя; хотя и выби-

[1]) „Основанія соціологіи“. Герб. Спенсера. Т. I, ст. 70.

[2]) „Развитія политическихъ учрежденій“. Герб. Спенсера. Стр. 104.

раютъ представителей, но эти послѣдніе во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ являются безсильными и неотвѣтственными“ [1]). Въ противоположность племенамъ съ сильно развитымъ чувствомъ независимости, существуютъ другія, по преимуществу хищническаго типа, съ рабскими наклонностями. Дамары, о которыхъ мы уже упоминали, говоря о хищныхъ племенахъ, по словамъ Дальтона, „добиваются попасть въ рабство и слѣдуютъ за господиномъ какъ болонка“ [2]). Гривъ говоритъ о Камчадалахъ, что они обнаруживаютъ „рабское подобострастіе къ тѣмъ, кто сурово обращается съ ними, и презираютъ тѣхъ, кто обращается съ ними мягко“ [3])

Думать, что у этихъ племенъ, съ такимъ противоположнымъ характеромъ, общественное управленіе будетъ одного и того же типа,—немыслимо.

Нѣтъ сомнѣнія, что сравнительный методъ принесетъ соціологіи не меньше пользы, чѣмъ онъ принесъ и приноситъ анатоміи, физіологіи и т д. Только путемъ сравненія общественныхъ учрежденій различныхъ группъ человѣческаго рода вполнѣ выяснятся, какъ *сходства*, такъ и *особенности* въ этихъ учрежденіяхъ, — подобно тому, какъ сравнительная анатомія и физіологія выясняютъ какъ сходства, такъ и особенности человѣческихъ группъ въ своихъ областяхъ. Правда, до сихъ поръ соціологи гораздо больше интересовались сходствами и забыли или по крайней мѣрѣ оставляли въ тѣни вопросъ объ особенностяхъ, но болѣе тщательное изученіе общественныхъ учрежденій, которое необходимо для отысканія сходствъ, непремѣнно поведетъ къ болѣе ясному представленію объ особенностяхъ. Намъ

[1]) Тамъ же. Стр. 115.

[2]) Тамъ же. Стр. 44.

[3]) „Основаніе соціологіи“. Герб. Спенсера. Стр. 70.

кажется, что на нынѣшнее направленіе соціологической мысли имѣла громадное вліяніе моногенетическая теорія человѣка. Подъ вліяніемъ этой теоріи, всѣ особенности человѣческихъ группъ приписывались только различію въ степени ихъ культурнаго развитія. Иначе трудно объяснить вѣру многихъ въ то, что всѣ особенности человѣческихъ группъ зависятъ отъ степени общественнаго развитія и что эти степени проходятъ и должны пройти всѣ группы. Всякому, хотя бы немного знакомому съ антропологіей, показалась бы нелѣпой, напримѣръ, такая мысль: черный цвѣтъ кожи, курчавые волосы и вообще всѣ физическія особенности негра есть ни больше, ни меньше, какъ ступень развитія человѣческаго рода; европеецъ также проходилъ эту ступень и былъ когда-то негромъ, а будетъ когда-то негромъ, положимъ, австраліецъ. Думаемъ, что всякій бы отвергъ эту нелѣпость и этимъ призналъ бы существованіе нѣсколько типовъ человѣка, по крайней мѣрѣ въ физическомъ отношеніи. Если же принять во вниманіе то, что душевная дѣятельность состоитъ въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ физической организаціи, то мы должны прійти къ выводу, что и въ психическомъ отношеніи люди дѣлятся на типы. Мы уже приводили данныя, вполнѣ доказывающія этотъ теоретическій выводъ. И такъ какъ общественныя учрежденія не есть только продуктъ той части міровыхъ силъ, которыя окружаютъ человѣка, но, главнымъ образомъ, тѣхъ, которыя заключены въ человѣкѣ и проявляются въ видѣ его физической и психической дѣятельности, то мы должны будемъ заключить, что существованіе различныхъ типовъ человѣка ведетъ къ существованію различныхъ типовъ общественныхъ учрежденій. На этомъ основаніи, изъ того факта, напримѣръ, что во всѣхъ

концахъ міра существовало общинное владѣніе землей, никакъ нельзя выводить тождества формъ, черезъ которыя проходитъ человѣкъ въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ,—во всѣхъ концахъ міра у людей есть носы, есть головы, и тысячи лѣтъ тому назадъ были головы и носы, однако тождество этихъ головъ и носовъ отвергается антропологами, разумѣется тѣми, которые захотѣли поближе ознакомиться съ ними. Носъ и голова негра не есть только ступень для всѣхъ носовъ и головъ человѣчества; на какомъ же основаніи мы можемъ утверждать, что соціальныя отношенія, на устройство которыхъ имѣли громадное вліяніе этотъ носъ и эта голова, будутъ одной изъ ступенекъ всего человѣческаго рода или были ими?

Заблужденія, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, имѣютъ громадное практическое значеніе; они находятся въ самой тѣсной связи съ самыми живыми вопросами нашей жизни. Возьмемъ для примѣра вопросъ объ общинномъ владѣніи. Если всѣ народы проходили и будутъ проходить черезъ однѣ и тѣ же соціальныя формы, смотря по степени общественнаго развитія, то несомнѣнно, что народы западной Европы, у которыхъ общинное владѣніе землей было и быльемъ поросло, должны находиться впереди всего прогрессивнаго движенія и указывать намъ путь, на который вступимъ и мы, т. е. путь разрушенія общины, внѣдренія капиталистическаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаріата со всѣми его смутами. Такая участь ожидаетъ, по этому взляду, всѣ народы, въ томъ числѣ и насъ. Напрасно было бы стараться удержать общинное владѣніе землей или избѣгнуть пролетаріата—этого не въ силахъ сдѣлать народъ. Общинное владѣніе есть-де архаическая форма владѣнія землей и осуждено на погибель; всѣ усилія, направ-

ленныя на его огражденіе, суть усилія реакціи и застоя, старанія же завести у насъ безземельный пролетаріатъ—прогресивны и полезны. Вотъ какими неприглядными выводами чревата эта теорія однотипности соціальныхъ формъ человѣчества, а между тѣмъ она въ с оемъ основаніи не имѣетъ ничего прочнаго; указывая на сходство національныхъ формъ разныхъ народовъ и игнорируя особенности, отличающія ихъ другъ отъ друга, а отчасти и не умѣя ихъ замѣтить, она съ апломбомъ тупой учености третируетъ свою противницу, не упускающую изъ виду ни сходства, ни особенностей [1]).

---

[1]) Многіе оспариваютъ вліяніе расовыхъ свойствъ на культуру и цивилизацію народовъ съ другихъ точекъ зрѣнія. Такъ, напр., г. Хлѣбниковъ говоритъ: „лучшимъ опроверженіемъ этихъ предположеній служитъ то, что многіе геніи, носители культуры, у всѣхъ народовъ, принадлежали часто къ совершенно другимъ племенамъ и даже расамъ и притомъ къ такимъ, которыя въ это время находились на самой низкой ступени цивилизаціи“. „Цивилизація, формы ея происхожденія, развитія и причины паденія...“ Проф Хлѣбникова).

И такъ, если геніи, носители культуры данной націи, могутъ быть чуждаго происхожденія, то можно ли послѣ этого говорить о вліяніи племенныхъ и расовыхъ свойствъ на духовное творчество народа? Мы отвѣтимъ, что не только можно, но и должно. Человѣкъ другаго племени, выросшій среди даннаго народа, будетъ отличаться отъ окружающихъ оригинальностью своихъ взглядовъ. Эта оригинальность — результатъ умственныхъ расовыхъ отличій, сохраняемыхъ человѣкомъ, несмотря ни на какое воспитаніе, — какъ никакое воспитаніе не измѣнитъ черты лица англичанина, выросшаго среди русскихъ. Эта особенность умственныхъ и нравственныхъ качествъ даетъ ему возможность лучше разсмотрѣть многое изъ того, чего не замѣчаютъ окружающіе, или, лучше сказать, посмотрѣть на это многое со своей, нѣсколько отличной точки зрѣнія. Если къ этому прибавить, что смѣшеніе расъ, по мнѣ-

Идея о самобытномъ развитіи нашего общественнаго уклада есть только часть болѣе широкой идеи о самобытности общественнаго строя всѣхъ племенъ и народовъ. Не потому мы идемъ самобытнымъ путемъ, что мы избранный народъ, предназначенный, велѣніями судьбы, замѣнить своею цивилизаціею сгнившія цивилизаціи Запада, а только потому, что всѣ народы должны идти своимъ путемъ. Самобытность—необходимое условіе правильнаго развитія общественныхъ формъ. Она необходимо проявится во всѣхъ обществахъ, въ которыхъ учрежденія поставлены въ зависимость отъ общественнаго мнѣнія. Несамобытное развитіе можетъ быть осуществлено только путемъ насилія. Сами-же народы всегда стремятся отыскать общественныя учрежденія, приноровленныя къ ихъ національнымъ особенностямъ.

нію большинства ученыхъ, способствуетъ развитію душевныхъ силъ, то намъ будетъ вполнѣ понятно, почему иностранцы играютъ такую важную роль въ исторіи всѣхъ цивилизацій. Обыкновенно полныхъ иностранцевъ бываетъ, сравнительно, ничтожное количество и они не могутъ обезнаціоналить извѣстное общество, а способствуютъ только распространенію болѣе широкихъ взглядовъ и мѣшаютъ націи замкнуться въ своихъ, болѣе или менѣе узкихъ, воззрѣніяхъ. Такимъ образомъ, иностранный элементъ является представителемъ болѣе широкихъ взглядовъ, расширяетъ умственный горизонтъ націи и этимъ способствуетъ ея развитію. Если къ иностранному элементу примѣшаны, путемъ смѣшенія крови, элементы туземные, въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ сдѣлаться яркимъ представителемъ національнаго типа душевныхъ способностей,— это будетъ зависѣть отъ преобладанія туземнаго элемента, оплодотвореннаго иностранною примѣсью. Онъ можетъ быть лучшимъ цѣнителемъ и защитникомъ національныхъ особенностей, такъ какъ примѣсь иностраннаго элемента можетъ дать ему возможность поглубже вдуматься въ значеніе этихъ особенностей.

Бороться съ національнымомъ не только несправедливо, но и невозможно; въ основѣ его лежитъ чувство народныхъ массъ, а потому противопоставлять ему какія-либо реформы, какъ нѣчто взаимно противоположное,—значитъ собственными руками подрывать идею этихъ реформъ. Правда, принципъ національнаго допускаетъ злоупотребленія, но какой же принципъ огражденъ отъ нихъ? Отвергать національнымъ только на томъ основаніи, что ретрограды злоупотребляютъ имъ,—такъ же неосновательно, какъ отвергать употребленіе ножей по той причинѣ, что кто-нибудь зарѣзалъ ножомъ человѣка. Прогрессисты обязаны только обличить продѣлки ретроградовъ съ принципомъ національнаго, указать на истинное приложеніе его къ международнымъ и внутреннимъ отношеніямъ, тѣснымъ образомъ связать съ идеей реформъ, прогрессомъ и развитіемъ общечеловѣческой солидарности.

Въ чемъ-же состоитъ истинный національнымъ? Основное положеніе національнаго заключается въ томъ, что всякая народность имѣетъ свои особенности и національныя черты, а потому ея жизнь и развитіе идутъ самобытнымъ путемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ національнымъ утверждаетъ, что всякая народность имѣетъ *право* на существованіе и развитіе. Общечеловѣческая солидарность достигается, по мнѣнію истинныхъ національнаго, не нивеллировкой націй, не обезличеніемъ ихъ, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ ихъ особенностей. Чѣмъ разнообразнѣе будутъ народности, входящія въ составъ человѣчества, тѣмъ жизнь этого человѣческаго цѣлаго будетъ полнѣе и ярче во всѣхъ отношеніяхъ, подобно тому, какъ и въ отдѣльной народности солидарность достигается не нивеллировкой личностей, а наоборотъ—полнымъ развитіемъ всѣхъ личныхъ особенностей.

Наши ретрограды стараются подмѣнить принципъ національнаго признающій равенство націй, своимъ ретроградным пониманіемъ его, при которомъ оказывается, что наша національность имѣетъ право и чуть-ли не обязана относиться къ другимъ самымъ хищническимъ образомъ. Такое пониманіе національнаго, конечно, нелѣпо и узко. На самомъ дѣлѣ, національнымъ стремится только оградить права націй на самобытное развитіе и существованіе, а не разнуздать эгоистическія ихъ побужденія; наряду съ естественными національными эгоистическими стремленіями, онъ необходимо предполагаетъ и національный альтруизмъ. Руководствуясь національнымъ эгоизмомъ, нація защищаетъ свои права отъ всякаго рода нарушеній; подъ вліяніемъ же національнаго альтруизма, она не нарушаетъ правъ другихъ. Эгоистическій національнымъ, проповѣдуемый нашими ретроградами, заимствованъ ими отъ старѣющихся партій западной Европы и способенъ внести въ нашу и европейскую жизнь только сѣмена раздора и разложенія. Подобно тому, какъ отдѣльныя личности не могутъ руководствоваться только эгоистическими наклонностями, а вносятъ въ свои отношенія къ другимъ альтруистическіе принципы,—такъ и націи не должны и не могутъ руководствоваться только національнымъ эгоизмомъ, а должны вносить въ свои отношенія альтруистическіе принципы. Истинный національнымъ требуетъ уваженія правъ другихъ націй, а не попранія ихъ во имя своихъ хищническихъ поползновеній. Проповѣдники эгоистическаго національнаго были главными виновниками того отвращенія, которое замѣчается у многихъ по отношенію къ идеѣ о самобытности нашего общественнаго развитія.

Какъ проповѣдь личной независимости и необходи-

мости самобытнаго развитія для всякаго индивидуума человѣческаго рода не подразумѣваетъ подъ этимъ развитіе хищническихъ инстинктовъ личности, такъ и проповѣдь національной независимости и самобытности отнюдь не должна стремиться къ поощренію хищническихъ инстинктовъ націи. Основывать отношенія націй на эгоистическихъ началахъ—это значитъ въ концѣ концовъ вредить имъ. Этой то истины и не могутъ понять проповѣдники эгоистическаго націонализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ прикрытіемъ націонализма въ дѣлахъ внѣшнихъ, они стараются внести въ нашу внутреннюю жизнь свои ретроградныя измышленія, заимствованныя съ Запада же, но только не изъ современнаго, а изъ сданнаго въ архивъ. Стараясь изо всѣхъ силъ смѣшать націонализмъ съ проповѣдью всякаго рода стѣсненій, они этимъ самымъ компрометируютъ его въ глазахъ общества.

Славянофилы очень много толкуютъ о „гніеніи запада“. Если-бы они подразумѣвали подъ этими словами явленіе разложенія современныхъ общественныхъ формъ запада, то противъ этого нельзя было бы ничего возразить: всѣмъ извѣстны старанія западно-европейскихъ обществъ реформировать свой общественный строй. Къ сожалѣнію, увлеченіе собственнымъ національнымъ достоинствомъ перешло въ нихъ необходимыя границы, и они впали въ состояніе аналогичное съ такъ называемымъ горделивымъ помѣшательствомъ. Не удовольствовавшись защитой русской самобытности, они стали доказывать, что западныя цивилизаціи окончательно гніютъ и должны быть замѣнены русской. Вмѣсто того, чтобы требовать признанія за русскимъ народомъ равенства со всѣми остальными европейскими народами, они стремятся принизить ихъ и возвеличить на ихъ счетъ собственный народъ; какъ будто необходимо, чтобы суще-

ствовали паріи цивилизаціи рядомъ съ ея аристократіей. По нашему мнѣнію, *любовь къ своему народу совершенно не обязываетъ презирать всѣ остальныя.* Идея русской самобытности основана на тѣхъ же началахъ, какъ и идея самобытности всѣхъ народовъ вообще. Правда, мы вѣримъ, что русскій народъ находится въ настоящее время въ такихъ условіяхъ, которыя дадутъ ему возможность съ меньшими затрудненіями достичь будущихъ общественныхъ формъ,—основанныхъ на началахъ артельности,—къ которымъ стремится и западъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ, что и Европа не сгніетъ, а достигнетъ подобныхъ же формъ, но только своимъ самобытнымъ путемъ. Подобные защитники русской самобытности только вредятъ ея дѣлу своею неумѣлою защитой Россіи и усердными не по разуму нападеніями на Европу. Они думаютъ, что русская самобытность можетъ существовать только на развалинахъ европейской жизни, а потому и пустили въ ходъ мысль о „гніеніи Запада". Разложеніе нынѣшняго общественнаго порядка Европы, т. е. гніеніе буржуазнаго строя, они принимаютъ за паденіе европейской цивилизаціи и за наступленіе періода замѣны ея цивилизаціей русской. Они не могутъ понять того, что западъ не разлагается, а преобразовывается, идя своимъ самобытнымъ путемъ. Защищая самобытность русской жизни, намъ незачѣмъ превозноситься и думать, что мы единственные носители будущихъ формъ цивилизаціи.

Отстаивая самобытность развитія русской жизни, нынѣшніе, выродившіеся славянофилы готовы относить къ самобытнымъ формамъ ея всякаго рода наросты и прыщи. Они совершенно не умѣютъ отличать физіологическихъ отправленій и органовъ нашей общественной жизни отъ патологическихъ. Отсюда ихъ стремленіе удер-

жать, какъ нѣчто будто-бы самобытное, такія явленія, *противъ которыхъ борется весь нашъ общественный организмъ*, какъ противъ застарѣлыхъ болѣзней. Ратуя за самобытность русской жизни, они способны въ корнѣ подорвать эту жизнь своими стараніями удержать ее со всѣми болѣзненными процессами, принимаемыми ими за показателя русской самобытности. Такимъ образомъ истина, попавъ въ дурныя руки, сдѣлалась орудіемъ зла и застоя.

Не лучше, впрочемъ, дѣйствуютъ и могикане западничества. Они не понимаютъ, что славянофилы являются защитниками застоя не вслѣдствіе стремленій сохранить самобытность русской жизни, а потому, что считаютъ самобытными патологическія явленія ея и стремятся сохранить ихъ, вопреки народному мнѣнію. Вмѣсто того, чтобы обличать славянофиловъ въ непониманіи того, въ чемъ состоитъ самобытность русской жизни съ физіологической точки зрѣнія, они накидываются на самую идею необходимости самобытнаго пути развитія и насмѣхаются надъ нею, противопоставляя ее всѣмъ назрѣвшимъ реформамъ. Это послѣднее можетъ служить только на руку славянофиламъ и застою, такъ какъ идея о необходимости самобытнаго развитія нашего общества быстро распространяется у насъ въ послѣднее время. Слѣдовало-бы, наоборотъ, вырвать изъ рукъ славянофиловъ знамя самобытности, которымъ они злоупотребляютъ, и доказать, что реформы, въ которыхъ такъ нуждается наше общество и которыя охаиваются славянофилами, какъ несамобытныя, соотвѣтствуютъ потребностямъ нашего общественнаго организма и не могутъ считаться несамобытными. Наши-же публицисты-западники поставили свою полемику съ славянофилами на такую почву, что въ глазахъ читателей эти послѣдніе являют-

ся защитниками самобытности русской жизни, а западники — преобразованія ея по европейскимъ образцамъ. Подобная постановка полемики можетъ только компрометировать въ глазахъ многихъ тѣ реформы, которыя защищаются западниками. Эти реформы выдвинуты потребностями русской жизни и отнюдь не носятъ характера заимствованія. Достаточно указать на постановку у насъ земельнаго вопроса, чтобы передъ нами выяснилась та разница, которая существуетъ между нашими общественными потребностями и потребностями, напримѣръ, французскаго общества. Самыя программы нашихъ прогрессистовъ, враждующихъ съ принципомъ самобытности, вполнѣ доказываютъ всю неосновательность ихъ разсужденій: всѣ эти программы восприняли русско-народный взглядъ на землевладѣніе, хотя и съ большими урѣзками и ограниченіями. На нихъ, слѣдовательно, отразилась самобытность русской жизни, несмотря на то, что они отрицаются отъ нея. Даже можно сказать, что ихъ программы заключаютъ въ себѣ гораздо больше національно-русскихъ началъ, нежели программы выродившихся славянофиловъ.

Общественныя формы, чтобы быть самобытными, должны соотвѣтствовать назрѣвшимъ чувствамъ и воззрѣніямъ народа и видоизмѣняться вмѣстѣ съ ихъ видоизмѣненіемъ. Такъ какъ націи, отличаясь другъ отъ друга, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ много общаго, то и самобытное развитіе ихъ учрежденій приведетъ непремѣнно къ сходству въ общественныхъ формахъ. Пугаться этого сходства и думать, что оно есть показатель заимствованія, никакъ нельзя. А между тѣмъ въ послѣднее время славянофилы и націоналисты отвергаютъ необходимость извѣстныхъ реформъ только на томъ основаніи, будто они заимствованы изъ западной жизни. *О само-*

бытности извѣстной реформы необходимо судить не по сходству или несходству ея съ формами западно-европейской жизни, а по ея соотвѣтствію съ народными нуждами, требованіями и желаніями. Разъ она удовлетворяетъ вполнѣ этому условію, она—самобытна, а не заимствована. Заимствованной она можетъ считаться только тогда, когда не вполнѣ соотвѣтствуетъ чувствамъ и воззрѣніямъ народа. Реформа, освободившая часть населенія Россіи отъ крѣпостнаго состоянія, вполнѣ самобытна, хотя крѣпостники и могли указывать, что фактъ освобожденія былъ совершенъ на западѣ уже давно и что, слѣдовательно, мы подражаемъ Европѣ. Не изъ подражанія западу освобождали у насъ крестьянъ, а для удовлетворенія народныхъ потребностей, поэтому реформа и вышла вполнѣ самобытной: въ Россіи освобожденіе совершилось не въ томъ видѣ, какъ на западѣ, а въ измѣненномъ сообразно нашимъ русскимъ взглядамъ, т. е. съ надѣленіемъ крестьянъ землею. Распространеніе воинской повинности на всѣ сословія удовлетворило требованіямъ народной совѣсти и является такимъ образомъ на русской почвѣ вполнѣ самобытнымъ учрежденіемъ, хотя, какъ извѣстно, образцы этой реформы встрѣчались на западѣ гораздо раньше, нежели развитіе русской жизни привело къ необходимости ввести ее у насъ. Говорить о томъ, что эта реформа противна духу русскаго народа только потому, что въ Пруссіи мы ее встрѣчаемъ гораздо раньше, значитъ жертвовать истинной самобытностью въ пользу нарочитаго оригинальничанья. То же самое должно повториться и съ тѣми реформами, которыхъ, въ настоящее время, ожидаетъ наше общество. Національнизмъ, слѣдовательно, никакимъ образомъ не можетъ считаться врагомъ реформъ; его требованія заключаются въ томъ,

чтобы прогрессъ общественныхъ формъ былъ основанъ не на подражаніи западу, а на *саморазвитіи* нашихъ народно-бытовыхъ началъ. Всякая національная внутренняя политика основывается на вѣрѣ въ умственныя и нравственныя силы націи, т. е. народа. Тѣ, кто не вѣритъ въ эти силы,—какъ, напримѣръ, либералы и ретрограды, — не могутъ быть націоналистами и будутъ искать основъ для общественныхъ формъ не въ національномъ характерѣ и міросозерцаніи, а въ чемъ-нибудь другомъ.

Многіе изъ нашихъ прогрессистовъ, не разглядѣвъ въ принципѣ націонализма здравыхъ элементовъ, стали нападать на націонализмъ вообще только потому, что одной его стороной завладѣли ретрограды. По ихъ словамъ выходитъ, что національное, самобытное развитіе — это нѣчто грубое, мрачное, разъединяющее насъ съ Европой. Въ дѣйствительности, истинный націонализмъ не можетъ служить къ разъединенію народовъ, а слѣдовательно не разъединитъ и насъ съ Европою. Мы можемъ примкнуть къ европейской семьѣ, оставаясь вполнѣ самими собою. Вѣдь Европа не есть *однородное* цѣлое, а состоитъ изъ отдѣльныхъ народностей, идущихъ каждая своимъ путемъ. Для того, чтобы быть европейцами, намъ незачѣмъ подражать какому-либо изъ отдѣльныхъ народовъ, входящихъ въ составъ Европы. Если мы и будемъ отличаться отъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ больше, нежели они отличаются другъ отъ друга (а это можно предсказать на основаніи особенностей нашего національнаго характера и самобытной исторической судьбы), то это обстоятельство отнюдь не можетъ помѣшать намъ быть въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ ними.

Въ борьбѣ своей съ національнымъ наши либералы старались доказать его неразумность тѣмъ, что будтобы въ Европѣ нигдѣ не существовало національныхъ партій. Это не совсѣмъ вѣрно фактически, хотя необходимо признать, что нашъ національнымъ дѣйствительно имѣетъ другой характеръ, нежели большинство національныхъ партій на западѣ. Дѣло въ томъ, что тамъ національныя партіи образовались подъ вліяніемъ борьбы съ *внѣшнимъ* врагомъ, угрожавшимъ національному единству или достоинству. У насъ-же національная партія (насколько она проявляется въ разумныхъ и справедливыхъ мнѣніяхъ и желаніяхъ) возникла на почвѣ *внутренней* борьбы съ чрезмѣрнымъ и неразумнымъ поклоненіемъ всему иноземному; національнымъ у насъ, такимъ образомъ, явился какъ протестъ противъ нелѣпаго европейничанья. Въ Европѣ нѣтъ партій подражанія, а потому нѣтъ и партій самобытности,—тамъ всѣ партіи дѣйствуютъ въ духѣ національномъ.

Наша партія подражанія въ сущности есть также вполнѣ самобытное явленіе русской *интеллигентной жизни*, образовавшееся благодаря особенностямъ исторической судьбы нашего культурно-интеллигентнаго слоя. Этотъ слой, какъ извѣстно, насквозь пропитанъ былъ, чуть не до послѣдняго времени, иностранными элементами,—особенно это можно сказать про высшіе слои этого класса. Въ первоначальный періодъ московской жизни этотъ слой воспринялъ большое количество татарскаго элемента, а это не могло не обезнаціоналить его. Потомъ, со временъ Петра I, началось нашествіе нѣмцевъ, еще въ большемъ количествѣ засѣвшихъ въ нашемъ культурно-интеллигентномъ слоѣ, нежели татары. Они настолько понизили сознаніе національнаго достоинства въ нашей интеллигенціи, что русскій народъ и

русская исторія представлялись ей въ видѣ силъ, не имѣющихъ никакого собственнаго содержанія, а живущихъ чужимъ умомъ и подражаніемъ западнымъ образцамъ; отсюда презрѣніе ко всему русскому и восхищеніе всѣмъ иностраннымъ. Но мало-по-малу приливъ иностранныхъ элементовъ прекратился, а существующіе постепенно ассимилировались русскимъ народомъ, такъ что, наконецъ, нашъ культурно-интеллигентный слой началъ въ послѣднее время проникаться уваженіемъ къ русской личности и ея особенностямъ. Такимъ образомъ, исторія нашего культурнаго слоя совершенно не похожа на исторію его у другихъ народовъ, а потому и тѣ партіи, на которыя онъ дѣлится, мало чѣмъ похожи на партіи Западной Европы.

Узкіе западники любятъ толковать о вредномъ вліяніи нашего націонализма на прогрессъ. Но нетрудно доказать, что націонализмъ больше служитъ прогрессу нашего общественнаго строя, чѣмъ знамя подражанія. Это нагляднѣе всего можно видѣть изъ сравненія различныхъ теорій капитализма, опирающихся одна на націонализмъ, а другая на подражаніе. Первая изъ нихъ утверждаетъ, что, благодаря національнымъ особенностямъ характера, исторіи и положенія, мы *можемъ* избѣжать прелестей капитализма съ его нищетою массъ и враждою бѣдныхъ къ богатымъ. Это мнѣніе ведетъ къ тому, чтобы поддержать крестьянское землевладѣніе и усилить его до возможно большей степени; приэтомъ общинное землевладѣніе считается живой, развивающейся формой землевладѣнія, достойной всякой поддержки и сочувствія. Русскій общественный прогрессъ долженъ положить въ свое основаніе русское общинное владѣніе землею, такъ какъ эта форма, благодаря своей способности къ развитію, можетъ вывести насъ на пря-

мую дорогу общественнаго прогресса скорѣе и легче, нежели этого можно достигнуть кровавымъ путемъ капитализма.

Второе мнѣніе, отрицающее нашу самобытность, приходитъ къ тому заключенію, что мы *обязаны* пройти формы западно-европейскаго капитализма, такъ какъ типъ развитія всѣхъ народовъ одинъ и тотъ-же. Поэтому напрасно было-бы стараться поддержать крестьянское землевладѣніе: оно должно замѣниться крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ; общинное землевладѣніе такимъ образомъ должно замѣниться частнымъ. Всѣ попытки остановить подобный процессъ—напрасны и могутъ быть дѣлаемы только „самобытниками“, не признающими роковыхъ законовъ, руководящихъ жизнью народовъ. Еще недавно одна „либеральная“ газета преподавала русской публикѣ поученія въ этомъ духѣ. Сравните-же, за кѣмъ больше правды, больше основательности, больше желанія блага родинѣ,—за націоналистами или за подражателями, и заслуживаетъ-ли націонализмъ, въ его общемъ и правильномъ значеніи, тѣхъ укоровъ, которые раздаются противъ него такъ безразборчиво? Скорѣе можно признать, что теоріи нашихъ подражателей въ основаніи своемъ имѣютъ стремленіе расчистить дорогу капитализму изъ чисто-эгоистическихъ вожделѣній попользоваться тѣми благами, которыя онъ даетъ нѣкоторымъ. Быть можетъ этотъ эгоистическій мотивъ дѣйствуетъ въ теоретикахъ безсознательно, но во всякомъ случаѣ онъ необходимо участвуетъ въ поддержкѣ подобныхъ теорій.

Націонализмъ, проповѣдующій самобытное развитіе народовъ, поддерживаетъ у насъ программу дѣятельности лучшихъ людей русской земли, защищающихъ крестьянское общинное землевладѣніе и его дальнѣйшее раз-

витіе; знамя же подражателей прикрываетъ собою ползновенія капитализма овладѣть русской землей. Національнизмъ, слѣдовательно, есть прогрессивное явленіе нашей современной жизни; прогрессистамъ остается только очистить понятіе національнизма отъ заблужденій, внесенныхъ въ него усиліями ретроградовъ и славянофиловъ, но никакъ не отворачиваться отъ самаго принципа самобытности. Надо помнить пословицу: „тѣмъ море не погано, что изъ него псы лакали“.

ГЛАВА VIII.

Капитализмъ и мірское владѣніе.

Авторъ брошюры „Формы землевладѣнія у русскаго народа“ С. К—нъ говоритъ, что „интеллигентный нашъ классъ развивался доселѣ весьма своеобразнымъ путемъ, заимствуя всякаго рода познанія у западной Европы и *упуская при этомъ ближайшее изученіе своего отечества*. Поэтому намъ хорошо извѣстны исторія, географія, этнографія народовъ западныхъ государствъ, разработанныя тамъ до совершенства, но они едва тронуты у насъ, а слѣдовательно и данныя этихъ областей знанія, касающіяся Россіи, не вполнѣ знакомы; *незнаніе же ихъ ведетъ ни къ чему иному, какъ къ безсознательному игнорированію ихъ при обсужденіи какого-либо чисто русскаго дѣла*. Этимъ, конечно, объясняется и легкость, съ которою мы уже не первый десятокъ лѣтъ нашей сознательной жизни руководимся всецѣло только примѣрами западной Европы, пересаживаемъ, недолго думая, ея учрежденія на свою почву и мало творимъ изъ своего собственнаго“.

Каждый изъ насъ можетъ легко провѣрить всю справедливость этого упрека; мы не только Европу, но Аф-

рику и Америку знаемъ больше, нежели Россію. Кто изъ насъ не знаетъ хоть кое-чего о Готентотахъ и Бушменахъ, Команчахъ и Патагонцахъ? А многіе ли имѣютъ малѣйшее понятіе о Черемисахъ, Вогулахъ, Зырянахъ, Бурятахъ и тому подобныхъ гражданахъ Россійской земли? Мы только то и знаемъ, что это — „инородцы". Было-бы еще сносно, если-бы мы не знали только инородцевъ; но бѣда въ томъ, что мы не имѣемъ нималѣйшаго понятія и о русскихъ крестьянахъ. Въ послѣднее время, правда, стали распространяться свѣдѣнія о „деревнѣ", но они больше касаются бѣдственнаго экономическаго положенія крестьянъ. Матерьяльныя бѣды русскаго мужика обратили на себя вниманіе нашей интеллигенціи; она стала хлопотать о помощи этому изстрадавшемуся бѣдняку—что, разумѣется, дѣлаетъ честь ея сердцу,— но, не имѣя ни малѣйшаго понятія о міросозерцаніи и нравственномъ складѣ этого бѣдняка, она способна играть роль добродѣтельнаго филантропа, стремящагося дать *только* кусокъ хлѣба, мало заботясь о всемъ остальномъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможна-ли братская, дружеская помощь со стороны интеллигенціи, когда она въ громаднѣйшемъ большинствѣ своемъ смотритъ на крестьянина, какъ на какое-то безсознательное существо, которое руководится въ своей жизни не извѣстными чувствами и идеями, а только безсознательнымъ инстинктомъ.

Въ послѣднее время все чаще и чаще попадаются въ нашей литературѣ упреки, подобные приведенному выше, но они оказываютъ, какъ кажется, мало вліянія. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Наша интеллигенція, даже вполнѣ понимая свой недостатокъ, не можетъ отрѣшиться отъ него вдругъ уже и потому, что почти весь ея умственный капиталъ пока состоитъ изъ идей,

выросшихъ въ головахъ не русскихъ людей, а если и русскихъ, то сдѣлавшихъ свои обобщенія не изъ фактовъ русской жизни, а изъ данныхъ, почерпнутыхъ въ жизни иностранной.

Мы, съ вполнѣ понятной жадностью, черпаемъ изъ богатыхъ литературъ западныхъ народовъ; пищею для нашего ума служатъ идеи француза, англичанина и нѣмца,—отсюда достоинства нашей мысли: отсутствіе односторонности, общечеловѣчность и извѣстная широта ея. Но отсюда же недостатки ея въ тѣхъ случаяхъ, когда мы стараемся примѣнить въ Россіи тѣ начала, которыя добыты или западно-европейскими умами, или же основаны на фактахъ западно-европейской жизни Намъ необходимо не забывать той истины, которую мы узнали изъ той же европейской литературы: человѣчество устроено не по одному шаблону, а потому историческія судьбы разныхъ народовъ могутъ быть различны. Намъ нечего спѣшить прилагать къ русской жизни тѣ законы соціологіи, которые выработаны на основаніи фактовъ жизни западныхъ народовъ. Лучшимъ примѣромъ тяжелаго давленія европейской мысли на русскаго человѣка можетъ служить появленіе у насъ, такъ называемыхъ, *марксистовъ*. Они стали твердить о необходимости для Россіи пройти ступень капиталистическаго производства, такъ какъ де это повелѣваетъ историческій законъ развитія экономической жизни всякаго народа. Свои мнѣнія они основывали не на изученіи фактовъ русской жизни, а на положеніяхъ историко-экономической теоріи К. Маркса.

Эта теорія Маркса состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ «капиталистическое производство» необходимымъ моментомъ въ жизни народовъ. Оно не только необходимо, но и благодѣтельно; а благодѣтельно оно потому,

что «обобществляетъ» или, иначе сказать, «соціализируетъ» трудъ. Это обобществленіе труда состоитъ въ томъ, что прежніе средневѣковые ремесленники, работавшіе каждый отдѣльно у себя дома, землевладѣльцы, обработывавшіе свои кусочки земли, были силою капитала собраны на фабрикахъ и крупныхъ сельско-хозяйственныхъ фермахъ. Прежде, чѣмъ подпасть подъ власть капитала, работникъ долженъ былъ быть «освобожденъ». Освободился онъ въ «двоякомъ смыслѣ, т. е. ни онъ самъ не принадлежитъ непосредственно къ условіямъ производства, какъ рабы, крѣпостные и т. п., ни условія производства не принадлежатъ ему, какъ это бываетъ у крестьянъ, имѣющихъ собственное хозяйство и т. п.,—другими словами—онъ свободенъ отъ нихъ». Освобожденіе работника отъ средствъ производства не могло обойтись безъ насилія, но «сила всегда служитъ повивальной бабкой старому обществу», которое бываетъ беременно новымъ. Сама сила есть экономическій дѣятель. Нѣсколько вѣковъ тянулась эта тяжелая, ожесточенная борьба между феодально-ремесленнымъ и капиталистическимъ производствомъ, но побѣда капитала была естественнымъ результатомъ борьбы;—это потому, что феодально-ремесленный способъ производства «предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ орудій производства»; онъ исключаетъ кооперацію, раздѣленіе труда, общественное господство надъ природой, «однимъ словомъ, исключаетъ развитіе общественной производительной силы. Онъ возможенъ только при узкихъ, первобытныхъ условіяхъ производства и общества. На извѣстной степени развитія онъ самъ доставляетъ матерьяльныя средства для своего уничтоженія». Хотя вмѣстѣ съ господствомъ капитализма въ жизни народовъ «возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплу-

атація, но рядомъ возрастаетъ также и объединеніе рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединятся и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства». Наконецъ, наступаетъ время, когда «сосредоточеніе средствъ производста и обобществленіе труда достигаютъ такой степени, что они не могутъ далѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается: бьетъ часъ капиталистической частной собственности, — экспропріирующіе экспропріируются». Этотъ процессъ, по словамъ Маркса, «совершается дѣйствіемъ имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, именно посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ» «Капиталистическій способъ производства и присвоенія, а слѣдовательно и капиталистическая собственность, есть отрицаніе индивидуальной частной собственности, основывающейся на собственномъ трудѣ. Отрицаніе каталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса.. Это— отрицаніе отрицанія. *Оно снова возстановляетъ индивидуальную собственность, но на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, т. е. на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства*, произведенными самими работниками». «Превращеніе разрозненной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ индивидовъ, въ капиталистическую есть, разумѣется, процессъ болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на *общественной эксплуатаціи* средствъ производства,—въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи

народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народомъ». По мнѣнію Маркса, среднее сословіе—мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, *ремесленники*, *крестьяне*,—всѣ они борятся съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія... *всѣ они реакціонны*, такъ какъ стараются поворотить назадъ колесо исторіи [1]).

Теорія Маркса создана на фактахъ европейской жизни и имѣетъ извѣстное raison d'être. Единственный доводъ въ пользу благодѣтельности капиталистическаго производства—способность его соціализировать (обобществлять) трудъ. Марксъ указываетъ на то, что средневѣковые западно-европейскіе работники были разрознены, изолированы другъ отъ друга; между ними шла жестокая борьба изъ-за куска хлѣба, отъ которой ихъ не спасали цѣхи. Капиталъ согналъ этихъ разрозненныхъ людей сначала въ мануфактуры, потомъ на фабрики; своими притѣсненіями заставилъ ихъ позабыть неудовольствія другъ на друга, развилъ въ нихъ солидарность, пріучилъ къ общей работѣ—вообще подготовилъ этихъ людей къ новому строю жизни, въ которой имъ придется сообща владѣть орудіями производства.

Исходнымъ историческимъ пунктомъ, съ котораго началъ Марксъ, былъ феодально-ремесленный общественный строй. Онъ доказываетъ, что этотъ строй, по законамъ своей внутренней жизни, стремится перейти въ капиталистическій. Всякое общество, основанное на полномъ индивидуализмѣ и находящееся въ періодѣ ремесленной коопераціи труда, закончитъ капитализмомъ—вотъ что говоритъ теорія Маркса.

---

[1]) Капиталъ. К. Маркса. Т. 1-й, стр. 614, 649, 650 и 651.

Находится-ли Россія въ періодѣ феодально-ремесленной кооперації труда или въ какой нибудь еще болѣе близкой къ капиталистическому производству переходной формѣ? Нуждается-ли русскій рабочій людъ въ той соціализаціи, которую за собою ведетъ капиталистическое производство? Не достигъ-ли онъ этой соціализаціи другимъ, своеобразнымъ путемъ? Вотъ вопросы, которые мы обязаны разрѣшить, обсуждая приложимость теоріи Маркса къ Россіи.

Мы утверждаемъ, что *типъ* общественной кооперації труда въ Россіи—другой, нежели былъ на западѣ при зарожденія капиталистическаго производства. У насъ есть то, что называется «мірскимъ владѣніемъ»; въ «мірскомъ владѣніи» находится главное орудіе производства въ Россіи земля. Русскій народъ не нуждался въ капиталистическомъ кнутѣ для развитія въ себѣ способности сообща владѣть орудіемъ производства. «Вообще, говоритъ Ю. Самаринъ, можно довѣрять чувству правды въ мірахъ и стремленію ихъ къ уравненію тягостей со средствами» [1]). Наша исторія дала намъ для развитія соціальныхъ чувствъ болѣе цѣлесообразное и вмѣстѣ съ тѣмъ только полезное, а не гибельное для многихъ поколѣній, средство—общину, артель. «Не можетъ быть болѣе сомнѣнія,— говоритъ г. Соколовскій,— что въ средѣ нашего крестьянства существовала съ первыхъ дней его жизни и *существуетъ теперь* совершенная система соціально-экономическихъ отношеній, *принципіально отличная* отъ господствующей у насъ (т. е. въ высшемъ сословіи) и на западѣ» [2]).

[1]) «Сельское Благоустройство» 1858 г. № 1. Статья Ю. Самарина, стр. 33.

[2]) Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. П. А. Соколовскаго Стр. 181.

По мнѣнію С. К—га «общинные порядки жизни общинныя понятія, выработанныя до крайней тонкости, *составляютъ главнѣйшую массу умственныхъ представленій* нашего крестьянства, или говоря иначе: общинными тенденціями проникнуто насквозь его мышленіе, изъ общинныхъ принциповъ составляется кодексъ его нравственности; общинные инстинкты всасываются у него съ молокомъ матери, а вслѣдствіе этого, куда ни занеси его судьба, онъ проявитъ вездѣ общинныя наклонности». По мнѣнію того же автора, ломка общинныхъ порядковъ, это—«ломка міросозерцанія русскаго крестьянина, его нравственныхъ понятій, наклонностей, инстинктовъ, однимъ словомъ—склада души его» [1]). Можно-ли вѣрить, что капиталистическое производство само-собою, естественнымъ путемъ появится среди народа съ подобными нравами и привычками?

По мнѣнію Маркса, капиталистическое производство было вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ феодально-ремесленнаго періода—насиліе только ускорило переходъ изъ одного состояніе въ другое. У насъ-же если и мыслимо царство капитала, такъ только съ помощью насилія; у него нѣтъ корней въ самой жизни народа.

Тутъ можетъ явиться вопросъ: не имѣетъ-ли капиталистическое производство почвы въ Малороссіи, странѣ, прослывшей у насъ своимъ индивидуализмомъ и участковымъ владѣніемъ землей? По нашему мнѣнію, міросозерцаніе малоросса относительно экономическихъ отношеній, долженствующихъ быть между людьми, мало чѣмъ отличается отъ міросозерцанія великоросса. „По общераспространенному крестьянскому воззрѣнію, землею долженъ пользоваться лишь тотъ, кто вкладываетъ въ нее

[1]) „Формы землевладѣнія у русскаго народа“ С. К—нъ. Стр; 37, 68, и 41.

свой трудъ. Это справедливо, какъ относительно той части крестьянства, которая пользуется своей землей на правахъ общиннаго владѣнія, такъ и той, которая пользуется ею на правахъ частной собственности". Слѣдствіемъ такого взгляда на поземельную собственность было то, что „убѣжденіе въ необходимости или, точнѣе сказать, въ неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земель господствуетъ повсемѣстно, одинаково въ общинной Великороссіи, какъ и въ участковой Малороссіи. Оно коренится въ той особенности крестьянскихъ воззрѣній на собственность, по которому земля есть мірская да Божья; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть лишь право пользованія землей, которое дается трудомъ, въ нее вкладываемымъ. Община-ли является въ данную минуту владѣльцемъ земли, или отдѣльное лицо—все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ, который вкладывается въ землю, и разъ эта связь порвана, порвано и право" [1]). Если принять во вниманіе, что «существо мірскаго общиннаго быта—какъ говоритъ князь Васильчиковъ—заключается въ ровномъ правѣ на землю всѣхъ членовъ общества пропорціонально ихъ рабочимъ силамъ» [2]), то, слѣдовательно, *сущность* мірскаго великороссійскаго владѣнія господствуетъ и въ участковой Малороссіи. Различіе—только въ формѣ, а не въ сути вещей. Владѣя землею даже по участковой системѣ, малороссы необходимо будутъ приходить къ мысли регулировать свое владѣніе посредствомъ періодическихъ передѣловъ, такъ какъ участковое поземельное владѣніе будетъ постоянно

[1]) „Слово" 1878 г. № 1. Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ. А. Ефименко. Стр. 149 и 151.

[2]) Землевладѣніе и земледѣліе. Князя Васильчикова Т. II, стр. 732.

вести къ накопленію земли у однихъ и къ обезземеленію другихъ, и такимъ образомъ нарушать коренныя основы ихъ воззрѣнія на соціальный строй. Эти передѣлы мало по-малу станутъ обычнымъ дѣломъ, и Малороссія будетъ жить на основаніи такого-же мірского владѣнія землей, какъ и Великороссія. А такъ какъ «земля—основа вашихъ соціальныхъ отношеній», то въ руки капитала не попадетъ именно «основа» соціальнаго строя, и онъ, слѣдовательно, не сможетъ заполонить русскую землю, если будетъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Что-же касается сказаннаго нами о Малороссіи, то все это подтверждается новѣйшими событіями. Такъ, напримѣръ, за послѣднее время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи проявилось желаніе перейти къ общинному пользованію землей (см. «Новое Время» 1876 г. отъ 14-го декабря). То же самое, по словамъ князя Васильчикова, замѣчено «во многихъ селеніяхъ» Подольской и Волынской губерній.

По словамъ г-жи Ефименко, «крестьяне спокойно смотрятъ на настоящій порядокъ вещей, противорѣчащій ихъ основнымъ воззрѣніямъ, тѣмъ болѣе спокойно, что они вполнѣ убѣждены, что ихъ summum jus на землю находится въ надежныхъ рукахъ верховной власти, которая ждетъ лишь удобнаго момента для осуществленія ихъ права» [1]).

У насъ очень часто повторяется мысль, что общинное владѣніе держится только традиціей и безсознательной привычкой къ ней крестьянъ. Это мнѣніе, ни на чемъ не основанное, есть отраженіе того дворянскаго презрѣнія къ народу, которое господствовало и въ литературѣ. Всѣ изслѣдователи народнаго быта утверждаютъ противное; такъ, напримѣръ, г. Кавелинъ гово-

[1]) „Слово“ 1878 г. № 1. Статья Ефименко. Стр. 150.

рить про крестьянъ, что «кто съ ними хоть разъ толковалъ о правѣ личной поземельной собственности и общинномъ землевладѣніи, тотъ знаетъ, что они ихъ различаютъ очень отчетливо и сознательно» [1]). Ал. Л—шъ говоритъ про олонецкаго крестьянина, что тотъ знаетъ цѣну общинѣ; онъ понимаетъ всѣ тѣ выгоды, которыя вносятся въ его трудовую жизнь этою благодарною «формою общенія» [2]). П. Соколовскій утверждаетъ, что сознательное отношеніе крестьянъ къ общинному владѣнію доказывается многими фактами [3]). На доводы противъ общины крестьянинъ Вологодской губ. Никольскаго уѣзда отвѣчалъ сравненіемъ общиннаго владѣнія съ крестьянской рукавицей, а частнаго—съ дворянской перчаткой: „Въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ, а въ морозъ они зябнутъ, въ крестьянской рукавицѣ всѣ они вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ“ [4]).

Существуетъ также мнѣніе, будто наша община, это—что-то застывшее, не имѣющее никакого стремленія къ развитію. Мы не можемъ согласиться съ этимъ. Исторія общины ведется съ верви, т. е. семейной общины (задруги), которая переходитъ въ общину территоріальную,—на первый разъ въ общину-волость (у насъ еще и въ наши дни существуетъ. община-волость, это—Земля Уральскихъ казаковъ; Земля Донскихъ казаковъ недавно измѣнила свое общинно-волостное устройство въ общину съ передѣлами), а потомъ въ нынѣ суще-

[1]) „Недѣля“ 1876 г. № 6 и 7. Статья Кавелина.

[2]) „Отеч. Зап.“ 1874 г. № 2. Статья Ал. Л—шъ, Стр. 123.

[3]) „Очеркъ ист. сельск. общ. на сѣверѣ Россіи. П. Соколовскій. Стр. 102.

[4]) „Древ. и Нов. Россія“ 1876 г. №10. Статья Гр. Потанина.

ствующую общину съ періодическими передѣлами [1]). Что переходъ отъ верви къ территоріальной общинѣ-волости былъ шагомъ впередъ, думаю, объ этомъ говорить нечего; что же касается разложенія общины-волости на деревенскія общины, то г. Соколовскій говоритъ, что «принципъ равенства проводится съ гораздо большею строгостью по мѣрѣ перехода отъ общинно-волостной системы къ передѣльной», т. е. нынѣшней деревенской общинѣ [2]).

Остановится-ли на этомъ прогрессивное развитіе общины или, наоборотъ, принципъ справедливости болѣе и болѣе будетъ воплощаться въ общинныхъ отношеніяхъ? Факты даютъ намъ право надѣяться на дальнѣйшее развитіе общины. На сѣверѣ Россіи въ 1863 году происходило надѣленіе крестьянъ землею. Эти послѣдніе „приготовлялись устроить свое хозяйство на самую широкую ногу. Такъ, напримѣръ, въ огромной Великоникольской волости болѣе *ста* деревень согласились имѣть общую землю. Въ однѣхъ частяхъ этой волости преобладали луга, въ другихъ лѣса, и они рѣшили между собою, что луговыя селенія допустятъ лѣсныя къ своимъ лугамъ, а лѣсныя взамѣнъ того допустятъ луговыя къ своимъ лѣсамъ, и такимъ образомъ каждый крестьянинъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ всѣ угодья, которыя ему нужны. *Только русскій крестьянинъ способенъ дѣлать такія вещи: въ цѣломъ свѣтѣ вы не найдете ничего подобнаго* такимъ широкимъ начинаніямъ по отношенію къ землѣ. Это въ высшей степени достойно было поощренія, но, къ несчастію, вмѣсто поощренія встрѣтило

[1]) „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1874 г. іюль. Задружно-общинный характеръ древней Россіи. Ѳ. Леонтовичъ. Стр. 139.

[2]) „Очеркъ ист. сельск. общ.“ П. Соколовскаго. Стр. 167.

противодѣйствіе. И тутъ крестьяне не сошлись во взглядахъ съ исполнителями (чиновниками, распоряжавшимися падѣломъ землею). Эти толковали о злѣ черезполосности и, ради уничтоженія этого, будто-бы сущаго зла, толковали о раздѣленіи земель между обществами разъ навсегда“ [1]).

Въ разныхъ концахъ Россіи, рядомъ съ раздѣломъ общинныхъ земель во временное частное пользованіе, появляется и общая обработка земли съ раздѣломъ добытаго продукта. Въ большинствѣ случаевъ это касается сѣнокосовъ: крестьяне сообща скашиваютъ сѣно и потомъ дѣлятъ его. Но въ наше время стала появляться и общая обработка полей съ раздѣломъ хлѣба, а также и исполненіе такихъ грандіозныхъ предпріятій, какъ осушеніе болотъ и превращеніе ихъ въ луга. Разумѣется, что это—рѣдкіе и исключительные случаи, которые только могутъ послужить вѣхами для указанія того пути, по которому идетъ развитіе нашей общины. Насколько нашъ народъ способенъ приноровлять къ своей артельно-общинной жизни улучшенныя орудія производства, это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго факта: «Крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ., въ особенности Скопинскаго, сами дѣлаютъ молотилки. Они возятъ ихъ съ собою вмѣстѣ съ разбирающимся приводомъ. При молотилкахъ этихъ путешествуетъ цѣлый комплектъ рабочихъ, которые при заподрядѣ производятъ молотьбу. *Такія молотилки принадлежатъ большею частью не одному, а цѣлой артели крестьянъ*, которая обыкновенно и путешествуетъ съ ними Артели такихъ молотильщиковъ уже нѣсколько лѣтъ и прежде обходили всѣ хозяйства большей части уѣздовъ губ. Там-

[1]) „Отеч. Записки“ 1879 г. № 6.

бовской, проходили отсюда въ губ. Воронежскую и область Войска Донского. Въ нынѣшнемъ году число такихъ молотильщиковъ особенно велико; цѣны, по которымъ они молотятъ, не велики: обыкновенно 10 к. съ копны Работы для нихъ находится очень достаточно» [1]). Основываясь на подобнаго рода фактахъ, мы считаемъ себя вправѣ надѣяться, что по мѣрѣ необходимости введенія такихъ машинъ и орудій, которыя не подъ силу отдѣльнымъ хозяевамъ, они найдутъ себѣ мѣсто въ нашей жизни подъ покровительствомъ артельно-общинныхъ формъ ея. Если нашъ крестьянинъ, видя необходимость держать быка для своихъ коровъ и не будучи въ силахъ завести его для себя отдѣльно, входитъ въ соглашеніе съ членами своей поземельной общины и заводитъ быка на общій счетъ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобъ онъ не завелъ, даже въ настоящее время, напримѣръ, жатвенную машину на такихъ же основаніяхъ, если-бы это показалось ему выгоднымъ.

Въ газетѣ „Земство“ (1881 г.) сообщали о слѣдующемъ фактѣ: крестьяне всей кузьмичевской волости при энергическомъ содѣйствіи г. Кроэра, купили имѣніе въ 16,000 р. съ уплатою въ разсрочку. Въ имѣніи находится винокуренный заводъ и 3 мукомольныя мельницы. Крестьянское волостное общество выбрало г. Кроэра распорядителемъ купленнаго имѣнія и всѣхъ работъ, какія будутъ производиться имъ, по его собственному усмотрѣнію. По плану этого распорядителя, ни пахатныя, ни сѣноносныя, ни лѣсныя угодья не должны дѣлиться на отдѣльные участки, соотвѣтственно количеству ревизскихъ душъ, а составлять нераздѣльную собственность всей волостной общины, причемъ всѣ необходимыя работы будутъ производиться сообща и единовременно всѣ-

[1]) „Правительственный Вѣстникъ“ 1874 г. № 199.

ми наличными работниками, точно такъ, какъ производились онѣ прежде по найму управляющаго имѣніемъ. Часть доходовъ будетъ откладываться для образованія фонда на устройство мѣстной больницы и школы. Крестьяне обязались слушаться своего распорядителя до тѣхъ поръ, „пока онъ имъ понравится“. Трудно предсказать, чѣмъ окончится прекрасное дѣло г. Кроэра и крестьянъ Кузьмичевской волости. Первое затрудненіе—самое совершеніе купчей крѣпости, которая пока еще не утверждена нотаріальнымъ порядкомъ. Дѣло въ томъ, что наши нотаріальные порядки не допускали до сихъ поръ покупки земли въ общинную собственность, а только въ общую, что составляетъ большую разницу. Кромѣ того, нѣкоторые изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ стараются разрушить все это грандіозное предпріятіе.

Сколько шуму подняло-бы подобное предпріятіе въ Западной Европѣ, и какъ тихо и спокойно возникаютъ они у насъ! Наша интеллигенція такъ привыкла къ артельному духу, проявляемому нашимъ крестьяниномъ, что сдѣлалась непомѣрно требовательной и готова упрекать этихъ-же крестьянъ въ отсутствіи артельности, сравнивая, разумѣется, нашу артельность съ ея идеаломъ, а не съ артельностью, проявляемою западно-европейскими обществами.

Намъ могутъ замѣтить, что мы до сихъ поръ говоримъ только о земледѣльцахъ и не упоминаемъ о промышленномъ населеніи, и что, какъ ни незначительно количество этого послѣдняго сравнительно съ первымъ, но оно должно все больше и больше увеличиваться съ развитіемъ экономической жизни. Такъ какъ наше промышленное населеніе выходитъ изъ тѣхъ же деревень, которыя, благодаря своему общинному устройству, способствовали, сравнительно, сильному развитію соціаль-

ныхъ чувствъ русскаго народа, то и это населеніе тоже не нуждается въ просвѣтительномъ вліяніи капиталистическаго кнута. Оно уже издавна составляло артели во всякаго рода промышленныхъ предпріятіяхъ. Г-нъ Соколовскій говоритъ, что русскій крестьянинъ и „во всѣ другія сферы экономической дѣятельности» внесъ тотъ же „коллективизмъ", которымъ проникнуто его землевладѣніе, и что „общинное начало проникло во всѣ отрасли экономической дѣятельности сѣверно-русскаго населенія. Для какой бы экономической цѣли ни соединялось нѣсколько человѣкъ, они устроивали свои отношенія на основаніи одного и того же принципа—равенства всѣхъ участвующихъ въ предпріятіи" [1]). С. К—нъ говоритъ о „легкости, съ которою, составляются у насъ многочисленнѣйшія промышленныя и рабочія артели, работающія въ лѣсахъ и дворцахъ", и о „стройности ихъ внутренней жизни, не заявляющей себя ни ссорами между собою, ни безпорядками внѣ" [2]). Мы знаемъ чуть не наперечетъ всѣ ассоціаціи запада и не имѣемъ понятія ни о числѣ, ни о внутреннихъ распорядкахъ нашихъ артелей. [3]).

Намъ кажется не лишнимъ коснуться той разницы, которая существуетъ между нашей современной общиной и тѣми общинами, которыя существовали и суще-

---

[1]) „Очеркъ ист. сельск. общ." П. Соколовскій. Стр. 118, 119 и 167.

[2]) Формы землевладѣнія у русскаго народа. С. К—нъ. Стр. 38.

[3]) Только въ 1881 году вышелъ трудъ г. Исаева «Артели въ Россіи», въ которомъ собраны свѣдѣнія о нашихъ артеляхъ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Къ сожалѣнію, оказалось, что въ литературѣ извѣстны чуть не исключительно только оффиціально-утвержденныя артели; свѣдѣнія же о бытовыхъ артеляхъ—отрывочны и недостаточны, не говоря уже о полномъ отсутствіи статистическихъ данныхъ.

ствуютъ на западѣ Европы. Вотъ что говоритъ объ этой разницѣ князь Васильчиковъ, который русское общинное владѣніе въ отличіе отъ западно-европейскаго называетъ „мірскимъ владѣніемъ“: „Въ западной Европѣ мірского землевладѣнія никогда не существовало. То учрежденіе, которое у германцевъ и франковъ называлось Gemeinde, Commune, построено было на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ русскій міръ; мнѣніе, очень распространенное въ иностранной наукѣ и принятое на вѣру и русскими писателями, будто-бы наша община есть просто историческій обломокъ общественныхъ союзовъ, существовавшихъ на западѣ, будто-бы эти союзы были во всѣхъ странахъ общей формой зарождающейся гражданственности,—мнѣніе это, говоримъ, не выдерживаетъ исторической критики“. Въ Европѣ „общинами назывались группы отдѣльныхъ дворовъ, отдѣльныхъ частныхъ владѣльцевъ, соединенныхъ общимъ пользованіемъ деревенской улицы, базарной площади, выгона и мѣста для пастьбы скота; общія земли составляли только придачу, и самую незначительную и малоцѣнную, къ кореннымъ угодьямъ, которыя всѣ состояли въ участковомъ владѣніи. *Равноправности и соразмѣрности не было никакой между крестьянами-односельцами;* при надѣлѣ не принимались въ разсчетъ ни нужды домохозяина, т. е. число душъ, которыя онъ долженъ прокормить, ни его рабочія силы, т. е., число работниковъ, состоящихъ въ его семьѣ. Первоначальный отводъ земель и послѣдующая ихъ разверстка производилась по степени зажиточности домохозяина», т. е. чѣмъ зажиточнѣе онъ былъ, тѣмъ больше получалъ надѣлъ. По мнѣнію князя Васильчикова, „община германская съ самаго начала ея историческаго существованія была не равноправный союзъ зем-

ледѣльцевъ, но, напротивъ, классное учрежденіе“ [1]). Это подтверждается и мнѣніемъ Лавеле, который говоритъ, что „уже во времена Тацита въ нѣдрахъ клана не было безусловнаго равенства; нѣкоторыя семьи обладали бо́льшимъ могуществомъ, богатствомъ, бо́льшимъ числомъ рабовъ и даже получали бо́льшую долю при раздѣлѣ. *Только эти семьи и могли создать обособленное земельное владѣніе трудомъ своихъ слугъ*“ [2]). Такимъ же классным учрежденіемъ являются по Лавеле и швейцарскія альме́нды [3]). „У германцевъ, пишетъ Цезарь, никто не имѣетъ ограниченныхъ полей, или земли, которая принадлежала бы ему въ собственность; но ежегодно должностныя лица и старѣйшины указываютъ въ мѣстѣ, избранномъ ими, и *въ той мѣрѣ, какъ имъ заблагоразсудится*, земли семействамъ (родамъ?) и группамъ того же родства: на слѣдующій годъ они принуждаютъ ихъ переселяться въ другое мѣсто“. Изъ этого описанія никакъ нельзя заключить, чтобы у германцевъ во время Цезаря былъ употребляемъ равный передѣлъ земель, а скорѣе—наоборотъ. Но Віоле говоритъ, что „германцы уже имѣли principes, могущественныхъ людей, въ эпоху, когда Цезарь съ удивленіемъ констатировалъ у нихъ равный раздѣлъ земли“ [4]). То обстоятельство, что у германцевъ были уже principes, даетъ намъ право понять слова Цезаря въ томъ смыслѣ, что

---

[1]) Землевладѣніе и земледѣліе, Князя А. Васильчикова. Т. II, стр. 702, 704, 705.

[2]) Первобытная собственность. Эмиль-де-Лавеле. Стр. 104 и 105.

[3]) Тамъ-же. Стр. 267, 270, 272.

[4]) Статья П. Віоле. О коллективномъ характерѣ первоначальной недвижимой собственности. Юридическій Вѣстникъ 1882 г. № 5. Стр. 11 и 25.

передѣлъ совершался не на принципахъ равенства, на что онъ самъ намекаетъ словами, что надѣлъ семействамъ совершался въ той мѣрѣ, какъ заблагоразсудится старѣйшинамъ. Это подтверждается и тѣмъ, что во времена Тацита „всякое племя въ совокупности занимаетъ по очереди участокъ, какой оно можетъ подвергнуть обработкѣ и *распредѣляетъ его пропорціонально рангу и почестямъ*“ [1]). На основаніи трудовъ датскаго ученаго Олуфзена г. Н. З. заключилъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ странахъ земля съ самаго начала была воздѣлываема отдѣльными дворами и никогда не существовало деревень съ общеніемъ полей“ [2]).

Подворныя сельбища безъ общихъ полей, по словамъ извѣстнаго Маурера, *такъ же древни въ Германіи, какъ и селенія съ общими полями*. Причиною такихъ подворныхъ сельбищъ, по его мнѣнію, могло быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ различіе національностей, но вообще это зависѣло отъ характера самой мѣстности. Славянскіе изслѣдователи обязаны провѣрить этотъ выводъ, такъ какъ съ большою вѣроятностью можно предположить, что національный характеръ игралъ бо́льшую роль, чѣмъ это предполагалъ Мауреръ. Отдѣливъ славянскія племена отъ германскихъ, мы легко можемъ придти къ выводамъ, къ которымъ пришли уже многіе авторы: въ германской маркѣ пахатное поле состоитъ въ частной собственности, и только пастбища, лѣса и неудобныя земли въ общинномъ владѣніи; въ славянской же—всѣ земли періодически передѣляются или остаются въ общемъ пользованіи. Мауреръ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ кочевыя племена прочно осѣ-

[1]) Тамъ-же. Стр. 11.

[2]) „Отеч. Записки“ 1880 г. № 12. Статья Н. З.

ли, одни изъ нихъ продолжали передѣлять полевые участки ежегодно или по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, и этотъ обычай кое-гдѣ сохранился до нашего времени; другія же, и притомъ, повидимому, большинство племенъ, тотчасъ по завладѣніи страною, передали подѣленные участки въ наслѣдственное владѣніе, не упраздняя, однако-же, вполнѣ первоначальныхъ общинныхъ отношеній. Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ разобрать, какія именно племена какъ поступили, ибо объясненіе Маурера о вліяніи характера мѣстности на общинное владѣніе падаетъ даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на карту Россіи. Мауреръ утверждаетъ, что равнина вліяла на общинное владѣніе благопріятно, а лѣса и болота—неблагопріятно; изучивъ русское общинное владѣніе, можно утверждать какъ-разъ обратное: южныя степи вліяли на малороссовъ въ качествѣ элемента, неблагопріятнаго общинѣ; сѣверные лѣса и болота развили ее до высокаго уровня деревенской великорусской общины. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что Мауреръ не указалъ, какимъ путемъ можно связать характеръ мѣстности съ характеромъ общины,—онъ просто утверждаетъ это, не подтверждая своего положенія ни фактами, ни какими-либо логическими соображеніями. Когда-то подобныя утвержденія легко принимались публикою просто на вѣру; былъ періодъ когда всѣмъ казалось яснымъ, что человѣческій организмъ есть какой-то пустой сосудъ, въ который вливаютъ свое содержаніе почва, климатъ, характеръ мѣстности, береговая линія и т. п. вещи; но теперь, когда мы точно знаемъ, какую устойчивую величину представляетъ часть мірозданія, носящая названіе человѣчества, съ его безчисленнымъ племеннымъ разнообразіемъ, гораздо легче приписать разницу въ общественныхъ

связяхъ самому человѣку, чѣмъ окружающей его мѣстности, не отрицая, разумѣется, извѣстнаго вліянія и этого послѣдняго фактора

Мауреръ ставитъ гибель германской общины въ зависимость отъ развитія помѣстнаго владѣнія, которое расширялось не путемъ естественнаго экономическаго развитія, а путемъ давленія благопріятныхъ для него политическихъ формъ. Завоеваніе и насильственное распредѣленіе земель положило начало разложенію общиннаго владѣнія; дальше оно было постепенно подкапываемо развитіемъ феодализма и крѣпостничества. Народъ, повсемѣстно, путемъ давленія политическихъ формъ, былъ лишенъ земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, погибла и община. При лучшихъ политическихъ условіяхъ, община успѣла удержаться, хотя, прибавимъ мы, она во многомъ не похожа на нашу. Типъ швейцарскихъ альмендъ и нѣмецкихъ общинъ не тотъ, который господствуетъ у насъ,—онъ несомнѣнно ниже нашего.

Главный недостатокъ труда Маурера состоитъ въ томъ, что онъ, по недостатку историческихъ данныхъ, разсматриваетъ географическій терминъ римлянъ и грековъ „Германія“ за страну, населенную германцами. Правда, онъ упоминаетъ иногда о славянскихъ племенахъ, но говоритъ о нихъ только мимоходомъ, причисляя къ германцамъ такія изъ нихъ, которыя славянскими изслѣдователями считаются за чисто славянскія. Отсюда, разумѣется, произошла полнѣйшая путаница славянскаго и германскаго типа общинъ, хотя онъ самъ признаетъ вліяніе національности на общинное устройство. Впрочемъ, различать славянскій и германскій типъ общины можно было бы только въ началѣ исторической жизни обоихъ народовъ. Потомъ, когда гер-

манцы и славяне стали селиться вмѣстѣ, большею частью подъ вліяніемъ завоеванія, имъ пришлось испытать взаимное вліяніе, и общинное землевладѣніе приняло еще болѣе разнообразныя формы. Теперь уже трудно сказать, что внесено славянами и что германцами въ тѣ общинные обычаи, которые мы встрѣчаемъ въ Германіи, ставшей нѣмецкой землей. Можно признать только то, что столкновеніе славянъ и германцевъ послужило не въ пользу, а во вредъ общинѣ [1]).

Изъ книги Маурера ясно видно, что паденіе германской общины произошло отчасти естесвеннымъ путемъ, такъ какъ въ основѣ ея лежало неравенство въ пользованіи землей, а отчасти благодаря насилію со стороны королей и вообще феодальныхъ владѣтелей. Такимъ образомъ, *первобытныя* формы общиннаго владѣнія были разрушены тамъ, за малымъ исключеніемъ, еще въ періодъ феодальнаго права, т. е. при господствѣ „кулачнаго права“. Капитализмъ, когда наступило его время, имѣлъ дѣло не съ общиной, а съ тою формою, которая ей наслѣдовала: индивидуальнымъ производствомъ. Если капитализмъ выросъ на почвѣ индивидуальнаго производства и успѣлъ побѣдить его, то можно-ли отсюда заключать, что онъ непремѣнно будетъ сильнѣе и общинной формы, господствующей у насъ, и которая никакъ не можетъ быть сравниваема съ своимъ эмбріономъ — первобытной общиной. Разумѣется, будь у насъ теперь періодъ кулачнаго права, то община могла бы быть разрушена просто путемъ насильственнаго обезземеленья народа. Но это уже не

[1]) Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Г. Л. Маурера. Стр. 10, 11, 86, 102, 117, 121, 123, 128, 129, 153, 201, 213, 215, 220, 230, 231, 237, 241, 247—258, 304—312, 356.

былъ бы процессъ экономическаго развитія, а фактъ совершенно другого рода. Кто же имѣетъ право утверждать, что капитализмъ съумѣетъ продѣлать то же самое, путемъ собственныхъ своихъ махинацій? Во всякомъ случаѣ *подобныя утвержденія не могутъ быть основаны на исторіи общины на Западѣ, такъ какъ исторія намъ доказываетъ, что не капитализмъ разрушилъ западно-европейскую общину.* А между тѣмъ по какому то странному недоразумѣнію наши марксисты въ доказательство непреложной побѣды капитализма надъ русской общиной указываютъ на исторію западно-европейской общины. Самъ Марксъ, судя по извѣстіямъ, напечатаннымъ въ иностранныхъ газетахъ, почелъ долгомъ указать, что побѣда капитализма надъ нашей общиной не есть законъ исторической необходимости: все зависитъ отъ тѣхъ условій, въ какія она будетъ поставлена въ настоящее время.

Отчего же произошла разница между славянской и германской общинами?

Намъ кажется, что это можно объяснить первоначальной исторіей этихъ племенъ. Исторія застаетъ германцевъ въ полукочевомъ, хищническомъ состояніи; на глазахъ ея они завоевываютъ громадныя области и осѣдаютъ въ нихъ на правахъ завоевателей. Что же касается славянъ, то, „по свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ, славяне стали раньше германцевъ заниматься земледѣліемъ“; „точно также, по свидѣтельству историковъ, жизнь славянъ никогда не отличалась воинственнымъ характеромъ“, т. е. они не были хищниками, рыскающими по свѣту за добычей. „Исторія застаетъ славянъ въ пору полнаго развитія колонизаціоннаго движенія. Общины семейныя и территоріальныя—верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жупы об-

разовались у славянъ еще въ доисторическую пору. Историческимъ народомъ они являются на вторичной общинной ступени и культуры. На глазахъ исторіи они не кочуютъ ради военной добычи, хищничества. Историческій типъ славянина—по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже усвоившаго спокойное мѣсто осѣдлости“ [1]). „Въ первыхъ столѣтіяхъ отъ Р. Х. наша Сарматія, говоритъ Забѣлинъ, даже въ ея южной степной Черноморской части не совсѣмъ походила на кочевую варварскую пустыню и если у нѣкорыхъ писателей обозначалась пустынею, такъ потому только, что они вовсе ея не знали. Относительное множество городовъ даетъ основаніе полагать, что населеніе, занимаясь больше всего земледѣліемъ, поддерживало и торговыя дѣла, привлекая въ устья своихъ рѣкъ старинныхъ промышленниковъ торговли: грековъ, армянъ и евреевъ, которыя тѣснились въ устроенныхъ ими городахъ и наживались подъ покровительствомъ здѣшнихъ варваровъ“ [2]). Еще до распаденія на многія отрасли, живя единымъ первобытнымъ племенемъ, славяне были народъ по преимуществу земледѣльческій. „Скотоводство у нихъ, по словамъ г. Пыпина, было распространено больше, чѣмъ у германцевъ“; но любимымъ и самымъ подручнымъ ихъ промысломъ было бортевое дупловое добываніе пчелъ, то есть добываніе воска и меда [3]). „Первоначальная культура славянства едва-ли въ чемъ уступала культурѣ древнихъ германцевъ; во многомъ она даже превосходила германскую, именно превосходила особымъ развитіемъ по

[1]) „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1874 г. Августъ. Статья Ѳ Леонтовича. Стр. 200 и 201.

[2]) Исторія русской жизни. Ив. Забѣлина Часть 1-я, стр. 281.

[3]) Тамъ-же; часть 2-я, стр. 15.

преимуществу земледѣльческаго быта со всѣми его потребностями и со всею обстановкою. Самый плугъ, по увѣренію Шлейхера, заимствованъ нѣмцами у славянъ. Во многихъ мѣстахъ средней и южной Германіи славяне въ свое время были учителями земледѣлія; тамъ и понынѣ глубокія и узкія борозды называются Вендскими“ [1]). „Нѣтъ надобности доказывать, говоритъ Забѣлинъ, что основы земледѣльческаго быта, на которыхъ главнымъ образомъ устроивался русскій бытъ, вообще не благопріятствуютъ развитію въ народѣ военной силы и военныхъ инстинктовъ. Земледѣльческій бытъ всегда отличается прирожденнымъ ему миролюбіемъ, и при встрѣчѣ съ воинствующими хищными племенами, всегда болѣе или менѣе оказывается слабымъ и обыкновенно порабощается“ [2]). Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы славяне были трусливы или мало любили свободу. „Славяне и Анты, говоритъ Прокопій, не повинуются единодержавной власти, а издревле держатъ управленіе народное и о своихъ пользахъ и нуждахъ разсуждаютъ и совѣщаются сообща, всенародно, общественно“. „Племена Славянъ и Антовъ, пишетъ Маврикій, любятъ свободу и не выносятъ ига рабства и повиновенія. *Они особенно храбры и мужественны въ своей странѣ* и способны ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ.... Плѣнники у Славянъ не такъ какъ у прочихъ народовъ, не навсегда остаются въ рабствѣ, но опредѣляется имъ извѣстное время, послѣ котораго, взнеся выкупъ, вольны или возвратиться въ отечество, или остаться у нихъ друзьями и свободными“. По словамъ Прокопія, Славяне и Анты совсѣмъ были незлоб-

---

[1]) Исторія русской жизни. Ив. Забѣлина. Часть 2-я, стр. 17.
[2]) Тамъ-же. Стр. 347.

ны и не лукавы [1]). Всѣ эти черты народнаго характера и жизни Славянъ и Антовъ доказываютъ, что мы должны отнести ихъ къ типу мирныхъ племенъ, о которыхъ у насъ была рѣчь въ предъидущей главѣ.

И такъ, Славяне раньше германцевъ вступили на путь мирнаго соціальнаго прогресса и ушли впередъ по этому пути, такъ что могутъ назваться старшими братьями германцевъ *въ области общежитія*. Первоначальная жизнь обоихъ племенъ была различна и выработала въ нихъ различныя умственныя и нравственныя качества—отсюда несходство въ дальнѣйшихъ судьбахъ этихъ племенъ. Историческіе законы, установленные на основаніи изученія жизни одного племени, не могутъ быть прилагаемы къ другому. Оттого-то „философско-историческая теорія“ Маркса не имѣетъ никакого значенія для Россіи. Стадіи экономическаго развитія Россіи *были* и *будутъ* другими, нежели на Западѣ. Разница въ исходныхъ пунктахъ поведетъ къ разницѣ во всемъ процессѣ развитія.

Отождествлять ту форму общины, которая была естественнымъ результатомъ перехода кочевниковъ къ осѣдлости, съ нынѣшней нашей общиной,—нѣтъ никакого основанія. Племя кочевниковъ, бродя по извѣстному пространству земли, считаетъ его своимъ; переходя къ осѣдлой земледѣльческой жизни, оно долгое время не можетъ отстать отъ прежняго взгляда на землю, какъ на собственность всего племени, а не отдѣльныхъ лицъ. Этотъ взглядъ — естественный результатъ ихъ прежняго быта, а не чувства справедливости, требующаго равнаго участія каждаго на „пиру природы“, — какъ это есть въ нашей общинѣ. Это доказы-

[1]) Исторія русской жизни. Ив. Забѣлина. Часть 1, стр 409 и 410.

вается и тѣмъ, что въ самые первые моменты ихъ осѣдлой жизни, земля дѣлится не поровну, а соотвѣтственно тому значенію, которое имѣютъ лица въ ихъ общинѣ. Такъ какъ у этихъ кочевниковъ право каждаго члена племени на общую собственность племени основывается не на стремленіи къ равенству, а такъ сказать *на легальныхъ основаніяхъ*, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нихъ передѣлы земли удерживались только при залежной обработкѣ ея, когда приходится перекочевывать съ одного участка земли на другой. Съ развитіемъ же трехпольнаго хозяйства, т. е. большей осѣдлости въ земледѣліи, частная собственность отдѣльныхъ лицъ быстро захватываетъ собственность племени. Всякій обработавшій кусокъ земли получаетъ на нее право собственности и о возвращеніи этого участка общинѣ нѣтъ и помину. Въ нашей общинѣ мы видимъ противоположные факты.

Наблюдая два общества различныхъ сложностей и замѣчая въ нихъ одинаковый принципъ поземельнаго владѣнія, многіе объявляютъ эти общества стоящими на одномъ уровнѣ развитія. Они не замѣчаютъ того что для удержанія общиннаго принципа поземельной собственности въ обществѣ вторичной, третичной и т. д. сложностей невозможно обойдтись съ тѣмъ развитіемъ соціальныхъ и нравственныхъ чувствъ, которое было достаточно для поддержанія общиннаго принципа въ обществѣ первичной сложности, а потому всѣ ихъ сравненія нашего существующаго мірского владѣнія землей со способами этого владѣнія въ первобытныя, дикія времена—пустая нелѣпость.

Мы имѣемъ полное парво надѣяться (предполагая, что наша экономическая жизнь будетъ развиваться безъ насилія извнѣ, а только по законамъ своей внутренней

природы), избѣгнуть прелестей капиталистическаго строя. Необходимо признать, что каждый изъ насъ обязанъ заботиться объ устраненіи вмѣшательства капиталическаго производства, такъ какъ оно чуждо естественному развитію экономической жизни народа: „внутри общины нѣтъ и, повидимому, не можетъ явиться причинъ къ саморазрушенію"; „отвѣчая болѣе, чѣмъ система индивидуализма, реальнымъ потребностямъ народа, общинная система, пользуется повсемѣстно самою крѣпкою привязанностью со стороны народа, которую, по выраженію одного лица, сообщавшаго свои наблюденія комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, можно искоренить только насильственными мѣрами" [1]). „Было-бы достойно сожалѣнія, говоритъ Лавеле, уничтожать вѣковое учрежденіе, глубоко и кореннымъ образомъ связанное со всею жизнью и исторіею русской націи. Притомъ, общинный порядокъ, въ усовершенствованномъ видѣ, можетъ еще сдѣлаться спасеніемъ и европейскихъ обществъ" [2]).

Кстати напомню здѣсь слова одного изъ талантливыхъ русскихъ публицистовъ, бывшаго однимъ изъ первыхъ основателей народничества. Вотъ его слова: „Въ будущемъ этимъ странамъ (то-есть Западу) предстоятъ еще болѣе продолжительныя, еще болѣе тяжелыя страданія. Отечество наше въ сторонѣ, благодаря кореннымъ экономическимъ началамъ, сохраненіе которыхъ необходимо для огражденія нашего національнаго благосостоянія отъ этихъ испытаній". Дальше онъ продолжаетъ: „То, что представляется утопіею въ одной странѣ, существуетъ въ другой какъ фактъ"; „*привычки, проведеніе которыхъ въ народную жизнь кажется дѣломъ неизмѣримой трудности англичанину и фран-*

[1]) Очеркъ ист. сельск. общ. П. Соколовскаго. Стр. 181.

[2]) Первобытная собственность. Эмиль де Лавеле. Стр. 37.

цузу, существуютъ у русскаго, какъ фактъ его народной жизни". „Порядокъ дѣлъ, къ которому столь труднымъ и долгимъ путемъ стремится теперь Западъ, еще существуетъ у насъ въ могущественномъ народномъ обычаѣ нашего сельскаго быта. Да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, *бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ*,—да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями,—на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ западной Европы" [1]).

Община—живая, развивающаяся форма экономической жизни русскаго народа. Такъ какъ она связываетъ группу людей общими, солидарными интересами, то имѣетъ не меньшую способность „обобществлять" трудъ, какъ и фабрика. Несомнѣнно, что ея вліяніе даже гораздо больше, и намъ поэтому было бы нецѣлесообразно выпускать изъ рукъ подобное энергическое средство развитія чувствъ солидарности, для того, чтобы замѣнить его капиталистическимъ производствомъ. Намъ могутъ возразить, что дѣло не въ томъ, лучше ли капитализмъ или община обобществляютъ трудъ, а что капитализмъ сильнѣе общины и овладѣетъ ея почвою насильно. Но тогда вопросъ переносится на другую почву. Если мы убѣждены, что община—развивающійся организмъ, обобществляющій трудъ, а слѣдовательно и подготовляющій новыя формы экономической жизни, то мы обязаны будемъ всѣми силами поддерживать ее въ борьбѣ съ надвигающимся на нее Разуваевымъ. Можно

[1]) „Современникъ" 1857 г. Апрѣль. Статья „О поземельной собственности".

предположить, что, несмотря на нашу поддержку, Разуваевъ „слопаетъ“ общину; въ такомъ случаѣ намъ остается хотя то утѣшеніе, что мы непричастны этому преступленію. Много хорошаго погибаетъ на свѣтѣ въ борьбѣ со зломъ! Фактъ побѣды не даетъ намъ права признавать побѣдителя за болѣе совершенный организмъ.

Но гдѣ же факты, указывающіе на несомнѣнную побѣду капитализма? Въ отвѣтъ на это, обыкновенно, указываютъ на примѣръ западной Европы. Мы уже говорили о странности ссылокъ на исторію Европы: тамъ по свидѣтельству исторіи, капитализму никогда не приходилось бороться съ общиной,—побѣдилъ общину не капитализмъ, а феодализмъ, т. е. кулачное право. Посмотримъ же, какая судьба постигла капитализмъ у насъ въ промышленности, служащей основой нашего богатства, а именно въ земледѣліи. Авторъ прекрасной статьи „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“ говоритъ слѣдующее: „Такъ какъ общинное начало препятствуетъ приложенію капитала къ земледѣльческому производству, то въ производствѣ онъ никакой роли и не играетъ, а выступаетъ на сцену, какъ капиталъ купеческій, только по окончаніи процесса производства, въ качествѣ разъединителя продукта отъ производителя“ [1]). Слѣдовательно, въ земледѣліи роль капитала съужена и говорить о немъ, какъ объ „обобществителѣ“ труда—немыслимо. У насъ, можно сказать, нѣтъ сельско-промышленныхъ хозяйствъ, которыя бы велись на капиталистическихъ началахъ; наши крупные землевладѣльцы просто торгуютъ землею. Отсюда ясно, что никакой борьбы между капиталистиче-

---

[1]) „Слово“, 1880 г. № . Статья Николая—онъ.

ской формой сельско-хозяйственнаго производства и общиной не существуетъ. У насъ вполнѣ господствуетъ одна форма земледѣльческаго производства—крестьянская. Усилія капитала направлены просто на обезземеленье народа, а не на побѣду надъ крестьянской формой производства путемъ конкурренціи болѣе производительной—капиталистической. Обезземеливая народъ, наши Разуваевы не вводятъ на этихъ земляхъ болѣе усовершенствованныхъ культуръ, а остаются при крестьянской же обработкѣ [1]). А при подобнаго рода условіяхъ дѣло общины отнюдь не можетъ считаться проиграннымъ. Все зависитъ, можно сказать, отъ того, какъ будутъ вести себя относительно общины правящіе классы. На ихъ совѣсти будетъ лежать ея гибель; они только будутъ виноваты, если такая дурная трава, какъ Разуваевы, заглушатъ общину. Для народа же община является несомнѣнно излюбленной общественной формой, съ которой онъ никакъ не хочетъ разстаться, а напротивъ, совершенствуетъ ее по мѣрѣ своего умственнаго и нравственнаго развитія.

Изъ фактовъ, приводимыхъ А. С. Ермоловымъ въ книгѣ „Организація полевого хозяйства“ [2]) можно заключить, что ходячее мнѣніе объ отсталости крестьянскаго хозяйства не имѣетъ подъ собою никакого фактическаго основанія и можетъ быть отнесено къ той же категоріи, какъ и то, что крестьяне бѣдны потому, что пьяницы. Если у насъ не видно усовершенствованныхъ системъ полеводства, какія мы видимъ на западѣ, такъ только потому, что онѣ пока будутъ только убыточны. Крестьянское хозяйство, можно сказать, имѣетъ тенден-

[1]) Судьбы капитализма въ Россіи. В. В.

[2]) Организація полеваго хозяйства. А. Ермолова. Стр. XI, XVII, 24, 26, 33, 36.

цію идти въ уровень съ требованіями минуты, но задерживается на своемъ пути малоземельемъ и обиліемъ платежей. Не недостатокъ знаній составляетъ главную причину той отсталости полеводства, которая проявляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а недостатокъ земли и сельско-хозяйственнаго инвентаря. Это доказывается тѣмъ, что богачи изъ тѣхъ же крестьянъ, т. е. люди, не обладающіе бо́льшими сельско-хозяйственными свѣдѣніями, чѣмъ вообще крестьяне, ведутъ въ тѣхъ же мѣстахъ болѣе раціональное хозяйство, нежели ихъ малоземельные и бѣдные сосѣди. Какое мы имѣемъ основаніе требовать отъ крестьянскаго хозяйства улучшеній, истощая вмѣстѣ съ тѣмъ это хозяйство налогами и платежами? На основаніи „Трудовъ податной комиссіи“ можно заключить, что платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по отношенію къ чистому доходу съ ихъ земли, выражались $198^{1}/_{4}\%$, т. е. они не только отдавали весь свой доходъ съ земли, но должны были еще приплачивать почти столько же изъ сторонніхъ заработковъ. Главную роль въ этихъ платежахъ играютъ „выкупные“, т. е. платежи, идущіе въ частныя руки, а не на государственныя потребности. Государство великодушно истощаетъ платежную силу крестьянина въ пользу частныхъ лицъ и этимъ самымъ преграждаетъ путь къ расширенію собственнаго бюджета. Но, несмотря на громадныя суммы выкупныхъ платежей, доставшихся въ руки помѣщиковъ, эти послѣдніе разоряются и сбываютъ земли кулакамъ и торговцамъ. Если, съ большой натяжкой, можно было утверждать, что помѣщики способны вести сельско-хозяйственную промышленность въ лучшемъ видѣ, нежели крестьяне, то относительно купцовъ этого сказать уже никакъ нельзя. Земли, переходящія изъ рукъ помѣщиковъ къ

купцамъ, для этихъ послѣднихъ служатъ только средствомъ эксплуатаціи крестьянъ. Купецъ, пользуясь ихъ малоземельемъ, доводитъ арендную плату за землю до крайнихъ размѣровъ и обыкновенно не ведетъ самъ никакого хозяйства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по преимуществу черноземныхъ-степныхъ, купцы дѣлаютъ громадныя запашки, но это не есть правильная сельскохозяйственная промышленность, а торговая спекуляція, принимающая видъ сельско-хозяйственнаго предпріятія. Такимъ образомъ, ни помѣщики, ни купцы не являются у насъ сельскими хозяевами, способными вести земледѣльческую промышленность. Ею занимаются исключительно крестьяне и уровень развитія земледѣлія опредѣляется ихъ знаніями и ихъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Отсюда, понятно, вытекаетъ то, что земля только въ надежныхъ рукахъ крестьянъ можетъ явиться орудіемъ сельско-хозяйственной *промышленности*, а не *торговли*. И помѣщикъ, и купецъ только торгуютъ землею,—крестьянинъ занимается земледѣліемъ; только онъ—сельскій хозяинъ. Интересы общества и государства требуютъ, чтобы земля была въ тѣхъ рукахъ, въ которыхъ она даетъ наибольшій доходъ, не говоря уже о томъ, что вообще обезпеченіе населенія землею необходимо съ точки зрѣнія общественной солидарности и справедливости. Государство должно помочь крестьянамъ пріобрѣсть достаточное количество земли, которое необходимо для веденія самостоятельнаго хозяйства. Подобная мѣра не противорѣчитъ интересамъ бывшихъ помѣщиковъ, такъ какъ все равно земля уплываетъ изъ ихъ рукъ. Пусть же она лучше прямо попадетъ въ руки крестьянъ, нежели сдѣлается орудіемъ торговли и возвышенія вредныхъ и для государства, и для народа—кулаковъ и міроѣдовъ.

Государство должно позаботиться, чтобы земля, перешедшая въ крестьянскія руки, не могла опять попадать къ міроѣдамъ. Лучшее средство для этого искренняя поддержка общиннаго владѣнія землею тамъ, гдѣ оно начинаетъ прививаться. Еще недавно многія волости Чигиринскаго и Черкасскаго уѣздовъ Кіевской губерніи желали ввести у себя общинное владѣніе землей; слѣдовало не препятствовать этому, а помочь. Вѣдь исторія мелкой поземельной собственности въ Малороссіи ясно подтвердила давно установленный экономистами выводъ о стремленіи этой собственности къ скучиванію въ однихъ рукахъ, т. е. къ обезземеленью мелкихъ собственниковъ и къ образованію крупныхъ землевладѣльцевъ. Крестьяне прекрасно понимаютъ это свойство мелкой собственности, а потому и не долюбливаютъ ее. Вообще, фактовъ распространенія общиннаго владѣнія не мало; очевидно, сама жизнь выдвигаетъ этотъ принципъ, хотя онъ и не пользуется до сихъ поръ благосклонностью правящихъ классовъ. Нашъ законъ, напримѣръ, не знаетъ *общиннаго* владѣнія; крестьяне-общинники, покупая земли въ общинное владѣніе, принуждены совершать купчія крѣпости на правахъ товарищества въ *общую* собственность. Покупаетъ, слѣдовательно, не юридическое лицо—община, а отдѣльные члены ея на правахъ товарищества. При общинномъ владѣніи право пользованія, владѣнія и распоряженія принадлежитъ только всему сельскому обществу; а въ общей собственности всѣ эти права принадлежатъ отдѣльнымъ членамъ товарищества, соотвѣтственно ихъ долѣ,—что, разумѣется, составляетъ громадную разницу. Такимъ образомъ, наши законы фактически въ корнѣ подрываютъ общинное владѣніе, хотя это пока мало отражается на дѣйствительной жизни, такъ какъ крестьяне дѣйствуютъ

не на основаніи нотаріальныхъ актовъ, а по своимъ обычаямъ. Но достаточно какому-нибудь кулаку пойти противъ общества, и онъ надѣлаетъ хлопотъ и замѣшательствъ, способныхъ наводить крестьянъ на мысли о несправедливости закона, что, казалось бы, совсѣмъ нежелательно. Необходимо ввести въ законодательство понятіе общиннаго владѣнія въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у народа. Необходимо не только не препятствовать, а способствовать укрѣпленію, распространенію и дальнѣйшему качественному развитію исконной, бытовой формы русской жизни. Не о насильственномъ поддержаніи общины государствомъ говоримъ мы, а только объ устраненіи препятствій, стѣсняющихъ ея естественный ростъ и развитіе. Для этого же необходимо, чтобы общественное мнѣніе интеллигенціи приняло сторону общины. Много-ли найдется у насъ людей, которые-бы знали фактъ развитія нашего общиннаго владѣнія по пути къ большему воплощенію принциповъ равенства и справедливости? А между тѣмъ это фактъ, вполнѣ установленный изслѣдователями нашей общины. Громаднѣйшее большинство до сихъ поръ придерживается ложнаго взгляда, заимствованнаго у западныхъ ученыхъ, не имѣвшихъ подъ руками фактовъ изъ русской жизни, что наша община—архаическая форма, кристаллизовавшаяся въ нѣчто неподвижное, не способное къ развитію, а слѣдовательно и долженствующее погибнуть. Это большинство знать не хочетъ результатовъ, добытыхъ русскими изслѣдователями, придерживаясь своихъ заскорузлыхъ мнѣній и не принимая во вниманіе, какъ необходима бдительная осторожность въ подобныхъ приговорахъ, имѣющихъ сильное вліяніе на ходъ народной жизни, путемъ давленія общественнаго мнѣнія интеллигенціи на законодательство.

Все сказанное нами выше можно резюмировать такъ: Россія—страна земледѣльческой промышленности. Въ этой-же промышленности капиталистическое производство, пока, совершенно неприложимо а потому и не существуетъ никакой экономической конкурренціи между капитализмомъ и общиной. Общину подрываетъ не конкурренція болѣе производительной капиталистической формы продукціи, а усилія разныхъ хищниковъ захватить основу этой общины—землю—въ свои руки просто для торговли ею, т. е. съ цѣлью выжимать съ крестьянъ наибольшую арендную плату. При этомъ производительность земледѣлія не повышается, а падаетъ, хотя и незначительно. Происходитъ же это отъ обѣдненія народа, занимающагося сельско-хозяйственной промышленностью, а обѣдненіе является результатомъ тягостныхъ платежей и малоземелья. Государство при этомъ только теряетъ, такъ какъ и земельная тѣснота, и львиная доля платежей идутъ въ пользу частныхъ лицъ, а не государства. Пониженіе же земледѣльческой продукціи, происшедшей, какъ мы уже говорили, отъ обѣдненія людей, занимающихся сельско-хозяйственной промышленностью, не можетъ не отразиться на государственномъ бюджетѣ. Пора уже государству отдѣлить свои интересы отъ интересовъ частныхъ лицъ и руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно общенародною пользою, такъ какъ только эта послѣдняя составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пользу государства. Разрушеніе общины—необходимое условіе для введенія господства капитализма въ Россіи; поэтому государство должно поддержать общину въ ея борьбѣ съ кулаками, міроѣдами и другими подобными же хищниками, подготовляющими почву для капитализма обезземеленьемъ народа.

„Рискуя прослыть реакціонеромъ, говоритъ Лавеле, я не колеблюсь сказать, что нѣкогда существовали двоякаго рода учрежденія, которыя слѣдовало бы сохранить и усовершенствовать: общинная автономія и общинная собственность. Государственные дѣятели постарались сократить первую, экономисты приложили усилія къ исчезновенію второй: ошибка огромная, которая помѣшаетъ повсюду установиться прочнымъ общественнымъ учрежденіямъ, если не будетъ исправлена". „Если Сербія, едва освобожденная, прекрасно освоивается съ порядкомъ почти республиканскимъ и съ системою самоуправленія, которыя съ трудомъ вынесли бы многія западно-европейскія государства, то это лишь благодаря навыку, пріобрѣтенному сербами среди общинъ,—усвоивать себѣ качества, необходимыя для свободы и самоуправленія" [1]). Если таково дѣйствіе на народный характеръ сербскихъ задругъ, то нѣтъ сомнѣнія, что русская деревенская община дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи еще энергичнѣе и шире. Мы поэтому считаемъ вполнѣ справедливыми слова, сказанныя 25 лѣтъ тому назадъ: „Мы защищаемъ фактъ у насъ существующій,—государственную собственность съ общиннымъ владѣніемъ, именно потому, что она ближе другихъ формъ собственности подходитъ къ идеалу поземельной собственности" [2]).

---

[1]) Эмиль де Лавеле. Первобытная собственность. Стр. 258 и 208.

[2]) „Современникъ" 1857 г. Апрѣль. „О поземельной собственности".

Въ какихъ прекрасныхъ формахъ иногда является у насъ община, созданная усиліями самого народа безъ всякаго вліянія интеллигенціи видно изъ слѣдующаго разсказа о черемиской общинѣ И. Бабста въ его трудѣ „Рѣчная область Волги":

Черемисы казанской губерніи живутъ маленькими деревнями, въ 10—20 и до 30 дворовъ, рѣдко болѣе. Нѣсколько

До сихъ поръ мы говорили о *внутреннихъ* условіяхъ русской жизни, дающихъ право утверждать, что капиталистическое производство не есть необходимая ступень дальнѣйшаго развитія нашей экономической жизни. Г. В. В. въ книгѣ своей „Судьбы капитализма въ Россіи“ указываетъ, что *внѣшнія* условія не только не благопріятствуютъ, но задерживаютъ развитіе капитализма у насъ. Мы вправѣ поэтому сказать, что капитализму препятствуютъ развиться на русской почвѣ какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія нашей жизни. Авторъ только что упомянутаго нами изслѣдованія указываетъ, что международныя экономическія отношенія

такихъ деревень составляютъ общину съ одной общей дачей. *Сельскія работы производятся сообща.* На работы идетъ цѣлая деревня—старъ и младъ, мужчины и женщины—и работаютъ день и ночь, покуда не покончатъ посѣва, сѣнокоса, либо жатвы. Никто не смѣетъ отказаться, остаться дома, либо отдыхать *Жатва раздѣляется потомъ здѣсь же, на полѣ между семьями поровну, поля же никогда напередъ не дѣлятся.* Взрослые сыновья женятся рано и выдѣляются, получая участки не отъ отца, а отъ міра,—слѣдовательно о патріархальномъ бытѣ не можетъ быть и рѣчи. Каждая деревня имѣетъ своего голову (каштанъ), въ которые избираютъ самаго смышленнаго, богатаго и пользующагося наибольшимъ въ деревнѣ уваженіемъ черемиса; нѣсколькими деревнями заправляетъ также каштанъ, и высшимъ лицомъ считается, наконецъ, главный каштанъ, имѣющій свое пребываніе, какъ говорятъ, въ Вятской губерніи. Значеніе каштановъ и кругъ дѣятельности ихъ очень обширны,—вся торговля сельскими и другими произведеніями цѣлаго народа идетъ чрезъ ихъ руки. *Каждый черемисъ доставляетъ имъ всъ рьшительно продукты своего труда, за исключеніемъ только небольшаго количества, нужнаго для домашняго обихода.* Отсюда вытекаетъ значительная оптовая торговля, которая гораздо выгоднѣе торговли розничной, ибо каждый крестьянинъ, торгуя самъ, обязанъ нерѣдко сбавлять цѣны, тогда какъ каштаны, находясь въ безпрестанныхъ сноше-

не только не поощряютъ развитія капиталистическаго производства у насъ, какъ думали прежде, а, наоборотъ, стѣсняютъ его. Историческая особенность нашей крупной промышленности заключается въ томъ, что ей приходится расти въ то время, когда другія страны достигли уже высокой степени развитія. Ей приходится, такимъ образомъ, конкурировать съ этими давно установившимися въ промышленномъ отношеніи странами, а соперничество такихъ противниковъ совершенно заглушаетъ слабые ростки возникающаго у насъ капитализма. Развитіе капиталистическаго производства ведетъ за

ніяхъ между собой и съ высшимъ главой своимъ, могутъ давать торговлѣ выгодный ходъ и выжидать удобнаго времени. Каштаны ведутъ разсчетъ съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины и удерживаютъ пятую часть выручки на свои расходы, за труды и на казенныя повинности. Каштаны обыкновенно очень богаты, хотя и обязаны отдавать извѣстную часть чистой прибыли высшему главѣ своему. Положивши въ основаніе своего права собственности трудъ, черемисы считаютъ самымъ ужаснымъ и даже единственнымъ преступленіемъ—воровство. Народная расправа наказываетъ вора наистрожайшимъ образомъ Онъ дѣлается поневолѣ нищимъ, потому что каштаны отказываются брать его произведенія; никто не помогаетъ ему, всякій бѣгаетъ отъ него, какъ отъ заразы. Случается нерѣдко, что воръ внезапно пропадаетъ, и никогда еще не удавалось земской полиціи найти его слѣды. Такой же участи подвергаются обыкновенно каштаны-обманщики, конокрады и ворующіе хлѣбъ. Подобные случаи однакожь весьма рѣдки. (См. стр. 107, 108 и 109).

Изъ описанія черемиской общины видно, что примѣсь финской крови къ славянской не только не могла вредно повліять на общинные порядки великоруссовъ, а пожалуй способствовала ихъ усиленію и развитію Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ будущему, такъ какъ у насъ до сихъ поръ не изслѣдована инородческая община, особенно въ ея прошломъ.

собою сильное увеличеніе производительности труда; но это увеличеніе, вмѣсто того, чтобы найти себѣ правильный исходъ въ облегченіи рабочаго, въ созданіи его досуга для развитія и удовлетворенія его умственныхъ и нравственныхъ потребностей, тратится цѣликомъ на возрастаніе производства, т. е. на увеличеніе количества продуктовъ.

При этомъ совершенно естественно является избытокъ продуктовъ для внутренняго употребленія и необходимость во внѣшнемъ рынкѣ. Параллельно съ развитіемъ капиталистическаго производства на Западѣ идетъ и погоня за рынкомъ; вся внѣшняя политика Англіи была ничѣмъ инымъ, какъ жаждой рынка, а съ теченіемъ времени на тотъ же путь международной политики вступаютъ и другія цивилизованныя страны. Имѣя въ виду тенденцію капиталистическаго производства къ безмѣрному возрастанію, г. В. В. утверждаетъ, что, чѣмъ позднѣе начнетъ какая-либо страна развиваться въ промышленномъ отношеніи, тѣмъ труднѣе завершить ей это развитіе капиталистическимъ путемъ. Ей необходимо придется при этомъ вступить въ борьбу за рынки съ такими опытными и могучими противниками, какъ Англія и Америка, имѣющими надъ нею преимущество во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ бы ни кончилась борьба, кто бы ни остался побѣдителемъ, во всякомъ случаѣ здѣсь долженъ быть и побѣжденный: рынка для всѣхъ недостанетъ, т. е. побѣда капитала одной страны служитъ препятствіемъ развитію капиталистическаго производства въ другой. Такимъ образомъ, само собой падаетъ предположеніе о необходимости для каждой страны достигать развитія обобществленной формы труда непремѣнно капиталистическимъ путемъ. Вновь возникающій капитализмъ можетъ добиться лишь устраненія

иностранныхъ товаровъ съ внутренняго рынка и, самое большее, побить внутреннее мелкое производство. Но если только крупное капиталистическое производство охватитъ всѣ области внутренняго труда, то оно грозитъ лишить все населеніе самостоятельнаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ *не въ состояніи дать ему взамѣнъ работу на фабрикѣ*, заставляя его, слѣдовательно, эмигрировать.

Если примѣнить къ Россіи, говоритъ В. В., тѣ заключенія, которыя выше мы сдѣлали относительно странъ, поздно выступившихъ на сцену исторіи, то мы должны признать, что границы расширенію ея крупнаго производства даны заранѣе опредѣленнымъ (внутреннимъ) рынкомъ, вслѣдствіе чего свободному полету капитализма положены у насъ довольно тѣсные предѣлы; во вторыхъ—что расширяться наше крупное производство будетъ не столько въ ширину, сколько, такъ сказать, въ глубь, т. е. не столько охватывая все большее число рабочихъ, сколько увеличивая производительность труда уже занятыхъ (вводя новыя машины). Эти два условія, которыми ограничивается поле распространенія капитализма въ Россіи, совершенно измѣняютъ для насъ его историческое значеніе.

Наше капиталистическое производство, по словамъ В. В., не только не развилось, въ послѣднее время, на столько, чтобы нуждаться въ дальнѣйшемъ обезземеленіи народа и, слѣдовательно, разрушеніи его общиннаго владѣнія, но сдѣлало шагъ назадъ:

	Число рабочихъ.	Сумма производства.
1851 годъ. .	456,600	157.000,000 руб. [1]).
1861 „ . .	559,553	295.000,000 „

[1]) Судьбы капитализма въ Россіи. В. В. Стр. 14, 15, 16, 20, 21, 25 и 29.

1870	„ .	463,100	452.000,000 „
1877	„ . .	417,000	379.000,000 „

Доводы г. В. В. имѣютъ важное значеніе при обсужденіи вопроса о вѣроятной будущности нашей экономической жизни. Къ сожалѣнію, нашъ авторъ, увлекшись значеніемъ внѣшнихъ условій, стѣсняющихъ капитализмъ, вполнѣ отрицаетъ значеніе внутреннихъ условій, въ дѣйствительности имѣющихъ никакъ не меньше, а скорѣе больше значенія, нежели внѣшнія. Не будь этихъ внутреннихъ условій, побуждающихъ насъ и дающихъ намъ внутреннюю силу идти самобытнымъ путемъ экономическаго развитія, то внѣшнія стѣсненія для капиталистическаго производства не давали бы права надѣяться, что мы пойдемъ по пути усовершенствованія нынѣшняго мірского владѣнія землею. Доказательства существованія внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій для развитія капитализма, будучи оторваны отъ тѣхъ указаній, что условія нашей внутренней жизни толкаютъ насъ идти своеобразнымъ, а не европейскимъ путемъ,—могутъ привести только къ заключенію, что мы, не имѣя возможности вступить въ капиталистическую форму производства, будемъ отставать отъ западныхъ народовъ въ „обобществленіи“ труда, а слѣдовательно и самое стѣсненіе капитализма должно считаться въ числѣ неблагопріятныхъ условій нашей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, если русская экономическая жизнь *только* тѣмъ и отличается отъ западно-европейской, что мы позднѣе выступили на поприще развитія капитализма, а потому, какъ запоздавшіе, терпимъ стѣсненія при необходимомъ переходѣ въ эту форму производства, то это никакъ не можетъ считаться благопріятнымъ условіемъ русской жизни. Марксистъ, считая капитализмъ необходимой ступенью развитія экономической

жизни всѣхъ народовъ, долженъ быть опечаленъ подобнымъ явленіемъ, такъ какъ это ведетъ за собою стѣсненіе полнаго „обобществленія“ труда, а слѣдовательно не приближаетъ, а отдаляетъ паденіе капиталистическаго производства передъ той будущей формой труда, которая есть результатъ саморазвитія и саморазложенія капитализма. Очевидно, что г. В. В., указывая на внѣшнія, стѣсняющія капитализмъ, условія и вмѣстѣ съ тѣмъ радуясь подобному явленію, долженъ былъ безсознательно (говоримъ „безсознательно“, потому, что нашъ авторъ на словахъ отрицаетъ значеніе внутреннихъ условій нашей экономической самобытности) признавать особенности нашей экономической жизни, которыя даютъ намъ возможность идти самобытнымъ путемъ,—онъ опасался только того, что внѣшнія условія окажутся сильнѣе внутреннихъ и заставятъ насильно свернуть насъ на дорогу капитализма; поэтому-то онъ и радуется, что изслѣдованіе экономическихъ явленій нашей жизни доказываютъ, что развитіе капитализма стѣсняется внѣшними условіями.

ГЛАВА IX.

Правовыя воззрѣнія народа.

Мнѣніе нашей интеллигенціи о томъ, что она будтобы является носительницей лучшихъ общественныхъ идеаловъ, необходимыхъ для счастія народа,—ничего больше, какъ самомнѣніе, ни на чемъ не основанное „Есть люди, говоритъ Спенсеръ, которые утверждаютъ, что массы болѣе порочны, чѣмъ остальныя части общества. Но тѣ, которые высказываютъ это мнѣніе, доходятъ до него весьма нелогическимъ путемъ“ [1]). Интеллигенція, во имя своей роли—носительницы правды и добра—не церемонится пренебрежительно относиться къ воззрѣніямъ народа, игнорируя ихъ, какъ вредныя для самого народа [2]) Но на чемъ-же основывается она, утверж-

[1]) Соціальная статика. Гер Спенсера.

[2]) Примѣромъ подобнаго рода поведенія можетъ служить отношеніе французскаго Конвента къ крестьянамъ Бретани, вызвавшее возстаніе бретонцевъ, долго считавшееся реакціоннымъ. Только недавно стало извѣстнымъ, что въ распрѣ французской интеллигенціи съ народомъ, были правы „реакціонные“ крестьяне, а не цивилизованные члены Конвента. Въ засѣданіи парижской Академіи наукъ, 3-го іюня, было сдѣлано

дая свое превосходство? Въ основѣ ея воззрѣній лежитъ мнѣніе, что единственнымъ факторомъ прогресса общественныхъ идеаловъ есть знаніе, а такъ какъ интеллигенція во всякомъ случаѣ является главной носительницей знанія, то отсюда логически слѣдовало, что она же есть и носительница общественныхъ идеаловъ. Этотъ чисто теоретическій выводъ, построенный на ложномъ основаніи, настолько овладѣлъ умами интеллигентнаго класса, что никакіе жизненные факты не могли уничтожить этого предразсудка. Мы даже думаемъ, что нѣтъ возможности отрѣшиться отъ него, не сознавъ прежде той непреложной истины, что чувство является главнымъ факторомъ формъ общественной жизни. Только признавъ эту психологическую аксіому, мы дѣлаемся способными трезво, безъ предвзятости, относиться къ фактамъ крестьянской жизни, справедливо оцѣнивать ихъ и не относить лучшихъ сторонъ ея къ безсознательнымъ, инстинктивнымъ дѣйствіямъ, какъ это очень часто дѣлается у насъ.

Хотя указанная нами теоретическая ошибка въ опрѣдѣленіи психическихъ факторовъ и была главной причиной самомнѣнія интеллигенціи, но она сама не созна-

---

г Бодрильяромъ сообщеніе объ особенностяхъ землевладѣнія въ Бретани. Крестьяне владѣютъ тамъ землею на правахъ „quevaise“ и „domaine congèable“. Первый родъ владѣнія, въ настоящее время, почти вышелъ изъ употребленія и состоитъ въ томъ, что помѣщику принадлежатъ только номинальныя права на землю· онъ пользуется только тѣми политическими правами, какое даетъ и давало землевладѣніе. Второй—аналогиченъ нашему чиншевому владѣнію: крестьянинъ пользуется землею за неизмѣнную арендную плату. Конвентъ, конфискуя помѣщичьи земли въ Бретани и продавая ихъ, какъ личную помѣщичью собственность, нарушалъ права крестьянъ,—чѣмъ объясняется возстаніе въ Бретани и союзъ крестьянъ съ помѣщиками. („Дѣло“ 1882 г № 8. Статья Л. Мечникова).

вала этого и обыкновенно старалась поддержать свое превосходство ссылками на факты изъ общественной жизни крестьянъ. Ссылки эти очень оригинальны и курьезны; весь фокусъ, обыкновенно, состоялъ въ томъ, что для сравненія берется съ одной стороны малочисленная, лучшая группа интеллигентныхъ людей, а съ другой—не только не лучшая часть народа и даже, очень часто, не средняя, а худшая; такимъ образомъ *сравнивались лучшія воззрѣнія интеллигенціи съ худшими воззрѣніями народа*,—выводъ получался благопріятный для интеллигенціи, чего собственно и требовалось, такъ какъ искали не истины, а только подтвержденія предвзятыхъ теоретическихъ воззрѣній. Такъ, напримѣръ, наша литература оцѣнивала юридическіе обычаи крестьянъ, сравнивая ихъ не съ Сводомъ Законовъ, какъ-бы слѣдовало, а съ своими идеалами; съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ крестьянскимъ юридическимъ обычаямъ она указывала на то, что они допускаютъ розги, забывая, что мы до сихъ поръ наказываемъ не только розгами, но и плетьми. Какое мы имѣемъ право сравнивать юридическіе обычаи народа, являющіеся результатомъ воззрѣній средняго человѣка прошлаго болѣе или менѣе времени, съ нашими идеалами, а не съ Сводомъ Законовъ, который тоже является результатомъ воззрѣній средняго изъ насъ прошлаго времени? Правда, что въ настоящее время даже средній изъ насъ желаетъ нѣкоторыхъ перемѣнъ въ Сводѣ, но развѣ не то же самое мы видимъ и въ народныхъ юридическихъ обычаяхъ, измѣняющихся на нашихъ глазахъ? Единственно правильный, научный способъ сравненія правовыхъ воззрѣній интеллигенціи и народа—это сравнивать *фактическій результатъ* воззрѣній средняго человѣка обѣихъ группъ. Сравненіе-же фактическихъ результатовъ

юридическаго сознанія интеллигенціи и народа говоритъ не въ пользу интеллигенціи.

Для подтвержденія своихъ взглядовъ на правовыя воззрѣнія народа мы сдѣлаемъ краткій очеркъ его юридическихъ обычаевъ [1]).

По словамъ Оршанскаго, русскій народъ съ древнѣйшаго времени считалъ лучшей формой самоуправленія и самосуда общинное разбирательство дѣлъ при участіи всѣхъ членовъ общины, а не выборными людьми, въ особенности, если выборы должны идти дальше ближайшаго общественнаго союза и вообще представляютъ нѣкоторую сложность. Крестьяне и теперь особенно дорожатъ своими сельскими судами, несмотря на отсутствіе въ нихъ всякаго легальнаго авторитета. Всякому, говоритъ г. Зарудный, не изучавшему даже исторіи крестьянскаго сословія, но родившемуся или имѣвшему случай бывать въ деревняхъ, хорошо извѣстно, присущее крестьянамъ всѣхъ наименованій, обыкновеніе обращаться въ своихъ спорахъ и сомнѣніяхъ „къ міру“, оберегающему хозяйственные интересы каждаго общинника для собственной своей пользы. „Какъ міръ рѣшитъ“, говоритъ крестьянинъ, „я міру не противникъ“. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне избѣгаютъ оффиціальнаго суда и вполнѣ довольствуются своими.

Оффиціальнымъ судомъ, общимъ для всего кресть-

[1]) Нашъ очеркъ основанъ на слѣдующихъ трудахъ: 1) „Обычное право“ Якушкина, 2) „Народный судъ и народное право“ Оршанскаго, 3) „Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ“ Барыкова, 4) „Опытъ изслѣдованія мѣстнаго крестьянскаго суда“ Заруднаго, 5) „Неразрѣшенный еще вопросъ русской общественной жизни“ его же; а также на работахъ г. Березанскаго и Скоробогатаго, печатавшихся первая въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за 1880 г., а вторая въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ того же года

янскаго населенія, является волостной судъ, организованный впервые Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Для этого волостной сходъ, состоящій, какъ извѣстно, изъ выборныхъ отъ каждыхъ 10 дворовъ, выбираетъ отъ 4 до 12 волостныхъ судей, засѣдающихъ коллегіально.

Въ 1871 году была образована комиссія для изслѣдованія дѣйствій этихъ судовъ: «Труды» этой комиссіи и служатъ главнымъ матеріаломъ для всѣхъ изслѣдователей народныхъ формъ суда. Одинъ изъ членовъ этой комиссіи, г. Зарудный, говоритъ, что въ многочисленныхъ углахъ Россіи волостной судъ является вполнѣ мертворожденнымъ учрежденіемъ, такъ какъ въ весьма многихъ мѣстностяхъ онъ на практикѣ *вовсе не существуетъ*. Въ другихъ мѣстностяхъ онъ хотя и существуетъ, но играетъ самую незначительную роль въ жизни народа; такъ, напримѣръ, крестьяне-судьи одной изъ волостей Павлоградскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, показали: „дѣлъ на волостномъ судѣ совсѣмъ мало, споры промежъ собою разсматриваемъ на селѣ громадою и рѣшаемъ по совѣсти и своему быту, чтобы никому не было обидно“.

Но, несмотря на традиціонное нерасположеніе крестьянъ ко всякой оффиціальности, существуютъ многочисленныя мѣстности, гдѣ, наряду со всякими неоффиціальными сельскими судами, дѣйствуетъ и волостной судъ. Такъ какъ этотъ судъ состоитъ изъ крестьянъ, то его рѣшенія, разумѣется, ближе подходятъ къ крестьянскому міровоззрѣнію, нежели рѣшенія какого-либо другого суда. Впрочемъ, это нельзя считать общимъ правиломъ; дѣло въ томъ, что, благодаря многимъ условіямъ нашей общественной жизни, этотъ судъ подвергается могущественному вліянію волостного писаря и старшины, а они разлагающимъ образомъ дѣйствуютъ на юриди-

ческое сознаніе народа. Волостной писарь, пугая судей «законами», требуетъ отъ нихъ рѣшеній, основанныхъ не на ихъ обычаяхъ, а на статьяхъ Свода Законовъ. Отсюда рождаются тѣ порядки, о которыхъ въ одной волости показывали: «у писаря спрашиваемъ, какъ законъ велитъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ и совѣщаемся; писарь всегда съ нами сидитъ»; въ другой—«писарь читаетъ законъ и показываетъ, кому и съ кого взыскать»; подобныхъ примѣровъ въ «Трудахъ» комиссіи не оберешься. Нечего удивляться поэтому крестьянской недовѣрчивости къ такъ называемому собственному суду. Крестьяне не любятъ исполнять роль волостныхъ судей и „отбываютъ“ ее какъ повинность: „въ судьи идутъ, точно какъ въ солдаты“.

Но, несмотря на это, на вопросъ: довольны-ли они своимъ судомъ и не лучше-ли было бы имъ судиться у мировыхъ судей, крестьяне заявляютъ, что свой судъ для нихъ лучше, какъ ближайшій и не требующій никакихъ расходовъ, и въ подтвержденіе этого указываютъ на тотъ фактъ, что иной разъ истцы по спорамъ и на сумму выше 100 руб. нарочно уменьшаютъ цѣну иска для того, чтобы разбираться на волостномъ судѣ, а не у мирового. Это доказываетъ только то, что даже злоупотребленія писарскимъ вліяніемъ неспособны перевѣсить неудобствъ нашихъ общихъ судебныхъ мѣстъ.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что иногда вліяніе писаря является только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ; такъ, напримѣръ, однажды въ Архангельской волости, Вологодскаго уѣзда, судьи разсматривали съ ранняго вечера до поздней ночи дѣло о неправильной продажѣ братьями имущества малолѣтняго, причемъ присутствовало немало любопытныхъ. Послѣ долгихъ и оживленныхъ *преній между судьями, свидѣтелями и посторон-*

ними, одинъ изъ судей объявилъ въ краткихъ и простыхъ словахъ рѣшеніе. На другой день это рѣшеніе было формулировано волостнымъ писаремъ съ ссылками на разные томы Свода Законовъ, о которыхъ на судѣ не было и помина

Такимъ образомъ волостной судъ, несмотря на всѣ свои недостатки, ближе по своимъ воззрѣніямъ и дѣйствіямъ къ чисто народнымъ обычаямъ. Поэтому крестьяне, сознавая дурныя стороны его, все-таки почти единогласно заявляютъ, что судъ ихъ не пристрастный и не пьяный и во всякомъ случаѣ для нихъ необходимый. „Къ мировому далеко и дорого, говорятъ они; у него пошлины да издержки; у него писаку надо, иного мужика мировой и не пойметъ; да онъ хотя и ученый, но намъ *чужой*; онъ порядковъ нашихъ не знаетъ; у него адвокатъ заѣстъ неграмотнаго человѣка, а *нашъ судъ часто по нашему обыкновенію рѣшаетъ, чтобы никому обидно не было*“. Г. Зарудный говоритъ, что на всемъ пути произведеннаго имъ изслѣдованія, отъ дальняго сѣвера до крайнихъ предѣловъ юга, по притокамъ Волги и Днѣпра, крестьяне всѣхъ безъ изъятія обозрѣнныхъ волостей показывали, что въ дѣлахъ ниже ста рублей они *никогда* не обращаются къ мировому судьѣ.

Послѣ такихъ компетентныхъ свидѣтельствъ должны замолкнуть всѣ розсказни о томъ, что крестьяне только и мечтаютъ, чтобы избавиться отъ своихъ судовъ и попасть подъ юрисдикцію нашихъ судебныхъ учрежденій. Всѣ эти розсказни являются результатомъ самомнѣнія интеллигенціи, жадно схватывающей всякій исключительный случай, говорящій въ ея пользу.

Наряду съ волостными судами дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ, неоффиціальныхъ, неимѣющихъ никакого легальнаго авторитета. Къ нимъ принадлежатъ: *суды*

сельскаго старосты и волостного старшины, имѣющіе характеръ примирительнаго разбирательства съ цѣлью не доводить до волостного суда мелкихъ дѣлъ; *судъ стариковъ*, по большой части съ тѣмъ-же характеромъ, который, впрочемъ, иногда приговариваетъ и къ извѣстнымъ наказаніямъ; *судъ сельскаго схода*—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ и уважаемыхъ. Г. Березанскій, описывая крестьянскіе суды Тамбовской губ., говоритъ, что судъ сельскаго схода существуетъ во всѣхъ волостяхъ ея, за исключеніемъ одной Боганской волости. По закону этотъ судъ разбираетъ только дѣла о раздѣлѣ между членами семьи имущества, оставшагося послѣ смерти хозяина, если не было духовнаго завѣщанія и если наслѣдники добровольно не раздѣлили сами между собою наслѣдства. Но на практикѣ сельскій сходъ разбираетъ и другія дѣла. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ разбираетъ разныя дѣла, какъ маловажныя, такъ и крупныя, напр. о кражахъ; во многихъ-же другихъ волостяхъ сельскій сходъ «*разбираетъ и рѣшаетъ всѣ дѣла*».

По словамъ г. Якушкина, въ губерніяхъ Владимірской, Кіевской, Самарской и Саратовской встрѣчается и судъ волостного схода. Кромѣ того существуютъ еще спеціальные и экстренные суды. Къ первымъ изъ нихъ нужно отнести слѣдующій случай: Въ Ярославской губ., Ростовскомъ уѣздѣ, въ Гродической волости, лежащей, около озера Неро, для разрѣшенія споровъ и пререканій, которые возникаютъ по поводу рыбной ловли, рыбаки выбираютъ каждую осень изъ среды своей особаго судью на 1 годъ, разрѣшающаго *окончательно* всѣ подобныя дѣла.

Но особенно замѣчательны случаи экстренныхъ судовъ, которые г. Скоробогатый, со словъ крестьянъ, на-

зываетъ *двухъ-волостными судами*. Такъ крестьяне Соболевской волости (Юрьевскаго уѣзда. Костромской губ.) показывали: „однажды село одной волости завело дѣло съ нашею волостью; тогда съѣхалось 3 судей нашей и 3 ихъ волости и вмѣстѣ рѣшили дѣло". Двухъ-волостные суды рѣшаютъ также и важныя дѣла, въ которыхъ участвуютъ лица разныхъ волостей, какъ показывали крестьяне Кабанской волости, Купянскаго уѣзда. На эти суды мы обращаемъ вниманіе тѣхъ, кто упорно настаиваетъ на мысли о неспособности крестьянъ къ межъобщинной солидарности.

До сихъ поръ мы говорили о крестьянскомъ судоустройствѣ; что же касается судопроизводства, то и оно во многомъ отличается отъ судопроизводства общихъ судебныхъ учрежденій; главное отличіе—отсутствіе всякаго формализма. Еще профессоръ Морошкинъ замѣтилъ что русскій народъ неспособенъ къ преслѣдованію формальной истины и юридическому обряду.

Главнымъ доказательствомъ на судѣ служатъ свидѣтели; даже въ доказательство займа или уплаты долга хотя и принимаются росписки, но свидѣтелямъ дается больше вѣры: «вѣра свидѣтелю, говорятъ крестьяне, лучше всякой росписки». Божба въ большей части волостей совсѣмъ не принимается за доказательство, въ нѣкоторыхъ даже запрещается судьями, „чтобы человѣка въ грѣхъ не вводить", такъ какъ очень часто случается, что „Бога съ полки снимаютъ, а лгутъ"; только въ нѣкоторыхъ волостяхъ она принимается за доказательство, но и здѣсь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ, большею частью по обоюдному соглашенію тяжущихся. Такъ, напримѣръ, въ Олонецкой губерніи считается за доказательство особый видъ божбы, называемый судомъ матери сырой

земли; въ случаѣ споровъ о пограничныхъ межахъ, *съ обоюднаго согласія*, одинъ изъ спорщиковъ вырываетъ кусокъ дерна съ землею, кладетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнію, должна быть дѣйствительная граничная межа. Другой послѣ этого не споритъ и безпрекословно отдаетъ обойденную землю, приговаривая только крестясь: „Съ Богомъ! Бери, что обошелъ: такъ разсудила насъ мать-сырая-земля".

Очень часто встрѣчаются рѣшенія по правилу „грѣхъ пополамъ"; оно состоитъ въ томъ, что отвѣтчикъ присуждается къ уплатѣ истцу половины иска. Такое рѣшеніе примѣняется большею частью къ дѣламъ гражданскимъ, хотя иногда встрѣчается и при рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ. Чаще всего примѣняется такой способъ рѣшенія дѣлъ, когда невозможно опредѣлить, умышленно-ли, или неумышленно произведена порча или утрата чужого имущества, а также и тогда, когда споръ разрѣшить трудно: „какъ ни разбирай, толку не отыщешь".

Отъ судоустройства и судопроизводства перейдемъ къ матерьяльному праву. Идеалъ права по понятіямъ нашего простолюдина, говоритъ Оршанскій, заключается не въ послѣдовательномъ примѣненіи одинаковыхъ нормъ къ одинаковымъ случаямъ, а въ достиженіи естественной справедливости по конкретнымъ условіямъ каждаго дѣла. Для характеристики отношенія народа къ формальному праву, интересны слѣдующія поговорки и пословицы: „нужда закона не знаетъ, а черезъ шагаетъ"; „не всякій прутъ по закону гнутъ"; „гдѣ законъ, тамъ и обида"; „законъ что дышло: куда поворотишь, туда и вышло"; „законъ, что паутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ". Крестьяне объясняли г. Зарудному, что волостные суды не придерживаются строго ни обычая, ни закона, а стараются судить по убѣжденію совѣсти и

по справедливости; при этомъ судьи не могли указать ни одного обычая въ гражданскихъ дѣлахъ.

Формальная сторона договоровъ, говоритъ Якушкинъ, при исполненіи ихъ имѣетъ для крестьянскихъ судовъ второстепенное значеніе; здѣсь прежде всего прикладывается требованіе справедливости. Ежели, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, строгое исполненіе договора несогласно съ этимъ требованіемъ, то его обязательная сила теряется: въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняются назначенные сроки, въ другихъ договоръ или вовсе уничтожается, или даетъ только право на вознагражденіе убытковъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Оршанскій: Относительно условій возможности уничтоженія силы договора, практика волостныхъ судовъ представляетъ прямую противоположность практикѣ общихъ судовъ. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ, руководствующихся Сводомъ, почти невозможно добиться отступленія отъ принципа обязательности формально правильнаго договора по самымъ вѣскимъ основаніямъ, народный судъ придерживается относительно этого предмета такихъ началъ, которыя почти во всемъ сходятся съ принципами науки права и западно-европейской юриспруденціи.

Тогда какъ въ правѣ оффиціальномъ, говоритъ тотъ же Оршанскій, писанномъ для высшихъ сословій, преобладающее значеніе имѣютъ правоотношенія личной собственности и договора, а семейный бытъ и регулирующія его нормы отступаютъ на задній планъ, въ народномъ обычномъ правѣ главное значеніе имѣютъ, наоборотъ, правоотношенія не только наслѣдственныя, но и семейственныя въ тѣсномъ смыслѣ. Все зданіе наслѣдственнаго, права построено у крестьянъ изъ одного элемента, и этотъ элементъ есть личный трудъ, какъ

главный факторъ сельско-хозяйственной производительности. Нельзя не замѣтить, говоритъ г. Барыковъ, рѣзкой границы между порядкомъ наслѣдованія по Своду Законовъ и по обычаямъ крестьянъ. Семья, по понятіямъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ юридическимъ, есть не только личный союзъ родства, но и рабочій хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребностей и обязательствъ; это—если можно такъ выразиться—кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частью не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ. Крестьянское имущество есть общая принадлежность дома, семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наслѣдство не открывается. Имущество это по смерти домохозяина остается въ общемъ владѣніи или дѣлится, но это не есть раздѣлъ наслѣдства и даже не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, а дѣлежъ общаго заработка. При составѣ дома изъ родственниковъ разныхъ степеней, имущество дѣлится не по-колѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ. Кто только участвовалъ въ общемъ заработкѣ, тотъ и получаетъ себѣ равную съ прочими долю, безъ всякаго различія родственныхъ линій и степеней. Въ иныхъ мѣстахъ пріемыши такъ и называются „дольниками“. Отдѣленные отъ дома родственники, хотя бы и самыхъ близкихъ степеней, вовсе въ раздѣлѣ не уча-

ствуютъ, если только остается кто-нибудь изъ членовъ того-же дома.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычай дѣлаетъ весьма тонкое различіе между родственнымъ, чисто наслѣдственнымъ и экономическимъ, артельнымъ началомъ. Если дѣлится имущество дома послѣ хозяина, то доли назначаются по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ; если же наслѣдство идетъ сбоку, изъ другого дома, и слѣдовательно въ приращеніи его наслѣдники не участвовали, то оно дѣлится по родственнымъ линіямъ и степенямъ.

По словамъ Оршанскаго, право жены на полученіе пропитанія отъ мужа понимается волостнымъ судомъ серьезнѣе и раціональнѣе, чѣмъ общими судами. Факты положительно опровергаютъ то мнѣніе, будто въ крестьянскихъ судахъ жена не находитъ никакой защиты ни отъ дурного обращенія мужа, ни отъ недоставленія ей пропитанія, ни отъ нелюбви или неспособности къ сожитію. Невѣрно, будто-бы «никакая власть» не можетъ защитить крестьянскую женщину отъ угнетенія въ семьѣ. Наоборотъ, можно считать несомнѣннымъ то, что народный судъ относится строже къ буйству въ семьѣ, пропиванію домашнихъ вещей, угнетенію большакомъ подчиненныхъ членовъ семьи и т. под. проступкамъ, чѣмъ общіе законы, оставляющіе ихъ большей частью безъ всякой репрессіи. Разлученіе супруговъ, называемое крестьянами разводомъ, встрѣчается довольно часто и дѣлается по приговору сельскихъ сходовъ. Разводъ совершается, большею частью, по согласію обѣихъ супруговъ, но иногда и по требованію одного изъ нихъ. Общество утверждая разводъ, опредѣляетъ и послѣдующія взаимныя отношенія супруговъ [1]).

[1]) Для того, чтобы наши читатели могли правильно оцѣнить положеніе женщины въ нашей крестьянской средѣ, мы приве-

Если сопоставить обычаи относительно наслѣдованія вдовъ съ тѣми, которые опредѣляютъ наслѣдственныя права женщинъ по кровному родству, то станетъ яснымъ, что народные обычаи руководствуются въ этомъ отношеніи не пренебреженіемъ къ лицамъ женскаго пола, какъ таковымъ, а примѣняютъ послѣдовательно результаты системы семейной собственности, основанной на общемъ личномъ трудѣ. Еслибъ крестьяне вообще относились съ пренебреженіемъ къ женщинѣ, считая ее рабой мужчины, какъ утверждаютъ многіе, тогда непонятны были бы тѣ обширныя наслѣдственныя права, которыя обычай предоставляетъ вдовѣ, въ выдѣленной семьѣ.

демъ факты изъ жизни англичанъ «Пѣтъ того дня, говоритъ лондонскій корреспондентъ «Presse» (отъ 4 октября 1874 г.), когда не разбирались бы у судей дѣла о побояхъ, объ истязаніяхъ женъ ихъ мужьями-рабочими. Мы говоримъ, продолжаетъ корреспондентъ, не о томъ, что было лѣтъ 200 или 100, или 50 тому назадъ. Нѣтъ, въ нынѣшнее благополучное царствованіе ея величества королевы Викторіи... въ Дудлеѣ рабочій продалъ свою жену за шесть пенсовъ; на одной желѣзной фабрикѣ рабочій продалъ свою жену за 2 фунта шиллинговъ деньгами и на 10 шиллинговъ пива. Замѣчательно, что при продажѣ жены сдѣлка только въ томъ случаѣ считается правильною, если продавецъ, надѣвши веревку на шею несчастной женщины, передаетъ конецъ этой веревки покупщику». (Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII столѣтія. Д. Д. Сонцовъ. Стр. 129). Нѣтъ сомнѣнія, что описанный фактъ дѣйствительно имѣетъ видъ законной продажи жены. Подобное явленіе у насъ немыслимо Правда, мы настолько оторваны отъ народа, что очень часто совершенно искажаемъ факты народной жизни, непонимая ихъ истиннаго значенія. Такъ, корреспондентъ «Кіевлянина» пустилъ въ ходъ басню о продажѣ жены мужемъ въ с. Голодекъ Оказалось, что онъ совершенно не понялъ значеніе сдѣлки и былъ изобличенъ въ этомъ. (См. «Порядокъ» 1881 г. № 48).

Практика волостныхъ судовъ, говоритъ Оршанскій, по дѣламъ, вытекающимъ изъ отношеній родителей и дѣтей, тоже представляетъ любопытныя особенности, говорящія скорѣе въ пользу, чѣмъ противъ народнаго права и народнаго суда, сравнительно съ правомъ и судомъ оффиціальнымъ. Въ личныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ волостной судъ вообще является чаще противникомъ, чѣмъ поборникомъ домостроевскихъ началъ. При уважительныхъ обстоятельствахъ онъ допускаетъ выдѣлъ сына помимо воли отца. Нанесеніе обиды дѣйствіемъ восходящему родственнику по уложенію наказывается очень строго, а по обычному праву драка между дѣтьми и родителями, какъ явленіе обыденное въ крестьянскомъ быту,не считается ничѣмъ особеннымъ. Семья у крестьянъ, это — производительное товарищество съ общимъ имуществомъ.

Къ числу наказаній, употребляющихся у крестьянъ, относятся публичныя посрамленія и розги. Публичныя посрамленія употребляются особенно часто у малороссовъ по поводу нарушеній супружескихъ отношеній; у великороссовъ же, по словамъ Якушкина, въ этихъ случаяхъ никакихъ посрамленій вовсе не бываетъ, такъ какъ свобода половыхъ отношеній издавна господствуетъ у нихъ. Малороссы жестоко наказываютъ дѣвушекъ, вступившихъ въ бракъ и оказавшихся не дѣвственными: но этому наказанію подвергаются только тѣ, которыя не заявили объ этомъ жениху до вѣнца. Если дѣвушка вполнѣ откровенна съ женихомъ, то онъ или отказывается отъ нея, или же своимъ согласіемъ на бракъ прикрываетъ прошлое, къ которому никто послѣ этого не имѣетъ права касаться. Изъ этого очевидно, что наказаніе употребляется *за обманъ*, возмущающій жениха и его семью. Если мы сравнимъ чувства малорусскаго

жениха съ чувствами милліоновъ жениховъ изъ интелигенціи, то не найдемъ здѣсь никакой разницы. Правда, обманутый женихъ изъ интеллигенціи, считая *позоромъ* для себя и своей семьи бракъ съ подобной дѣвушкой, все-таки не пойдетъ срамить свою жену на площадь, но это дѣлается не потому, чтобы онъ не считалъ себя оскорбленнымъ, а вслѣдствіе другихъ причинъ. Рознь между интеллигентными семьями такъ велика, что такъ называемый «позоръ» одной изъ нихъ вызываетъ въ другихъ скорѣе злорадство, нежели сочувствіе; крестьянинъ же привыкъ дѣлить со всей улицей, деревней или селомъ всѣ свои радости и горя. Онъ съ грубой откровенностью заявляетъ свои чувства передъ своими сосѣдями, зная, что встрѣтитъ въ нихъ сочувствіе; каждый же изъ интеллигентныхъ людей старается поглубже запрятать въ своемъ сердцѣ глубоко чувствуемое имъ оскорбленіе, изподтишка только мстя за него своей благовѣрной.

Что-же касается розогъ, то они очень часто употребляются, несмотря на то, что крестьяне, по словамъ г. Березанскаго, считаютъ ихъ самымъ отяготительнымъ наказаніемъ. Во многихъ волостяхъ заявляли: «самое лучшее—совсѣмъ отмѣнить тѣлесное наказаніе для крестьянъ»; «лучше насъ отъ побоевъ отвести, *побоями можно человѣка погубить*; пора совсѣмъ отъ розогъ освободить». Старики не наказываются розгами не только отъ 60-ти-лѣтняго возраста, согласно съ закономъ, но часто и отъ 50-ти лѣтъ,—это указываетъ на то, что и личность крестьянина оскорбляется подобными наказаніями. Если розги и употребляются въ послѣднее время самими крестьянами, то сравнительно рѣдко. Гораздо чаще они пускаются въ ходъ всякаго рода крестьянскимъ начальствомъ, въ рукахъ котораго волост-

ной судъ бываетъ только пассивнымъ орудіемъ. Удерживая розги, какъ административный способъ побужденія къ платежу податей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживаемъ употребленіе розогъ и самими крестьянами. Но нельзя не видѣть, что въ послѣднія десятилѣтія у крестьянъ быстро развивается сознаніе противорѣчія между тѣлеснымъ наказаніемъ и чувствомъ собственнаго достоинства личности. Если розги и удерживаются, то только благодаря усиливающейся бѣдности крестьянъ, при которой почти немыслимы штрафы и аресты. „Міръ“ или „громада“, зная, съ какимъ трудомъ уплачиваются подати и налоги, видитъ полнѣйшую невозможность наказывать штрафомъ, такъ какъ это поведетъ только къ неуплатѣ податей и налоговъ. Та же исторія и съ арестомъ: кратковременный арестъ въ рабочую пору можетъ разстроить хозяйство, т. е. повести къ тѣмъ же результатамъ, тяжело отзывающимся на всей общинѣ. Кромѣ того, штрафы и аресты тяжело ложатся на всю семью, лишая ее часто самаго необходимаго, такъ какъ крестьянское благосостояніе стоитъ на самой границѣ съ нищетой. Такимъ образомъ розги тѣсно связаны съ экономической несостоятельностью крестьянъ и взглядами начальства на ихъ необходимость.

Строгость крестьянскаго самосуда, говоритъ Якушкинъ, всѣмъ извѣстна, но эта строгость есть только результатъ страха, часто внушаемаго преступниками, въ особенности при угрозахъ ихъ сжечь селеніе. Только крайняя потребность самозащиты доводитъ крестьянъ до суроваго отношенія къ преступнику; взглядъ на него, какъ на жертву обстоятельствъ, какъ на падшаго брата, повсемѣстно распространенъ въ народѣ, потому и преступленіе во многихъ мѣстностяхъ называется *бѣдою*.

Кромѣ того, во многихъ случаяхъ народъ не считаетъ предосудительными поступки, запрещенные Сводомъ Законовъ,—въ большинствѣ случаевъ это разногласіе является результатомъ особенностей въ экономическихъ воззрѣніяхъ крестьянъ. Такъ, Оршанскій говоритъ, что, по понятіямъ народа, всякій промыселъ, имѣющій преобладающее значеніе въ данной мѣстности, долженъ составлять по возможности общую собственность всѣхъ обывателей, имъ занимающихся, и притомъ такъ, что они пользуются имъ сообща на артельномъ началѣ. Этотъ взглядъ приводитъ крестьянъ къ тому, что они безъ всякихъ угрызеній совѣсти нарушаютъ права владѣльцевъ лѣсовъ, рыбныхъ ловель и т. под. предметовъ, считая, что они осуществляютъ свое право, фактически у нихъ отнятое.

Самые компетентные изслѣдователи признаютъ превосходство народныхъ началъ права надъ началами Свода Законовъ. Внесеніе этихъ началъ въ наше законодательство было бы большимъ шагомъ впередъ, а потому лучшая часть интеллигенціи должна, наконецъ, понять, что это будетъ ближайшій путь къ осуществленію ея стремленій. Только примкнувъ къ этимъ началамъ, она можетъ надѣяться получить надлежащее мѣсто въ жизни русскаго народа и не стоять отъ него въ сторонкѣ, съ тщетными попытками принести ему посильную помощь. Надежда двигать русскую жизнь по пути прогресса собственными силами есть грубое самомнѣніе съ ея стороны; только призвавъ на помощь всѣ силы русскаго народа, можно ожидать дѣйствительныхъ успѣховъ. Историческое несчастіе интеллигенціи состоитъ въ томъ, что она склонна смотрѣть на народъ, какъ на косную, безсмысленную толпу, которая вѣчно останется такою, если интеллигенція не одухотворитъ

ее своимъ чувствомъ и мыслью. Пора, наконецъ, отказаться отъ этого предразсудка и дать мѣсто въ нашей жизни народу, съ его особыми воззрѣніями и чувствами:—это только облегчитъ задачи лучшей части интеллигенціи, не говоря уже о требованіяхъ справедливости. Хотя у насъ и были славянофилы, считавшіе себя защитниками „народныхъ началъ“, но они немногимъ больше западниковъ знали русскій народъ и защищали народныя начала не на основаніи точнаго ознакомленія съ ними, а будучи увѣрены въ ихъ важности и необходимости, чисто теоретическимъ путемъ. Отсюда произошло то, что въ число „народныхъ началъ“ у нихъ вошли такіе элементы, которые не имѣли съ ними ничего общаго. Такимъ образомъ барско-либеральничающіе западники и оффиціально-мистическіе славянофилы равно не понимали и не знали народной души. Они одинаково искажали образъ этой души; одни—не признавая, чтобы подъ „невѣжественной“ внѣшностью могло быть что-нибудь хорошее; другіе—возводя даже пороки въ добродѣтель. *Славянофилы очень часто принимали оффиціальныя формы русской жизни за сутъ народной души* и этимъ оказывали народу медвѣжью услугу. Умственный кризисъ, господствующій въ настоящее время въ русской интеллигенціи, по отношенію къ народу, главнымъ образомъ произошелъ отъ болѣе внимательнаго изученія народной души, въ свою очередь зависѣвшаго отъ болѣе любовнаго отношенія къ народу.

Въ числѣ существующихъ у насъ органовъ общественнаго самоуправленія наибольшую важность представляютъ „міръ“ и земство. Первый состоитъ, какъ извѣстно, только изъ крестьянъ, среди которыхъ даже грамотность мало развита; второе устроено законода-

тельными мѣрами такъ, что почти вездѣ въ немъ преобладаютъ люди культурныхъ слоевъ, люди болѣе или менѣе просвѣщенные, хотя это просвѣщеніе, по большей части, и очень мизерно. Наша журналистика, занимаясь довольно усердно земствомъ, мало обращаетъ вниманія на дѣятельность «міровъ», а если и обращаетъ, то по преимуществу находитъ въ нихъ только недостатки: кулачество, пьянство и т. п. Правда, въ ней можно встрѣтить и другого рода мысли, но онѣ составляютъ ничтожную каплю въ господствующемъ умственномъ теченіи.

Мы постараемся здѣсь сравнить дѣятельность «міра», т. е. крестьянской массы, съ дѣятельностью земства, т. е. культурныхъ людей, въ области распредѣленія налоговъ. Посмотримъ, какими принципами руководствуются «міръ» и земство въ этой области, предоставленной государствомъ на ихъ собственное усмотрѣніе. Только посредствомъ сравненія жизненной дѣятельности этихъ двухъ группъ можно разрѣшить вопросъ, въ какой изъ нихъ лежитъ центръ тяжести дальнѣйшаго общественнаго развитія Россіи. Нужно не забывать, что дѣятельность каждой изъ этихъ группъ всегда будетъ опредѣляться, какъ это дѣлается и теперь, «среднимъ человѣкомъ» группы; всѣ надежды на то, что лучшей, хотя ничтожной числомъ, части культурныхъ людей удастся вести всю группу за собою, принадлежатъ къ области химеръ. Постараемся же узнать, къ чему способенъ средній человѣкъ каждой группы и какимъ принципамъ онъ подчиняетъ свою дѣятельность, такъ какъ только этимъ путемъ мы узнаемъ,—въ качествѣ тормаза или двигающей впередъ силы состоитъ группа при общественномъ прогрессѣ.

Начнемъ съ земства. Авторъ статьи „Принципы земскаго обложенія“ [1]) разсматриваетъ дѣятельность только костромскаго земства; но планъ обложенія этого земства можно считать типичнымъ для всѣхъ остальныхъ, за самымъ малымъ исключеніемъ. Планъ этотъ ‹съ наибольшей легкостью способенъ прозябать въ земской атмосферѣ; онъ характеризуетъ эту атмосферу, онъ показываетъ, что она есть и къ чему она способна, *какое направленіе она даетъ общественной жизни при естественномъ и свободномъ своемъ развитіи*“. Несмотря на туманъ, которымъ земства стараются прикрывать свои системы обложенія, „все болѣе распространяется убѣжденіе, что *земское обложеніе насквозь несправедливо*“. Сравните, говоритъ авторъ, наудачу нѣсколько окладныхъ листовъ съ земель, которыхъ доходъ вамъ извѣстенъ, и вы тотчасъ убѣдитесь, что между числомъ десятинъ этихъ участковъ и наложенными на нихъ сборами нѣтъ никакой пропорціональности, точно также, какъ нѣтъ никакой пропорціональности и между этими сборами и доходами съ земель. Сплошь и рядомъ земля, которая и по пространству своему обширнѣе, и по относительному достоинству и дѣйствительной относительной доходности своей гораздо значительнѣе, обложена однакоже меньшимъ сборомъ, чѣмъ ея злополучная сосѣдка, насчитывающая меньшее число десятинъ и обладающая худшей, бездоходной почвой“. Что же лежитъ въ основѣ этихъ земскихъ несправедливостей? Внѣшнимъ давленіемъ ихъ объяснить нельзя,—администрація мало вмѣшивается въ эти дѣла. Можетъ быть причиной служитъ халатность веденія общественныхъ дѣлъ? Къ несчастію, нѣтъ. Не небрежность, а „олигар-

[1]) «Отечественныя Записки». 1878 г. № 11.

хическія" стремленія—корень этого явленія. *Въ системахъ земскаго обложенія строго проведена тенденція „обратно-прогрессивнаго налога", т. е, такого, при которомъ чѣмъ бѣднѣе землевладѣлецъ, тѣмъ онъ больше платитъ.* Такъ, напримѣръ, «юрьевецкое земство опредѣлило среднюю цѣнность десятины крестьянскихъ земель положить въ 24 р., владѣльческія же оцѣнили ровно вдвое дешевле, т. е. въ 12 руб., однакоже эта оцѣнка сдѣлана была только для однихъ; земли менѣе счастливыхъ должны были оцѣниваться въ 17 р.» «Въ Костромскомъ уѣздѣ въ надѣлѣ у крестьянъ находится 172,587 дес. 1,685 саж., у прочихъ землевладѣльцевъ— 148,936 дес. 797 саж. Крестьяне платятъ земскихъ сборовъ 10,649 руб. 69 коп., *по 5 коп. съ десятины*, владѣльцы платятъ 4,566 р. 70 коп., *по 2 коп* , *т. е. больше чѣмъ вдвое менѣе.* Платежи всякаго рода костромскихъ крестьянъ, по вычисленіямъ податной комиссіи, превышаютъ доходъ отъ земли—для государственныхъ крестьянъ на 146%, для бывшихъ помѣщичьихъ— на 240%, слѣдовательно, въ качествѣ землевладѣльцевъ, они вовсе не могутъ быть привлечены къ земскому обложенію. Но такъ какъ земству желательно было взять подоходную подать и съ этихъ землевладѣльцевъ, которые не только никакого дохода не получаютъ, но получаютъ значительный дефицитъ, то управою и принятъ остроумный, но неслыханный и чудовищный пріемъ объективной оцѣнки, который даетъ возможность облагать подоходной податью и отсутствующіе доходы, и дефициты, и все что угодно, и по безгранично-произвольной оцѣнкѣ. Если читатель сравнитъ принципъ этой, такъ-называемой, объективной оцѣнки съ тѣмъ обстоятельствомъ, что государственные крестьяне получаютъ 146%, а бывшіе помѣщичьи 240%

ущербу, то онъ прямо убѣдится, что люди платятъ здѣсь обратно прогрессивный налогъ, т. е. тѣмъ болѣе, чѣмъ они бѣднѣе. Въ томъ же самомъ онъ убѣдится, если сравнитъ крестьянъ съ другими землевладѣльцами. Надѣльныя земли крестьянъ недавно и точно измѣрены и, кромѣ того, управа, распорядилась оцѣнивать ихъ на основаніи уставныхъ грамотъ, выкупныхъ договоровъ, владѣнныхъ записей, кадастровыхъ книгъ, между тѣмъ какъ *земли крупныхъ землевладѣльцевъ будутъ оцѣниваться исключительно по ихъ собственнымъ показаніямъ*, такъ какъ всѣ указанныя провѣрочныя средства: планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній, купчія крѣпости и прочее, за существенно измѣнившимися обстоятельствами, не могутъ оказывать оцѣнщикамъ почти никакой помощи». Итакъ, относительно земель крупныхъ землевладѣльцевъ «свѣдѣнія должны быть собираемы на мѣстахъ, непосредственно отъ *самихъ* владѣльцевъ, ихъ управляющихъ и арендаторовъ, *только въ крайнихъ случаяхъ отъ окольныхъ людей*. Что можетъ быть лучше, восхищается землевладѣлецъ, я самъ себя оцѣниваю, такъ сказать, самъ какую захочу, такую и налагаю на себя подать. При поверхностномъ взглядѣ, оно, конечно, выходитъ такъ, но вѣдь этого только и нужно достигнуть, тутъ все разсчитано на поверхностный взглядъ съ одной стороны и на подавляющій авторитетъ—съ другой. *Землевладѣлецъ успокоенъ, а затѣмъ дѣло ставится такъ, чтобы оно было въ рукахъ своихъ распорядителей*, чтобы его можно было повернуть, какъ того требуютъ обстоятельства». Заправляющая же группа въ земствѣ состоитъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, которые стремятся сложить общественныя тяжести съ своихъ земель на чужія, но сложить ихъ на однѣ крестьянскія земли просто невоз-

можно: «положеніе крестьянина, благодаря подавляющимъ платежамъ, сдѣлалось наконецъ до такой степени невыносимымъ, что многіе бросаютъ жену, дѣтей, землю, все, и бѣгутъ куда глаза глядятъ»; отсюда необходимость—часть изъ общественныхъ тяжестей возложить на крупныхъ землевладѣльцевъ, но все-таки не настолько крупныхъ, чтобы попасть въ олигархическую группу, ворочающую всѣми земскими дѣлами. Но чтобы совершать такіе подвиги, нужна тонкая сноровка и прикрытіе земскихъ оцѣнокъ туманомъ; все это и можно видѣть почти во всѣхъ земствахъ. Если крестьяне уплачиваютъ земству 12% съ своего, какъ мы видѣли выше, фиктивнаго дохода и даже дефицита, то недавно разбогатѣвшій и сдѣлавшійся землевладѣльцемъ крестьянинъ облагается управой 7% съ чистаго дохода и бываетъ «въ восторгѣ»; «онъ чувствуетъ себя вполнѣ привиллегированнымъ лицомъ сравнительно съ своими собратьями. Теперь онъ платитъ за 150 или 200 десятинъ, почти столько же, сколько онъ платилъ когда-то съ одного надѣла, т. е. съ $4^1/_2$ десятинъ, и вдвое менѣе, чѣмъ онъ платилъ за весь свой пай въ общественной землѣ. Бѣдный дворянинъ находится въ иномъ настроеніи; онъ сравниваетъ себя не съ крестьянами, а съ богатыми дворянами, и хотя его налогъ и равняется только 5% его чистаго дохода, но онъ все-таки волнуется и бѣжитъ въ управу объясняться. Управа передъ его взорами проводитъ сравненія совсѣмъ иного рода: она показываетъ ему, что крестьянинъ, имѣющій такую же землю, какъ и онъ, и обложенный болѣе значительнымъ сборомъ, все-таки доволенъ; ему указываютъ на общественныя, крестьянскія земли, которыя, при справедливомъ обложеніи, ничего не должны были бы платить, а платятъ все-таки болѣе частныхъ земле-

владѣльцевъ, и убѣждаютъ его, что современные порядки для него все-таки наиболѣе выгодны. Онъ также начинаетъ чувствовать себя привиллегированнымъ и успокоивается. У членовъ управы сваливается гора съ плечъ: *она можетъ удовлетворить теперь требовательности тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые, обладая участками, превышающими 250 дес., составляютъ центръ тяжести давленія на органы земскаго управленія*». Посмотримъ же, что платятъ земскіе олигархи. «Я представляю себѣ, говоритъ авторъ, какимъ ахиллесовскимъ гнѣвомъ разразился бы здѣшній землевладѣлецъ, получающій доходу 5,000 руб., еслибы онъ, получивъ докладъ управы, увидалъ, что ему придется платить земству 600 руб. въ годъ. Теперь же онъ прочтетъ докладъ безъ малѣйшаго волненія, потому что онъ очень хорошо видитъ, что ему не только не придется платить 12%, но и 3%, и даже 2% съ доходу; онъ очень хорошо понимаетъ, что этотъ, повидимому, чудовищный 12% окладъ составляетъ ничто иное, какъ звено, необходимое для созданія прикрытаго внѣшнимъ видомъ пропорціональности прогрессивнаго налога сверху внизъ, который сначала въ ариѳметической прогрессіи поражаетъ плательщика тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ бѣднѣе, а затѣмъ достигаетъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что даже и дефицитъ облагаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ значительнѣе". „Такимъ образомъ, *земство получаетъ на практикѣ окончательно олигархическую окраску*", а потому трудно ожидать, чтобы изъ него выработалось настоящее самоуправленіе. „Опасеніе, чтобы самостоятельность земства не сдѣлалась источникомъ бѣдствій для рабочаго населенія, будетъ побуждать общество сочувствовать административному вмѣшательству, какъ единственному средству для огражденія бѣд-

нѣйшей части населенія. Въ свою очередь административное вмѣшательство, т. е. вмѣшательство губернатора, по многимъ причинамъ не можетъ замѣнить собою истиннаго самоуправленія при распредѣленіи налога».

Теперь перейдемъ къ описанію системъ распредѣленія налоговъ въ средѣ, пользующейся нѣсколько отличнымъ отъ культурнаго самоуправленіемъ,—къ «міру».

Авторъ статьи „Принципы земскаго обложенія“ говоритъ, что „еслибы крестьяне на сельскихъ сходахъ дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ дѣйствуетъ земство, то и общиннаго владѣнія, и сельскаго самоуправленія давно бы не существовало“. Въ послѣднее время нѣкоторые поверхностные наблюдатели крестьянской жизни стали утверждать, что общинные порядки падаютъ, что крестьяне стремятся выбиться изъ-подъ власти общины и т. п. Но такой добросовѣстный изслѣдователь, какъ В. Трироговъ [1]) утверждаетъ: „никакого стремленія къ раздѣламъ общинныхъ земель на подворные участки мы не замѣчаемъ, да и допустить не можемъ“. Онъ приводитъ много фактовъ заарендованія крестьянами земель на тѣхъ-же общинныхъ началахъ, которыхъ они держатся на своемъ надѣлѣ. „Я спрашивалъ, говоритъ В. Трироговъ, многихъ крестьянъ—когда и кто приказалъ имъ, кто дозволилъ или разрѣшилъ владѣть и пользоваться землею сообща и передѣлять ее? Никто не могъ мнѣ отвѣтить на это. *Вся община одно твердила мнѣ, что она находитъ этотъ порядокъ вещей возможнымъ, справедливымъ и выгоднымъ*“.

Какой же системы распредѣленія налоговъ держится «міръ»? Сельское общество отмѣнило на практикѣ подушное и подесятинное обложеніе, обративъ его въ

[1]) В. Трироговъ. „Наши общины“, а также см. въ «Вѣстникѣ Европы», 1878 г. № 11, его же статью «Податная десятина».

подворно-похозяйственное". Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: въ Аряшанскомъ, напримѣръ, сельскомъ обществѣ по ревизіи 1858 года считалось 212 душъ, а потому „единицею податной мѣры была принята $^1/_{212}$ доля всѣхъ повинностей безъ различія, подъ названіемъ *душа*, а единицею земельной мѣры принята тоже $^1/_{212}$ доля земельнаго участка въ каждомъ полѣ, подъ названіемъ осьминника, т. е. $^1/_3$ десятины казенной мѣры. Словомъ, *осьминникъ* соотвѣтствуетъ *душѣ*.

„Эти души и осьминники распредѣляются по различнымъ дворамъ, но всегда въ одинаковыхъ числахъ на каждый отдѣльный дворъ; такъ, домохозяева, приняв шіе 1 душу повинностей, получили 1 осьминникъ лучшей и 1 осьминникъ средней земли. Домохозяева, получившіе 2 души повинностей, получили 2 осьм. лучшей земли и 2 осьминника средней земли, и такъ далѣе".

„Обращаясь къ причинамъ и соображеніямъ, которыми руководилось общество при подобномъ распредѣленіи земли по домохозяйствамъ, мы узнаемъ слѣдующее: еслибы общество было обязано придерживаться въ распредѣленіи земли ревизской сказки, опредѣлившей еще въ 1858 г. число душъ въ каждой семьѣ, тогда Афиногену Матвѣеву, въ семьѣ котораго значилось 3 ревизскихъ души, пришлось бы отвести 12 десятинъ изъ общей суммы земли; онъ самъ первый протестовалъ бы противъ этого и доказалъ бы, что такое количество ему ни къ чему, что онъ не осилитъ такого количества земли, ибо онъ теперь изображаетъ собою одного наличнаго 17-ти-лѣтняго работника и одну наличную душу: у него нѣтъ ни лошади для обработки земли, ни жены помощницы, а одна работница при домѣ—престарѣлая мать; тогда какъ семья Тихона Андреева, состоящая изъ 6-ти ревизскихъ душъ обоего пола, возрасла до

14 наличныхъ душъ обоего пола, явились и новые работники и прибавились новые ѣдоки, требующіе соотвѣтственнаго размѣра запасовъ хлѣба. Для нихъ не хватило бы продуктовъ съ того количества земли, которое указано положеніемъ по разсчету ревизской сказки.

Если-бы общество, съ устраненіемъ распредѣленія земли по разсчету ревизской сказки, приняло въ руководство одно только подворное подраздѣленіе своихъ членовъ, то тогда пришлось-бы въ 1866 году раздѣлить земли по числу дворовъ на 70 равныхъ частей, около 12 десятинъ на каждый дворъ, а въ 1876 г.—на 87 частей, около $9^3/_4$ десятинъ на каждый дворъ.

„При такомъ распредѣленіи, не говоря уже о затруднительной ломкѣ участковъ, уравнительность былабы также крайне несообразна съ общимъ экономическимъ положеніемъ многихъ домохозяйствъ, ибо на этомъ соображаніи семья Аѳиногена Матвѣева, состоящая изъ него самаго и матери, и семья Тихона Андреева, состоящая изъ 14 лицъ, получили бы для своего существованія поровну. Первая лишена физической возможности обработать причитающееся на нее количество земли, а для послѣдней это количество недостаточно; семья Тихона Андреева обладаетъ такими излишками личнаго труда, которые способны къ наибольшему выполненію обязанностей и удовлетворенію нуждъ общественныхъ и государственныхъ. Словомъ, общественная земля получаетъ экономическое значеніе по отношенію къ хозяйству не пропорціонально ея количеству, а въ прямой зависимости отъ физическихъ силъ и другихъ матеріальныхъ средствъ цѣлой семьи, цѣлаго экономическаго союза, который приметъ на себя ея эксплоатацію“. „Та-же десятина земли получаетъ различное значеніе, смотря по различію какъ самыхъ домохозяйствъ (многосемейныхъ, оди-

нокихъ и маломощныхъ), такъ и смотря по ихъ хозяйственному инвентарю, приспособленному къ ихъ физической силѣ, къ ихъ, такъ сказать, живому двигателю. Поясним это примѣромъ: хозяинъ-одиночка съ одною лошадью и хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми представляютъ рѣзкое различіе между собой и по отношенію къ ихъ осьминникамъ земли, т. е. земледѣлію, и по отношенію къ условіямъ другихъ работъ: а) хозяинъ-одиночка, маломощный, съ одною лошадью, пашетъ одинъ день, а другой день боронуетъ въ яровомъ полѣ; б) хозяинъ-одиночка съ двумя лошадьми въ одинъ и тотъ-же день и пашетъ, и боронуетъ, выигрывая и во времени, и въ качествѣ пашни, если стоитъ сухое время"; то же самое можно сказать и про остальныя занятія крестьянъ,—вездѣ имѣетъ преимущество хозяинъ двухъ лошадей. Значеніе инвентаря, а также и другихъ обстоятельствъ, сильно вліяетъ на экономическую силу дворовъ, такъ что «многодушныя семьи не всегда сильны экономически; такъ, напр., въ Аряшанскомъ обществѣ семьи Щукина и Горбунова по ревизскому счету и по наличности имѣютъ по 4 души, а по мірской раскладкѣ одна платитъ 3½ долей, а другая 7 долей повинностей». Итакъ «каждое домохозяйство получаетъ въ каждомъ полѣ земельные участки, но только не по числу ревизскихъ душъ и не по числу наличныхъ душъ, а соразмѣрно платежу повинностей и экономической силѣ, которая обыкновенно опредѣляется собраніемъ цѣлой общины". Такъ, напримѣръ, „Ерема Гагуринъ и Иванъ Гагуринъ въ 1876 году платили по двѣ доли повинностей, въ 1877 г. они заявили, что имъ тяжело платить столько; ихъ просьба была общиной уважена, съ нихъ сняли по ½ доли съ каждаго, а цѣлую долю наложили на Андрея Янина, платившаго одну долю·

Андрей Янинъ протестовалъ противъ этого, но общество убѣдило его принять еще одну долю„.

Такимъ образомъ мы видимъ, что «*міръ» распредѣляетъ налоги сообразно экономической силѣ дворовъ.* На этомъ началѣ сельское общество «основало всѣ свои разсчеты и не затруднилось *по возможности равномѣрно* распредѣлить между своими членами всѣ земельныя угодья и всѣ тягости, лежащія на немъ по удовлетворенію нуждъ общественныхъ (мірскихъ), провинціальныхъ (земскихъ) и государственныхъ (податныхъ)". Такъ, въ Аряшанскомъ обществѣ находится 57 дворовъ бездушныхъ, маломощныхъ и одинокихъ, среднихъ-же и сильныхъ только 30 дворовъ; при этомъ „большая часть всей суммы повинностей легла не на большую часть домохозяйства, какъ бы слѣдовало ожидать (если-бы крестьяне руководились земскими принципами, замѣтимъ мы), а на меньшую. Изъ 212 долей всѣхъ повинностей, равняющихся суммѣ 2,607 р. 60 к., на большее количество дворовъ (57), т. е. $^2/_3$ ихъ, перешло лишь 100 долей, или 1,230 рублей, тогда какъ на долю меньшаг количества дворовъ (30), только на $^1/_3$ всего ихъ количества, перешло 112 долей, или 1,377 р. 60 к.»

Для иллюстрировки тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между „міромъ" и его отдѣльными членами, мы приведемъ разговоръ г. Трирогова съ нѣкіимъ Еремой:

— Скажи, пожалуйста, Ерема, когда ты просилъ у міра сбавить съ тебя души, что міръ не очень противился, легко тебѣ было развязаться съ этимъ дѣломъ?

— У насъ общество небольшое, два три, да и обчелся, не то что у Котенскихъ,—тамъ на сходѣ безъ малаго цѣлый день *галдежъ галдятъ*; когда пришло время, я старикамъ молвилъ: „старыхъ душъ мнѣ дер-

жать не приходится, лошадешку продалъ, другую—не знаю куплю-ли, нѣтъ-ли; если что будетъ далѣе—опять возьму ихъ; ну, они сами видятъ, что не тотъ мой сустатокъ. Тутъ сталъ просить и Иванъ—сбавьте, говоритъ, и съ меня. Ну, что, говорятъ, сбавить надо. А на кого наложить—подъ часъ другого и не спрашиваютъ, самъ уже видитъ—ему не миновать, или ребята подростаютъ, чтобы безъ работы не остались—одну душенку я, говоритъ, возьму. А тамъ пришелъ другой годъ, продолжалъ про себя Гагуринъ:—охота пришла прибавить посѣву, жеребенокъ подросъ, давайте, баю, мои старыя души, ну и отдали.

— А не было такого случая, или не слыхалъ-ли, чтобы міръ понажалъ кого — мало-ли какіе бываютъ люди, ихъ тамъ не одинъ?

— Нѣтъ, этого не было, *міръ всякаго жалѣетъ*».

Какой-же выводъ можно сдѣлать изъ сдѣланнаго намп сопоставленія дѣятельности двухъ общественныхъ сферъ—земства и міра? Какая изъ нихъ больше воплощаетъ въ своей дѣятельности основного начала всякой общественности, справедливости? Намъ кажется, что рѣшить этотъ вопросъ нетрудно, и что рѣшеніе будетъ въ пользу „міра“ .

Въ послѣднее время среди интеллигенціи очень часто подымается вопросъ о сравнительной настоятельности экономическихъ и юридическихъ реформъ, причемъ многими признается только необходимость экономическихъ улучшеній, юридическія же отвергаются на томъ будто-бы основаніи, что русскій народъ не созналъ ихъ необходимости, а потому и нѣтъ нужды въ этихъ улучшеніяхъ, такъ какъ государству незачѣмъ

опережать народное сознаніе. Эта мысль, что нашъ народъ не сознаетъ необходимости юридическихъ улучшеній, считается въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества чуть-ли не аксіомой. Многіе утверждаютъ, что достаточно освободить крестьянина отъ волостного писаря, урядника и станового пристава, чтобы исполнить вполнѣ мечты крестьянъ объ измѣненіи ихъ юридическаго быта; по ихъ мнѣнію, мысль народа сосредоточена исключительно на экономическихъ реформахъ [1]).

Признавая вполнѣ правильной мысль о первостепенной важности экономическихъ преобразованій въ глазахъ народа, мы не можемъ согласиться съ утвержденіями, будто-бы его мысль сосредоточена исключительно на нихъ однихъ. Многочисленные факты доказываютъ,

[1]) У насъ очень многіе любятъ распространяться о политическомъ неразвитіи русскаго крестьянства. При этомъ подразумѣваютъ, что западно-европейское крестьянство въ этомъ отношеніи далеко ушло впередъ. Но вотъ—факты. На 49 съѣздѣ Британской ассоціаціи для развитія наукъ Тэйлоръ сообщалъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, все крестьянское населеніе сѣверной Германіи было взволновано Крестьяне были увѣрены, что всѣхъ католическихъ дѣтей съ черными волосами и голубыми глазами вышлютъ за границу, по словамъ однихъ —въ Россію, по словамъ другихъ—въ Турцію, такъ какъ прусскій король поставилъ на карту 40,000 черноволосыхъ и голубоглазыхъ дѣтей и проигралъ ихъ султану. Одному народному учителю удалось успокоить крестьянъ. онъ сталъ увѣрять, что нужны де дѣти съ синими волосами и зелеными глазами. Психологъ Шварцъ объясняетъ происхожденіе этой легенды слѣдующимъ образомъ: по просьбѣ берлинскаго антропологическаго общества была дѣлана перепись дѣтямъ въ школѣ съ записью цвѣта глазъ и волосъ, народъ недоумѣвалъ и, помня, какъ его короли продавали цѣлые полки на службу чужимъ королямъ и принявъ во вниманіе шедшіе между Россіей и Пруссіей переговоры,—создалъ легенду. („Мысль“ 1880 г. № 2, стр. 185; а также „Слово“ 1879 г. № 10.

что нетолько интеллигенція стремится къ юридическимъ улучшеніямъ, но и народъ. Правда, между стремленіями интеллигенціи и народа есть нѣкоторая разница: первая идетъ путемъ дедуктивнымъ, а второй — индуктивнымъ. Интеллигенція старается создать стройный планъ будущаго, вполнѣ законченнаго юридическаго зданія, причемъ она обращаетъ вниманіе больше всего на вѣнецъ этого зданія и, исходя изъ его требованій, подгоняетъ къ нему всю остальную постройку. Народъ, напротивъ, имѣетъ самыя смутныя понятія о вѣнцѣ зданія; всѣ его усилія направлены на основы, на нижнія части зданія, но планъ ихъ таковъ, что при дальнѣйшей работѣ, необходимой для законченности зданія, несомнѣнно придется прибѣгнуть къ плану интеллигенціи.

Въ міросозерцаніи народа мы находимъ элементы такихъ юридическихъ преобразованій, которыя при дальнѣйшемъ своемъ развитіи (необходимо вытекающемъ изъ ихъ существа), ведутъ къ постройкѣ стройнаго юридическаго зданія, надъ которымъ работаетъ и мысль интеллигенціи. Нѣтъ сомнѣнія, что наше крестьянство стремится: во-первыхъ, къ усиленію мѣстнаго самоуправленія; во вторыхъ, къ сближенію съ царской властью посредствомъ выборныхъ ходоковъ, помимо бюрократіи, и, въ-третьихъ, къ свободѣ вѣроисповѣданія. Осуществленіе этихъ стремленій дало бы, по нашему мнѣнію, такіе результаты, которыми удовлетворилась-бы и интеллигенція. Въ сущности, никакого антагонизма между юридическимъ сознаніемъ народа *и лучшей части нашей интеллигенціи* не существуетъ, насколько, разумѣется, сознаніе этой послѣдней не является направленнымъ на ея исключительные интересы.

Посмотримъ поближе на тѣ три элемента народнаго юридическаго сознанія, о которыхъ мы говоримъ.

Нельзя отрицать, что наше крестьянство, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, стремится къ независимости своей мѣстной. общинной жизни отъ бюрократическихъ вліяній. Несмотря на многовѣковое стремленіе государства къ господству централизаціи надъ самостоятельностью мѣстной жизни, наше крестьянство успѣло отстоять до нѣкоторой степени ея независимость. Собственно говоря, до самаго послѣдняго времени, у насъ только крестьянское сословіе пользуется нѣкоторою долею мѣстнаго самоуправленія: всѣ остальныя вполнѣ подчинились государственному вліянію. Въ то время, какъ юридическая жизнь дворянскаго, купеческаго и мѣщанскаго сословія регулируется сводомъ законовъ и вообще правительственныхъ распоряженій, только крестьяне пользуются правомъ слѣдовать своимъ юридическимъ обычаямъ, сложившимся въ юридическомъ сознаніи народа, помимо свода законовъ. Мы видимъ, что десятки милліоновъ русскаго народа владѣютъ землею на общинныхъ началахъ, а между тѣмъ сводъ законовъ, можно сказать, не знаетъ его и все свое вниманіе обращаетъ на частную поземельную собственность. Очевидно, что мѣстная жизнь крестьянства стремилась постоянно къ независимости отъ бюрократическихъ вліяній и шла своимъ путемъ, насколько это было возможно. Такимъ образомъ, мы вправѣ сказать, что наше крестьянство стремится отстоять независимость мѣстной жизни отъ опредѣленій бюрократіи и ставитъ ходъ этой жизни въ зависимость отъ своего міросозерцанія. Если-бы желанія крестьянъ были удовлетворены, то господство бюрократіи надъ русской жизнью было-бы подсѣчено въ

самомъ корнѣ, и ей оставалось-бы только хирѣть болѣе или менѣе быстро, смотря по осуществленію другихъ стремленій народа.

Вторымъ элементомъ юридическаго сознанія народа мы, какъ было сказано выше, считаемъ стремленіе къ сближенію съ царской властью посредствомъ выборныхъ ходоковъ. Вполнѣ довѣряя царской власти, нашъ народъ крайне недовѣрчиво относится къ властямъ, отдѣляющимъ его отъ Верховнаго Самодержца русской земли. Онъ убѣжденъ, что всѣ его бѣдствія, насколько они зависятъ отъ государственнаго устройства, были-бы прекращены, еслибы Царь узналъ о нихъ; понятно, что онъ приходитъ къ мысли обратиться къ Царю непосредственно, помимо тѣхъ, которые, по его мнѣнію, только заботятся о себѣ и не допускаютъ его жалобъ къ Царю. Вотъ это-то исконное стремленіе къ общенію съ царской властью, къ непосредственному изложенію своихъ нуждъ и мыслей самому Царю, помимо бюрократическихъ инстанцій, можетъ быть удовлетворено путемъ организаціи періодическаго появленія предъ Царемъ выборныхъ представителей мѣстныхъ нуждъ и потребностей. Какъ извѣстно, во многихъ мѣстахъ между крестьянами распространился слухъ о томъ, что еще покойный Государь будто-бы стремился организовать нѣчто подобное. Несомнѣнно, что введеніе въ нашу жизнь подобнаго рода организаціи повело бы за собою то, что дѣятельность государства была бы направлена въ интересахъ крестьянства въ большей степени, нежели это есть теперь. Понятно, что удовлетворить народное желаніе можно только путемъ болѣе правильной организаціи выборныхъ представителей, являющихся теперь случайно, въ видѣ ходоковъ, безъ всякой системы.

Третьимъ элементомъ юридическаго сознанія народа, стремящимся преобразовать нашъ юридическій бытъ, нужно считать ясно высказанную потребность въ свободѣ вѣроисповѣданія. Существованіе многомилліонной массы всякаго рода сектантовъ указываетъ на то, что въ нашей жизни вполнѣ сложилась потребность въ свободѣ религіозныхъ идей.

Свобода вѣроисповѣданія подразумѣваетъ и свободу проповѣди всякаго рода религіозныхъ идей. Еслибы желанія нашихъ сектантовъ были удовлетворены, то они получили бы право пропаганды своихъ религіозныхъ идей, а слѣдовательно и право свободно высказывать ихъ всякими способами, между прочимъ и печатно. Но само собою разумѣется, что невозможно дать свободу религіознымъ идеямъ, не давъ ея идеямъ вообще. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ религіозныхъ идей тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о свободѣ идей вообще: разрѣшеніе одного изъ нихъ подразумѣваетъ и разрѣшеніе другого.

Но свобода вѣроисповѣданія подразумѣваетъ въ себѣ нетолько свободу идей, свободу печати, но и свободу собраній. Безъ свободы собраній не можетъ быть полной религіозной свободы. Если, напримѣръ, уряднику предоставлено право закрывать собранія, то понятно, что этимъ фактически уничтожено право свободно исповѣдывать свою религію. Врядъ-ли онъ съумѣетъ отличить чисто политическое сборище отъ тѣхъ религіозныхъ бесѣдъ многихъ сектантовъ, на которыхъ обсуждаются разные нравственные вопросы, а слѣдовательно затрогиваются общественно-политическія отношенія. Очень часто вся сущность религіозныхъ собраній и состоитъ въ обсужденіи и рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, такъ что вмѣшательство низшихъ агентовъ власти по-

вело бы только къ многочисленнымъ препирательствамъ и недоразумѣніямъ. Нетолько уряднику, но и глубочайшему философу трудно опредѣлить, что относится къ сферѣ религіи, а что нѣтъ. Извѣстно даже, что многіе мыслители относятъ къ области религіи и всѣ наши общественно-политическія воззрѣнія. Того же самаго придерживается большинство нашихъ сектантовъ, и было бы напрасно убѣждать ихъ, что общественные вопросы не должны разрѣшаться на религіозной почвѣ. Такъ какъ выдѣлить религіозныя собранія изъ всѣхъ остальныхъ очень трудно, то и свобода этихъ собраній должна сопровождаться расширеніемъ свободы собраній вообще.

Итакъ, осуществленіе во всей полнотѣ трехъ элементовъ народнаго юридическаго сознанія повело бы за собою коренное улучшеніе нашего юридическаго быта именно въ томъ направленіи, на которое указываетъ и лучшая часть интеллигенціи. Поэтому всѣ ссылки нашихъ ретроградовъ и либераловъ на отсутствіе въ народѣ сознанія о необходимости поступательнаго движенія въ юридическомъ быту—результатъ недомыслія и небрежнаго анализа народнаго міросозерцанія.

ГЛАВА X.

Экономическіе вопросы и духовныя потребности.

Въ настоящее время для всякаго мало-мальски образованнаго русскаго человѣка понятіе объ общественномъ прогрессѣ связывается съ понятіемъ о разрѣшеніи экономическихъ задачъ, поставленныхъ какъ наукою, такъ и жизнью нашего столѣтія. Но мысль о первенствующемъ значеніи экономическихъ вопросовъ многихъ привела къ ошибочному выводу, будто эти вопросы суть вопросы желудка, выдвигаемые, главнымъ образомъ, необходимостью удовлетворить физическимъ потребностямъ человѣчества, и ихъ первенствующее значеніе многіе ставятъ въ прямую зависимость отъ первенствующаго значенія физическихъ потребностей человѣка. Благодаря этой ошибочной постановкѣ экономическихъ вопросовъ, ихъ противники имѣли возможность полемизировать съ ненравящимся имъ теченіемъ русской мысли, подъ флагомъ удовлетворенія прежде всего нравственныхъ потребностей человѣка. Они стали отождествлять экономическіе вопросы съ стремленіемъ къ удовлетворенію чисто физическихъ потребностей, и такъ какъ со стороны защитниковъ этихъ вопросовъ не послѣдовало никакихъ разъясненій, то это отождествленіе было какъ бы признано справедливымъ обѣими сторонами.

По нашему мнѣнію, это совершенно ложно. Стремленіе разрѣшить экономическія неурядицы есть результатъ тѣхъ же духовныхъ побужденій, которыя двигали человѣчествомъ въ его стремленіяхъ разрѣшить религіозные и правовые вопросы. Не безъ основанія указывали на то, что во всѣхъ религіозныхъ и правовыхъ движеніяхъ замѣтна примѣсь экономическаго элемента, но было бы несправедливо утверждать, что этотъ элементъ составлялъ суть движенія. Нужно было много вѣковъ для того, чтобы человѣчество убѣдилось, что его желанія могутъ быть осуществлены только при полномъ разрѣшеніи экономическихъ неурядицъ; нужно было много неудавшихся опытовъ, чтобы убѣдить человѣчество, что его духовныя стремленія получатъ свое осуществленіе только съ разрѣшеніемъ экономическихъ задачъ. То, что прежде являлось въ видѣ смутнаго, полусознательнаго пониманія, то теперь получило форму научной истины.

Вопросы желудка, разумѣется, имѣютъ извѣстный интересъ,—безъ ихъ удовлетворенія немыслимо существованіе человѣка; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они играли первенствующую роль въ его жизни. Какъ только онъ имѣетъ извѣстный minimum необходимаго для его существованія, онъ уже, сравнительно, мало обращаетъ вниманія на удовлетвореніе физическихъ своихъ потребностей, и если продолжаетъ заниматься улучшеніемъ своего экономическаго положенія, то уже не ради желудка, а по разнымъ духовнымъ побужденіямъ. Такъ, всякій прекрасно понимаетъ, что *личная независимость немыслима безъ экономической независимости*; стремленіе сравняться съ другими членами общества въ одеждѣ, пищѣ, жилищѣ, по большей части, является по духовнымъ, а не по физическимъ

побужденіямъ. Тутъ участвуетъ и стремленіе къ равенству,—быть не ниже другихъ,—и тщеславіе, побуждающее быть выше другихъ. Люди голодаютъ для того, чтобы имѣть возможность, хотя въ праздникъ, быть равноправными членами той „публики", въ которой только извѣстная „приличная" внѣшность даетъ право на уваженіе и почтительное обхожденіе. Люди голодаютъ и по копѣйкамъ сколачиваютъ капиталы для того, чтобы хоть подъ старость испытать сладкое чувство довольства, которое дается личной независимостью. Видя, что люди больше всего заботятся объ устройствѣ своего экономическаго быта, многіе, ни съ того, ни съ сего, рѣшаютъ, что главный стимулъ ихъ жизни—удовлетвореніе физическимъ потребностямъ. Въ этомъ случаѣ, *извѣстный способъ въ достиженіи цѣлей принимается за самую цѣль*. Распространенію этого ложнаго мнѣнія сильно способствовало то горделивое отношеніе къ простому классу, какимъ отличается интеллигенція. Сознавая вполнѣ ясно, что она, интеллигенція, отнюдь не живетъ одними физическими побужденіями, что они играютъ совершенно незначительную роль въ ея жизни, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не хотѣла допустить того же самаго относительно «невѣжественныхъ» массъ народа. Замѣчая, что эти массы на первомъ планѣ ставятъ разрѣшеніе экономическихъ бѣдствій, она видѣла въ этомъ только стремленіе набить желудокъ куринымъ мясомъ, и не замѣчала, благодаря своей экономической обезпеченности, тѣхъ духовныхъ страданій, которыя являются результатомъ экономическихъ неурядицъ. Отсюда родились въ интеллигенціи тѣ благія намѣренія, которыя Генрихъ IV выразилъ пожеланіемъ видѣть у каждаго крестьянина курицу въ супѣ. При этомъ совершенно не думали о духовной личности крестьянина; главное было—

накормить его куринымъ мясомъ. Превратить его въ машину, лишить независимости и самостоятельности, но дать лучшую пищу, одежду, жилище,—сдѣлалось любимой мечтой той части интеллигенціи, которая, однакоже, для себя избрала девизъ: «не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ». Отсюда же вытекало настойчивое изслѣдованіе народной жизни съ одной только стороны—экономическихъ бѣдствій. Интеллигенція взяла на себя задачу излечить эти бѣдствія, но и не подумала, въ своихъ поискахъ за лекарствомъ, обратиться къ изученію взглядовъ на этотъ предметъ самого народа. Да и не вѣрила она въ возможность ихъ существованія. Народъ глупъ, невѣжественъ и жаждетъ только курицы; такъ поможемъ ему, думала интеллигенція, добыть эту курицу; какъ добыть ее—мы знаемъ сами и справляться съ мнѣніемъ благодѣтельствуемыхъ не зачѣмъ, ибо такового у нихъ нѣтъ:—курица есть альфа и омега ихъ существованія.

Много усилій было употреблено въ литературѣ для доказательства прямого соотвѣтствія между количествомъ знаній и значеніемъ духовныхъ побужденій въ жизни человѣка. Признавъ это положеніе за истину, наша интеллигенція получила возможность поставить себя на недосягаемую духовную высоту сравнительно съ невѣжественной массой, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказывать, что въ исторіи народныхъ массъ играютъ роль только желудочныя стремленія. Видя въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій первенствующую роль экономическихъ вопросовъ, она не задумалась приписать это явленіе физическимъ побужденіямъ, такъ какъ такое объясненіе совпадало съ ея теоретическимъ взглядомъ на народъ, не обладающій, по ея мнѣнію, никакими знаніями. И вотъ, по мановенію интеллигентной руки, религіозныя

и правовыя распри прежняго времени тоже превратились въ распри изъ-за куска хлѣба.

Спѣшимъ оговориться, что мы не отрицаемъ въ этихъ явленіяхъ извѣстной доли желудочныхъ вопросовъ; вѣдь всѣ эти общественныя явленія суть продуктъ человѣческой личности и отражаютъ въ себѣ всѣ ея потребности, въ томъ числѣ и чисто-физическія; мы протестуемъ только противъ сведенія всѣхъ религіозныхъ и правовыхъ вопросовъ на экономическій, а этого послѣдняго на желудочный. Много терпѣнія и труда употреблялось на то, чтобы доказать несомнѣнное присутствіе во всѣхъ народныхъ движеніяхъ экономическихъ стремленій, и если-бы изслѣдователи ограничились этимъ, то заслуживали-бы только благодарности; но они не поняли, что подъ экономическими стремленіями народа кроются не только желанія матеріальныхъ благъ, а и множество духовныхъ потребностей. Иначе они-бы не превращали народъ въ скопище людей, живущихъ только матеріальными благами и стремящихся только къ нимъ; они-бы поняли, что у людей невѣжественныхъ, такъ-же какъ и ученыхъ, духовныя потребности гораздо интенсивнѣе и шире физическихъ. Правда, всѣ эти недоразумѣнія были результатомъ благихъ намѣреній выдвинуть на первый планъ то, что и сами народы считали первой необходимостью, но это только уменьшаетъ ихъ вину, а не оправдываетъ вполнѣ. Ихъ взгляды были причиной того презрѣнія къ массамъ которое составляло, втеченіе многихъ лѣтъ, характерную черту „людей не отъ міра сего“, искренно стремившихся помочь этимъ массамъ. Стремясь помочь, они не могли не презирать благодѣтельствуемыхъ, такъ какъ уважать человѣка, не имѣющаго почти никакихъ духовныхъ стремленій,—невозможно. Если въ основѣ жизни

массъ лежитъ только стремленіе сытно и вкусно ѣсть, сладко пить, мягко спать, то понятно, что люди, лишающіе себя всего этого ради обезпеченія жизненныхъ благъ другимъ, безконечно выше этихъ массъ. Можетъ даже явиться вопросъ: да стоитъ-ли тратить лучшія силы изъ-за удовлетворенія животныхъ потребностей какихъ-то полускотовъ? И отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ весьма затруднителенъ при вышеупомянутомъ взглядѣ на человѣчество. Другое дѣло будетъ въ томъ случаѣ, если мы поймемъ, что въ основѣ даже экономическихъ стремленій лежатъ духовныя потребности, и что они служатъ гораздо болѣе сильнымъ стимуломъ для возбужденія экономическихъ вопросовъ, нежели матеріальныя потребности, хотя, разумѣется, и эти потребности ищутъ своего удовлетворенія. Мы не можемъ не сочувствовать тѣмъ стремленіямъ, которыя основаны на духовныхъ потребностяхъ человѣчества, такъ какъ симпатія къ нимъ существуетъ у каждаго изъ насъ; между тѣмъ стремленія, основанныя на матеріальныхъ потребностяхъ, никогда не могутъ вызвать въ насъ этой симпатіи, такъ какъ мы даже въ себѣ не особенно склонны уважать эти стремленія. Исключеніемъ могутъ быть только тѣ случаи, когда люди не имѣютъ даже того необходимаго minimum'а, безъ котораго немыслима правильная и здоровая жизнь.

Изъ исторіи западно-европейскихъ народовъ мы можемъ узнать, какое могучее вліяніе оказываютъ духовные стимулы на жизнь народныхъ массъ. Эти массы выступали на арену исторіи не только съ цѣлью разрѣшить экономическія затрудненія, но и для рѣшенія религіозныхъ и правовыхъ вопросовъ. Было-бы большой натяжкой сводить религіозныя движенія на экономическую, а тѣмъ болѣе матеріальную почву; если въ нихъ

и замѣтна сильная примѣсь экономическихъ стремленій, то это все таки не даетъ намъ права игнорировать чисто-религіозную сторону вопроса, которая въ нихъ была несомнѣнно. Стремленіе защитить свой духовный міръ отъ внѣшняго грубаго вмѣшательства — характерная черта многихъ и многихъ движеній. Тутъ дѣло шло не о кускѣ хлѣба, не объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей, а о правѣ выбирать каждому свою духовную пищу, о правѣ на самоопредѣленіе своихъ отношеній къ божеству. И чѣмъ глубже было религіозное чувство, чѣмъ сильнѣе вѣра въ это божество, тѣмъ могучѣе было стремленіе къ разрѣшенію религіозныхъ вопросовъ. Много крови и слезъ пролило человѣчество, прежде чѣмъ добилось той тихой религіозной пристани, которая носитъ названіе «свободы вѣроисповѣданія» и тѣсно связанной съ ней свободы убѣжденій вообще. Усилія, сдѣланныя человѣчествомъ для достиженія этой пристани, были по преимуществу чисто-духовнаго свойства. Много толкуютъ объ участіи въ религіозныхъ движеніяхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ, имѣвшихъ въ виду поживиться на счетъ прежнихъ руководителей религіозной жизни; мы вполнѣ признаемъ этотъ фактъ, но думаемъ, что не эти хищническія желанія немногихъ возбудили движенія народныхъ массъ; алчность хищниковъ была раззадорена возможностью легкой поживы, но не подготовила эту возможность.

Часто приходится наталкиваться и на мнѣнія о вліяніи матеріальныхъ интересовъ на переходъ изъ православія въ сектантство. Указываютъ, напримѣръ, на такой фактъ: священникъ не хотѣлъ хоронить умершаго крестьянина иначе, какъ получивъ съ семьи 3 р., которыхъ у нея не оказалось. Семья была принуждена продать послѣднюю корову, молоко которой было необхо-

димо для дѣтей. Умершій похороненъ, священникъ получилъ свои 3 р., дѣти остались безъ молока; но оказывается, что дѣло этимъ не кончилось—семья перешла въ штундизмъ. Изъ этого факта дѣлаютъ заключеніе, что крестьяне переходятъ въ штундизмъ изъ-за того, чтобы не платить разныхъ поборовъ духовенству. Смѣемъ утверждать, что это умозаключеніе неправильно. Не матеріальные интересы руководили семьей, а оскорбленное религіозно-нравственное чувство. Требованіе священника дискредитировало его личность въ глазахъ семьи, и такъ какъ она не съумѣла понять, что не должно смѣшивать представителя религіи съ самой религіей, то это было первымъ толчкомъ для разныхъ сомнѣній, которыя и были разрѣшены какимъ-нибудь штундистомъ. Что матеріальные интересы тутъ ни при чемъ, видно изъ того, какъ эта же семья стойко переноситъ и насмѣшки своихъ содеревенцевъ, и другія непріятности, подчасъ стоющія очень дорого.

Кромѣ стремленій къ свободѣ вѣроисповѣданія, въ жизни народовъ были и другія, доказывающія силу нравственныхъ потребностей человѣчества. Юридическое равенство долго считалось западно-европейскими народами панацеей отъ всѣхъ духовныхъ золъ, въ томъ числѣ и отъ экономической зависимости личности. Ошибка, эта по нашему мнѣнію, вполнѣ простительна нашимъ предкамъ. Изучая исторію своихъ народовъ, они замѣтили, что юридическая и экономическая зависимость однихъ отъ другихъ создана однимъ и тѣмъ же фактомъ завоеванія, т. е. фактомъ юридическаго неравенства. Изъ этого они заключили, что уничтоженіе этого неравенства дастъ полное удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ человѣчества; если они и ошиблись, то только потому, что не имѣли предъ глазами опыта, который

есть у насъ. Они не знали, что разъ созданная экономическая зависимость питается сама изъ себя и не умретъ вмѣстѣ съ факторомъ, ее породившимъ. Такъ какъ они считали экономическую зависимость только естественнымъ результатомъ юридической, то понятно, что всѣ ихъ помыслы были сосредоточены на этой послѣдней. Намъ кажется, что не предстоитъ надобности доказывать, что движеніе по поводу расширенія юридическихъ правъ народныхъ массъ не имѣетъ характера стремленій къ матеріальнымъ благамъ; если они и имѣлись въ виду, то ставились на самый задній планъ. А между тѣмъ сколько усилій употреблено было для достиженія цѣли, имѣвшей въ виду почти исключительно духовныя потребности человѣка.

Исторія народовъ указываетъ намъ, что они отдаютъ преимущество удовлетворенію своихъ духовныхъ потребностей передъ удовлетвореніемъ физическихъ. Зная это, мы легко поймемъ, что и нынѣшнія формы народныхъ стремленій суть только извѣстная модификація тѣхъ же неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, по преимуществу. Опытъ доказалъ, что экономическая зависимость способна развиваться въ настоящее время безъ помощи юридической,—такимъ образомъ духовная личность человѣка оказывается не свободной отъ духовнаго же давленія, производимаго экономической зависимостью. Нужно было поискать новыхъ средствъ для избавленія ея отъ этого зла — этимъ и объясняется возникновеніе экономическихъ вопросовъ. Улучшеніе экономическихъ формъ общества— это только новый способъ лечить старыя язвы. Матеріальные интересы, разумѣется, играютъ извѣстную роль въ наше время, такъ же какъ это было и во время религіознаго и правоваго періода; но не эти интересы являются характерной чертой нашего эконо-

мическаго періода. Цѣли остались того-же характера, т. е. стремленіе по преимуществу удовлетворить духовныя потребности человѣка; но только эти духовныя потребности человѣка въ настоящее время поняты шире, возвышеннѣе, а потому потребовался и другой путь для ихъ удовлетворенія. Человѣчество поняло, что духовное довольство личности зависитъ отъ экономическихъ формъ жизни не въ меньшей степени, какъ отъ юридическихъ и религіозныхъ. Это и служитъ причиной и оправданіемъ того, что экономическіе вопросы требуютъ для себя особеннаго вниманія общества.

ГЛАВА XI.

Интеллигенція и народъ. Интересы науки и высшаго образованія.

Глубокая рознь, существующая между интеллигенціей и народомъ, ихъ полное незнаніе и непониманіе другъ друга, тяжело отзываются на сердцѣ русскаго человѣка. Эта рознь—горькое наслѣдіе прошлыхъ временъ рабства—еще долго будетъ смущать нашу интеллигенцію, если она не пойметъ, что въ этомъ главнымъ образомъ виновата она сама. Нечего удивляться, что народъ совершенно ею не интересуется и не знаетъ ея. Вѣдь она, по преимуществу, сосредоточивается въ городахъ и если завязываетъ сношенія съ мужикомъ, то не ради его самого и его нуждъ, а имѣетъ въ виду свои собственные интересы. Представителями интеллигенціи мужикъ видитъ у себя помѣщика, сдающаго ему землю въ аренду или загоняющаго его скотъ, станового пристава, взыскивающаго подати, судебнаго пристава, продающаго его пожитки по иску того-же помѣщика или-же его сосѣда деревенскаго кулака, и т. д., и т. д. Всѣ эти сношенія—чисто формальнаго свойства, въ которыхъ мужику достается пассивная, страдательная роль. И такъ

было сотни лѣтъ. Взглядъ мужика сложился и успѣлъ окрѣпнуть до полнаго, несокрушимаго убѣжденія именно подъ вліяніемъ этихъ отношеній. А что сдѣлала интеллигенція, чтобы внести больше искренности, больше любви и пониманія въ свои отношенія къ мужику? Ровно ничего. Если она и пыталась въ послѣднее время помочь нуждамъ мужика, то, благодаря вѣковой розни и полному незнанію его быта, эти попытки оставались безплодны. Мужикъ, правду говоря, ихъ и не замѣтилъ. Да и трудно было замѣтить эту тонкую струйку среди сильнаго противоположнаго теченія. Для мужика вся интеллигенція окрашена въ одинъ цвѣтъ, однимъ муромъ мазана. Какъ свѣтлякъ, сидящій гдѣ-нибудь подъ кустомъ, не превращаетъ глубокой ночи въ свѣтлый день, такъ разные народолюбцы, со всѣми своими затѣями, имѣющими цѣлью облагодѣтельствовать мужика, не могутъ измѣнить его взгляда на интеллигенцію. Что значатъ ихъ усилія въ сравненіи съ усиліями цѣлой интеллигентной массы? Да и давно-ли появились попытки сломить ту вѣковую стѣну недовѣрія, которая раздѣляетъ насъ отъ народа?

Кромѣ того, нужно сознаться, первые опыты благодѣтельствовать были вполнѣ неудачны. Въ гордой увѣренности относительно своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ мужикомъ,—увѣренности, полученной нами въ наслѣдство отъ нашихъ отцовъ, а не явившейся, какъ результатъ изученія мужика,—мы и не подумали обратиться къ нему съ вопросомъ, что собственно ему нужно. Мы сами рѣшили, что ему нужны ссудо-сберегательныя кассы, артельныя сыроварни, школы и т. п. Много и долго шумѣли мы по поводу всѣхъ этихъ кассъ и сыроварень,—наконецъ, онѣ съ успѣхомъ насаждены среди неприглядныхъ мужицкихъ деревень.

Мы ждемъ-не-дождемся результатовъ нашей дѣятельности и въ умиленіи проливаемъ слезы, читая въ газетахъ извѣстіе о „счастливомъ событіи“—открытіи новаго ссудо-сберегательнаго товарищества. Мы увѣрены, что осчастливили мужика, что онъ, наконецъ, пойметъ своихъ благодѣтелей, увѣруетъ въ ихъ превосходство надъ нимъ и скажетъ: за вами въ огонь и въ воду. Но, увы, ничего подобнаго не произошло. Вмѣсто мужика, мы увидѣли предъ собою кланяющуюся и благодарящую толстую, лоснящуюся фигуру деревенскаго кулака, на котораго, оказалось, мы усердно работали, заводя ссудо-сберегательныя товарищества.

Съ сыроварнями вышло не лучше. Наши ликованія и восторги по поводу ихъ распространенія были прерваны жестокимъ воплемъ крестьянскихъ ребятишекъ. Единственная питательная для дѣтскаго организма пища, прежде имѣвшаяся въ крестьянскихъ семьяхъ,—благодаря отсутствію сбыта, — теперь пошла на сыроварни. О, жестокіе, безжалостные отцы! закричали было мы, но... вдругъ притихли, узнавъ, что деньги за молоко идутъ на пополненіе недоимокъ.

Всѣ эти неудачи не привели насъ въ уныніе; школа насъ выручитъ, твердили мы и... ошиблись. Наши иллюзіи о школѣ (правильнѣе было-бы сказать школьныя иллюзіи) такъ-же быстро поблекли, какъ и другія. Мы вообразили, что грамотность дѣлаетъ человѣка умнѣе и нравственнѣе. Понятно, что обучить грамотѣ мало помалу у насъ сдѣлалось синонимомъ: нравственно перевоспитать. При такой постановкѣ вопроса, грамотность абсолютно полезна всегда и вездѣ. И стали мы обучать ребятишекъ и взрослыхъ, мечтая при этомъ найти въ нихъ усердныхъ помощниковъ своей дѣятельности. Но, увы, изъ нашихъ ребятишекъ выходили писаря, обираю-

щіе безграмотный народъ, лавочники и прикащики, обмѣрнвающіе и обвѣшивающіе какъ насъ, такъ и тотъже народъ. Только тогда мы поняли, что грамотность есть только орудіе, инструментъ, и ничего больше. Въ честныхъ рукахъ это орудіе—полезно, въ кулацкихъ—вредно. Грамотный среди неграмотныхъ, это —человѣкъ, лучше другихъ вооруженный въ борьбѣ за существованіе. Надѣлять этимъ орудіемъ однихъ, лишая возможности пріобрѣсть его остальнымъ, это значитъ помогать первымъ одолѣть въ борьбѣ за существованіе послѣднихъ. Ореолъ святости былъ снятъ съ орудія, которое въ одно и то же время служитъ и филантропіи, и эксплуатаціи человѣка, и распространенію просвѣщенія, и распространенію суевѣрія и невѣжества. Сильное охлажденіе къ школѣ послѣдовало за этимъ открытіемъ. Но школа, все таки, удержала въ нашихъ глазахъ хоть нѣсколько прежнее свое значеніе, какъ орудіе распространенія знаній, столь необходимыхъ нашему крестьянству; мы только поняли, что не въ ней пока центръ тяжести дальнѣйшаго нашего прогресса. Если грамотностью кулаки воспользуются для отягченія судьбы своихъ сосѣдей, думаемъ мы, то легко можетъ быть, что ею-же воспользуется и какой-нибудь мірской человѣкъ для защиты эксплуатируемыхъ отъ этого кулака. Кулакъ и безъ насъ съумѣетъ овладѣть этимъ орудіемъ,—полезность его вполнѣ понятна ему; такъ поможемъ-же другимъ не отставать отъ кулака въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ въ вопросѣ о школѣ мы потерпѣли пораженіе только отчасти,—вопросъ былъ черезчуръ элементаренъ, чтобы потерпѣть полное фіаско.

Причинъ этихъ неудачъ, разумѣется, много; но основная заключается въ презрѣніи къ коллективной мысли своего народа. Мы не съумѣли понять, что коллектив-

ная мысль въ области общественныхъ вопросовъ имѣетъ громадное преимущество надъ индивидуальной. Увлекаясь успѣхомъ индивидуума въ области изученія природы, давшимъ ему возможность, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, пренебрежительно относиться къ понятіямъ толпы, мы вообразили, что то же право остается за нимъ и въ области общественныхъ наукъ. Мы позабыли, что общественныя формы должны соотвѣтствовать мыслямъ и чувствамъ народа, а кто съумѣетъ лучше опредѣлить ихъ, какъ не онъ самъ? Мы вообразили, что общественныя явленія подчинены какимъ то „естественнымъ законамъ“, которые откроютъ ученые, и тогда по нимъ заживутъ народы въ мирѣ и счастіи; что эти законы достаточно будетъ узнать, чтобы увѣровать въ ихъ истинность; что батокуды, англичане и русскіе съ одинаковымъ жаромъ и пониманіемъ кинутся насаждать у себя эти «научныя» общественныя формы. Для открытія этихъ «научныхъ» формъ общежитія не нужно изучать міросозерцаніе русскаго мужика,—оно вѣдь наполнено разными ненаучными понятіями, предназначенными нами къ уничтоженію и замѣнѣ вновь открытыми нами, на основаніи изученія не русскаго или англичанина, а вообще человѣка «въ полномъ смыслѣ этого слова». Но, къ счастію, мы скоро замѣтили, что добытыя нами «научныя» формы годятся *только* для человѣка „въ полномъ смыслѣ этого слова“, а такъ какъ таковыхъ оказалось весьма и весьма немного даже среди насъ, то и сѣли наши изобрѣтенія на мель, гдѣ остаются и до сихъ поръ.

Необходимость ознакомиться съ тѣмъ, кого хотѣлось осчастливить, была очевидна. Мы знали только внѣшнюю сторону жизни мужика и не знали его души, его сокровенныхъ чувствъ и мыслей. Намъ были извѣстны

ширина его избы, число его лошадей, коровъ и даже куръ; мы знали, что онъ ѣстъ въ обѣдъ и ужинъ, сколько у него рубахъ и лаптей, но не знали одного—мужицкой души. Вѣковая рознь мѣшала намъ заглянуть въ эту душу; она была закрыта для насъ тяжелымъ прошлымъ. Закрытой остается она и до сихъ поръ для громаднѣйшаго большинства изъ насъ. Особенно печально въ этомъ случаѣ то, что мы совсѣмъ не признаемъ своего полнаго незнанія мужицкой души и смѣло разсуждаемъ о ней и вкривь, и вкось. Мы не сознаемъ, что вѣковая рознь заставила ее спрятаться, подобно улиткѣ, въ раковинѣ, и что никакія наши причитанья не выводятъ ее наружу. Нелегко справиться съ тѣмъ, что создавалось въ теченіи вѣковъ нашими же собственными руками.

Рознь между интеллигенціей и народомъ служитъ характерной чертой русской жизни вотъ уже почти три столѣтія. *Такой рѣзкой розни* мы не встрѣчаемъ нигдѣ на Западѣ. Интеллигенція въ западно-европейскихъ государствахъ народилась сама собою, вслѣдствіе естественныхъ потребностей народа. Государство пользовалось ея силами наравнѣ съ другими и нигдѣ не съумѣло заставить ее служить въ свою исключительную пользу. Интеллигенція, по преимуществу, принадлежала къ третьему сословію и помогла ему занять то высокое значеніе, которое оно имѣетъ теперь. Вмѣстѣ они зачались въ городахъ и вмѣстѣ вышли на арену исторіи. Ни интеллигенція, ни третье сословіе никогда не теряли своей связи съ народомъ и даже очень долго считались преимущественными его представителями. Такъ думалъ и самъ народъ. Интеллигенція и до сихъ поръ не потеряла своего вліянія, хотя и скомпрометирована въ глазахъ народа своею тѣсною связью съ третьимъ сос-

ловіемъ, въ послѣднее время вполнѣ дифференцировавшимся. Она можетъ служить безпристрастнымъ посредникомъ, который необходимъ для примиренія двухъ враждующихъ сторонъ, не желающихъ знать требованій другъ друга. Интересы всѣхъ требуютъ этого.

Исторія нашей интеллигенціи совершенно своеобразна. Первые ея зачатки были внесены вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи. Апостолы христіанства имѣли быстрый и, можно сказать, небывалый успѣхъ, потому что орудіемъ своей проповѣди избрали славянскую письменность, а слѣдовательно первые положили основаніе нашей русской наукѣ. Въ глазахъ нашихъ предковъ христіанство и наука были одно и то-же; единственнымъ представителемъ интеллигенціи было духовенство. Съ распространеніемъ христіанства по всѣмъ уголкамъ русской земли, съ увеличеніемъ туземнаго элемента въ средѣ духовенства, церковные порядки мало-по-малу вполнѣ обрусѣли. Удѣльно-вѣчевая Русь внесла свой вольнолюбивый духъ и въ русскую церковь. Отношенія народа къ духовенству были вполнѣ свободны; «міръ» самъ выбиралъ себѣ духовнаго руководителя и считалъ священника въ числѣ своихъ выборныхъ общинныхъ должностныхъ лицъ. Понятно, что священники старались пріобрѣсти нравственное вліяніе на своихъ прихожанъ,—иначе они не могли бы удержаться на мѣстахъ,—а потому тѣсная связь духовенства съ народомъ была результатомъ этихъ свободныхъ отношеній.

Но такіе порядки были несогласны съ общимъ строемъ вновь народившейся Московской Руси. Патріархъ Никонъ задумалъ преобразовать эти отношенія и успѣлъ въ этомъ. Приходское духовенство было изъято изъ-подъ власти „міровъ“; связь между ними была порвана. Вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость низшихъ церковныхъ членовъ отъ выс-

шихъ была усилена и приходъ становится, по словамъ г. Андреева, «чѣмъ-то въ родѣ духовно-правительственнаго участка» [1]). Результатомъ этихъ преобразованій было постепенное паденіе нравственнаго авторитета духовенства и образованіе особеннаго замкнутаго духовнаго сословія. Эта замкнутость отчасти нарушена только въ прошлое царствованіе,

Такова исторія духовной интеллигенціи. Посмотримъ теперь на судьбы свѣтской. Зачатки ея можно найти, разумѣется, и въ удѣльно-вѣчевой Руси, и въ Московской. Но мы не сдѣлаемъ большой натяжки, если начнемъ ея исторію съ Петра Великаго. Онъ особенно заботился о насажденіи на русской почвѣ разныхъ западно-европейскихъ учрежденій и порядковъ, въ томъ числѣ и науки.

Главной и, можно сказать, единственной цѣлью Петра было—сдѣлать Россію могущественной военной державой, какъ сухопутной, такъ и морской. Онъ ясно видѣлъ, что достигнуть этого нельзя безъ помощи науки и ея представителей—интеллигенціи. Нужно ли построить корабль, вылить пушку, устроить фабрику солдатскаго сукна и т. п., вездѣ нужна помощь интеллигенціи, вездѣ нужно знаніе «цифирныхъ» и другихъ наукъ. И вотъ нашъ преобразователь со свойственной ему желѣзной энергіей сталъ насаждать благодѣтельное сѣмя науки. Но не наука, не интересы просвѣщенія были его цѣлью, а могущество русскаго государства. Эта цѣль и опредѣлила надолго характеръ русской интеллигенціи. Она была создана съ цѣлью служить государству, но государство Петра стало во враждебныя от-

---

[1]) „Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи“ В. Андреева. Стр. 96.

ношенія къ народной русской жизни, а вмѣстѣ съ нимъ и интеллигенція. Интеллигенція сдѣлалась исключительно слугою государства и никогда не имѣла связей съ народомъ. Рекрутировалась она, почти исключительно, изъ дворянскаго сословія, успѣвшаго къ этому времени обособиться отъ остальныхъ классовъ. Заимствованные изъ Запада одежда, обычаи и привычки еще болѣе закрѣпили образовавшуюся рознь. Рознь духовная поддерживалась сословной и еще болѣе усиливалась рознью обычаевъ и привычекъ.

Понятіе объ интеллигенціи въ умахъ людей изъ народа сливалось, да и до сихъ поръ сливается, съ понятіемъ о дворянствѣ, чиновничествѣ, съ понятіемъ чего-то внѣшняго, посторонняго, „нѣмецкаго“. Интеллигенція не только не заботилась о сближеніи съ народомъ, но, напротивъ, кичились этой рознью, видѣла въ ней залогъ дальнѣйшаго прогресса, т. е. дальнѣйшаго движенія въ хвостѣ западно-европейской цивилизаціи, съ *механическимъ* заимствованіемъ устарѣвшихъ европейскихъ формъ жизни. Такимъ образомъ своеобразное происхожденіе нашей интеллигенціи отразилось на ея послѣдующей судьбѣ тѣмъ, что вполнѣ оторвало ее отъ народа. Почти полтораста лѣтъ дѣло шло такимъ образомъ.

Освобожденіе крестьянъ измѣнило положеніе какъ интеллигенціи, такъ и народа. 19 февраля 1861 года можно считать поворотнымъ пунктомъ къ сближенію двухъ, разрозненныхъ исторіею, силъ русской земли. Положеніе интеллигенціи стало измѣняться; она понадобилась не только государству, которое и теперь осталось главнымъ ея потребителемъ, но и вообще русскому обществу. Такимъ образомъ, интеллигенція хотя нѣсколько эманципировалась отъ государства и сдѣлала

шагъ къ тому, чтобы сдѣлаться интеллигенціей общенародной. Такъ называемое «общество» стало быстро развиваться у насъ только подъ условіями послѣдняго времени,—до нынѣшняго царствованія его, можно сказать, не существовало. Вмѣстѣ съ обществомъ развивается и получаетъ болѣе или менѣе самостоятельное значеніе и интеллигенція. Какъ самостоятельная сила, хотя и очень малыхъ пока размѣровъ, она выступила только въ прошлое царствованіе; сила ея растетъ не по днямъ, а по часамъ, и, надо думать, она скоро займетъ должное мѣсто среди другихъ элементовъ русской жизни.

Но кому много дается, съ того много и спросится. Пока интеллигенція была только слугою государства и не имѣла самостоятельнаго значенія, она могла довольствоваться въ своей дѣятельности тѣмъ поверхностнымъ знаніемъ народа, которое она имѣетъ; но для положенія, занимаемаго ею теперь, это знаніе недостаточно. Многимъ изъ насъ крестьянинъ представляется какимъ-то дикаремъ, котораго представленія, понятія и чувства—совершенно первобытны. Какой-нибудь фактъ, въ родѣ сожженія колдуньи или убійства колдуна, радостно подхватывается и съ нимъ носятся, по истинѣ, какъ дурни съ писаной торбой [1]). Никто не хочетъ из-

[1]) Большинство, такъ называемыхъ, образованныхъ людей увѣрено, что только у насъ случаются подобнаго рода факты. Они думаютъ, что нѣмецкій, французскій, англійскій крестьянинъ не способенъ къ подобнымъ суевѣріямъ. Факты опровергаютъ ихъ мнѣніе. „Въ нѣкоторыхъ германскихъ мѣстностяхъ при постройкѣ монументальныхъ віадуковъ желѣзныхъ дорогъ, два или три десятка лѣтъ тому назадъ, крестьяне нерѣдко бунтовали, утверждая, будто эти новыя сооруженія только потому и не разваливаются, что ихъ охраняютъ души погребен-

слѣдовать вблизи этого явленія, оно осуждается, какъ народный предразсудокъ, просто на основаніи невозможности существованія факта «колдовства». Только благодаря *смѣлости* г. Беллюстина, эта сторона народной жизни, хотя нѣсколько, разъяснилась русской интеллигенціи. Оказалось, что колдуны очень сильно смахиваютъ на отравителей. Народъ горькимъ опытомъ убѣдился въ реальной силѣ „колдунскихъ чаръ", а потому и боится ихъ. Пользуясь этимъ, они „охальничаютъ" надъ крестьянами и эксплоатируютъ ихъ. Колдуны, поневолѣ, не только угрожаютъ, но и приводятъ угрозы въ исполненіе,—иначе имъ перестанутъ повиноваться. Прикрывшись „колдовствомъ", какъ надежнымъ щитомъ, отъ каръ закона, они свободно отравляютъ кого хотятъ. Вздумай крестьяне жаловаться,—интеллигенція только обхохочетъ ихъ и станетъ доказывать, что никакого „колдовства" не можетъ быть. Ну, и что же остается дѣлать крестьянамъ?

Полнѣйшее незнаніе интеллигенціи умственныхъ и нравственныхъ качествъ своего народа—не единственный результатъ розни. Состоя на службѣ у государства, интеллигенція привыкла не обращать никакого вниманія на мнѣнія народа о томъ или другомъ необходимомъ нововведеніи. Эта привычка мало-по-малу превратилась въ убѣжденіе, что народъ имѣетъ только предразсудки, съ которыми бороться предстоитъ интеллигенціи. Все живое содержаніе жизни должно быть внесено ею, и понятно, что она стала искать его тамъ, гдѣ привыкла находить все нужное для своего прежняго патрона, т. е. на Западѣ. Заимствуя свои идеалы отъ европейцевъ, она думала, что они всецѣло могутъ быть

ныхъ въ ихъ основаніи живыхъ людей, дѣтей или дѣвушекъ". („Дѣло", 1879 г. № 2. Статья Л. Мечникова. Стр. 169).

перенесены на русскую почву. Но если подобные опыты удавались государству, то интеллигенція должна помнить, что ея сила совершенно другого характера· народъ, уступая давленію государства, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ не пожелать уступить той духовной власти, которой одной можетъ и *должна* владѣть интеллигенція.

Въ качествѣ независимой силы русской жизни, не владѣющей вмѣстѣ съ тѣмъ средствами принужденія, интеллигенція, по необходимости, должна бросить прежнія привычки и заняться изученіемъ народа, такъ какъ только знаніе его дастъ возможность успѣшнаго воздѣйствія. Она можетъ заимствовать свои идеалы откуда хочетъ, но практическія мѣры для осуществленія этого идеала должны быть основаны на знакомствѣ съ условіями русской жизни, а слѣдовательно, главнымъ образомъ, съ понятіями и чувствами народа; иначе голосъ интеллигенціи будетъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Душа русскаго· крестьянина не грифельная доска, на которой всякій можетъ писать, что вздумаетъ, легко стирая написанное предшественниками. Понятія и чувства народа должны служить исходной точкой для дальнѣйшаго общественнаго развитія; поэтому рознь интеллигенціи и народа служитъ очень сильнымъ тормазомъ для этого развитія. Все что будетъ сдѣлано помимо той исходной точки, о которой мы говорили, будетъ больше фразой и фейерверкомъ, нежели настоящимъ дѣломъ. Разумѣется, что интеллигенція можетъ имѣть свои потребности и стремиться къ ихъ удовлетворенію,—въ этихъ случаяхъ ей нечего справляться съ мнѣніями и чувствами народа, — это будетъ ея личное дѣло. Но все то, что будетъ дѣлаться во имя народа, должно имѣть въ основаніи понятія самаго народа. Пора намъ съ любовью и *уваженіемъ* отнестись къ тому, о которомъ мы

такъ много хлопочемъ (по крайней мѣрѣ на словахъ); это поможетъ намъ загладить слѣды дѣлъ нашихъ предковъ. Поднятіе значенія *личности*—задача нашего времени, а *она неисполнима при томъ презрѣніи, которое питаетъ интеллигенція къ народу*, т. е. къ громаднѣйшему большинству личностей.

Еще недавно во имя науки дѣлались насилія надъ крестьянами, напримѣръ, Полтавской губерніи съ цѣлью избавленія ихъ отъ дифтерита. Впрочемъ, этотъ походъ интеллигенціи на деревню былъ неудаченъ; крестьяне съ дрекольями встрѣчали своихъ благодѣтелей. И, увы, государство, вмѣсто того, чтобы быстрымъ натискомъ смирить невѣждъ, перешло на ихъ сторону и оставило, такимъ образомъ, науку на мели. Результатъ куреній во славу науки сѣрнистымъ газомъ былъ не особенно блистателенъ: попорчено сравнительно немного крестьянскаго добра, лежавшаго въ коробахъ; еще меньше удушено куръ, поросятъ и т. п. вредныхъ животныхъ. Что же касается здоровья народонаселенія, то ему не сдѣлано почти никакого вреда. И какъ подумаешь, что причиной подобной неудачи науки и ея представителей были какіе-то невѣжественные мужики, вздумавшіе съ дрекольемъ въ рукахъ защищать неприкосновенность своего домашняго очага, то поневолѣ спросишь: а гдѣ же урядникъ? Вѣдь этакъ, пожалуй, мужикъ привыкнетъ къ неповиновенію наукѣ; привыкнетъ считать себя самостоятельнымъ человѣкомъ, а не ребенкомъ; вздумаетъ, напримѣръ, заводить школы не по тому образцу, который высылается ему изъ Петербурга и который составленъ по всѣмъ правиламъ науки гг. нѣмецкихъ педагоговъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что между интеллигенціей находятся такія измѣнники, какъ Левъ Толстой, которые, святотатствуя, говорятъ мужику: дѣй-

ствуи по своему усмотрѣнію: заводи школы, какія тебѣ нравятся и какія по твоимъ средствамъ,—чѣмъ больше школъ, тѣмъ лучше.

Истинное самоуправленіе расцвѣтетъ на русскои землѣ только тогда, когда въ немъ приметъ участіе весь народъ, многія сотни лѣтъ практиковавшій въ своей жизни его принципы. Намъ приходилось уже сравнивать земство — представителя самоуправленія нашихъ культурныхъ классовъ, съ «міромъ» — представителемъ крестьянскаго самоуправленія, и мы пришли къ тому заключенію, что «міръ» самоуправляется на болѣе справедливыхъ началахъ, нежели земство, хотя они оба существуютъ рядомъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Способность нашего народа къ самоуправленію можно усмотрѣть во всѣхъ его привычкахъ и дѣйствіяхъ. Потребность въ немъ сказывается и въ томъ, что онъ удѣляетъ ему большую долю вниманія при созданіи тѣхъ идеальныхъ образцовъ практической жизни, которыми онъ отъ времени до времени утѣшаетъ свою скорбь и которые очень часто побуждаютъ его странствовать и отыскивать такъ называемое «Бѣловодье». Это «Бѣловодье» — земной рай русскаго крестьянина. Тамъ нѣтъ ни убійствъ, ни воровства, ибо нѣтъ бѣдности; тамъ нѣтъ ни налоговъ, ни чиновниковъ, такъ какъ жители его не подчинены никакому государству. Эта самоуправляющаяся община, которая существовала не только въ воображеніи крестьянъ, но и дѣйсвительно обитала среди горъ Алтая, можетъ служить образцомъ того самоуправленія, которое желалъ бы имѣть русскій народъ. Очевидно, что характернѣйшей его чертой является децентрализація. И это вполнѣ понятно. Самоуправленіе собственно и существуетъ только въ мелкихъ общинахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга. Само-

управленіе при посредствѣ выборныхъ, необходимо развивающееся вслѣдствіе тѣсныхъ связей завязывающихся между общинами, теряетъ характеръ истиннаго самоуправленія и приближается къ типу бюрократическаго, хотя все-таки оно всегда несравненно выше этого послѣдняго. Децентрализованное самоуправленіе должно быть идеаломъ практической жизни, а потому и должно ограничиваться только при очевидной необходимости уступить часть его правъ централизованному самоуправленію, т. е. управленію черезъ выборныхъ. Органы центральнаго самоуправленія должны доводить до minimum'а свое вмѣшательство въ жизнь отдѣльныхъ общинъ, стараясь давать наибольшій просторъ ихъ желаніямъ и дѣйствіямъ. Практика опредѣлитъ уже, какая доля власти надъ отдѣльными общинами можетъ быть предоставлена этимъ органамъ. Здѣсь мы говоримъ только о направленіи, которымъ слѣдуетъ идти, чтобы удовлетворить желаніямъ народа. Интеллигенція должна только сознать ту непреложную истину, что ея понятія о самоуправленіи ниже народныхъ, а потому и неудовлетворятъ его потребностямъ. Если она желаетъ работать на пользу всего народа, то должна, по возможности, задавливать въ себѣ бюрократическія наклонности къ насильному регулированію народной жизни. Она должна твердо помнить, что народъ всегда оказывалъ бо̀льшее сопротивленіе вмѣшательству въ его жизнь, чѣмъ сама она. Прикрывая свое вмѣшательство наукою, интеллигенція только возбудитъ въ народѣ ненависть къ ней, чего, вѣроятно, не желаютъ и сами бюрократы отъ науки. Пусть же они не судятъ о народѣ по своимъ личнымъ наклонностямъ, унаслѣдованнымъ отъ цѣлаго ряда поколѣній и воспитаннымъ бюрократическою средою; пусть не мѣряютъ потребности народа потребностями отдѣль-

ной его части, въ которой эти потребности атрофированы ея историческими судьбами. Крестьяне, жившіе въ условіяхъ «мірского» самоуправленія, несомнѣнно должны были развить въ себѣ потребность къ самоуправленію въ большей степени, нежели помѣщикъ, чиновникъ, священникъ и купецъ, которые жили индивидуальною, сравнительно, жизнью и испорчены, кромѣ того, вѣковыми привычками командованія надъ подобными себѣ людьми.

Въ заключеніе скажемъ, что „лучшая“ часть интеллигенціи, (т. е. народолюбцы), должна помочь крестьянамъ избавиться отъ вреднаго вліянія самой интеллигенціи,—это первое и самое важное ея дѣло. Но для этого необходимо, чтобы „лучшіе“ элементы интеллигенціи могли опереться на самихъ крестьянъ, т. е. необходима полнѣйшая самостоятельность крестьянъ отъ интеллигентно-культурнаго слоя. Разъ крестьянская жизнь будетъ отдана подъ опеку интеллигенціи вообще, то этимъ самымъ она будетъ направляться не тѣмъ меньшинствомъ ея, которое благожелательно крестьянскому дѣлу, а «образованными и достаточными классами». Поэтому-то, только при полной независимости крестьянской жизни отъ руководства интеллигенціи вообще, мы можемъ надѣяться на то, что меньшинство интеллигенціи сдѣлается, благодаря нравственному своему вліянію, руководителемъ крестьянской жизни, имѣя въ виду только благо всего общества.

Къ сожалѣнію, многіе не уяснили себѣ этихъ истинъ и, имѣя въ виду, какъ можно думать, вліяніе меньшинства благожелательной народу интеллигенціи, говорятъ о необходимости вліянія интеллигенціи *вообще*, что можетъ повести совсѣмъ къ другимъ результатамъ. Повторяемъ, только полная независимость крестьянской жизни отъ

юридическаго и экономическаго вліянія интеллигенціи вообще дастъ просторъ благожелательному для крестьянъ *нравственному* вліянію меньшинства интеллигенціи. На этомъ основаніи мы и желали бы ограниченія какъ юридическаго, такъ и экономическаго вліянія интеллигенціи надъ крестьянствомъ.

Мысль, только что высказанная нами,—больше и больше проникаетъ въ сознаніе интеллигенціи. Но такъ какъ эта мысль появилась недавно, то естественно, что она можетъ возбуждать много недоразумѣній и опасеній. Такъ, между прочимъ, въ средѣ интеллигенціи легко можетъ возникнуть боязнь, не пострадаютъ-ли при этомъ интересы высшаго образованія и науки, столь-же дорогихъ для интеллигенціи, какъ и самъ народъ. Дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы нашъ крестьянинъ, стоящій на рубежѣ полной нищеты, добровольно согласился содержать на свой счетъ астрономическія обсерваторіи, университеты и т. под. учрежденія, тѣмъ болѣе, что нищій крестьянинъ не сознаетъ великаго значенія науки въ жизни человѣчества. Теперь онъ даже нѣсколько враждебенъ ко многимъ изъ этихъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что интеллигенція находилась издавна у насъ въ самой тѣсной связи съ бюрократіей и владѣльцами крѣпостныхъ душъ. Изъ ихъ рядовъ наполнялась она и имъ въ свою очередь служила; неудивительно, что народъ привыкъ ихъ вполнѣ смѣшивать. Для него студентъ—барскій сынокъ и ничего больше; народъ вкладываетъ въ душу учащихся тѣ же желанія, какія привыкъ встрѣчать у ихъ отцовъ-бюрократовъ и помѣщиковъ. А всѣмъ извѣстно то недовѣріе, которое успѣло у него накопиться къ этимъ группамъ. Съ этимъ враждебнымъ чувствомъ и приходится считаться въ настоящую минуту. Слѣдовательно, народъ враждебно отно-

сится къ студентамъ не потому, что они стремятся къ знанію, къ наукѣ, а только потому, что подозрѣваетъ въ нихъ энергическихъ представителей идей барства и бюрократизма. Когда интеллигенція выдѣлится изъ остальныхъ привиллегированныхъ классовъ, когда наука и образованіе будутъ доступны всякому стремящемуся къ нимъ,—это недоразумѣніе разрѣшится само-собою. Съ увеличеніемъ интеллигентныхъ людей, не связанныхъ съ бюрократіей и ея спутниками, народъ, можно надѣяться, съумѣетъ отличить ту привиллегію, которая дается образованіемъ, отъ остальныхъ историческихъ привиллегій.

Но еслибы недовѣріе народа къ интеллигенціи современемъ и пало, то все-таки врядъ-ли можно надѣяться, что онъ захочетъ на свой счетъ создавать привиллегированныхъ людей. Онъ не можетъ не видѣть, что высшее образованіе есть, можно сказать, капиталъ, дающій прекрасные проценты. Оно выдвигаетъ человѣка изъ толпы, повышаетъ очень сильно его заработокъ и такимъ образомъ увеличиваетъ сумму его личнаго счастья. Ради увеличенія этого личнаго счастья люди и добиваются въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ высшаго образованія. Съ какой-жс, въ самомъ дѣлѣ, стати народъ обязанъ помогать имъ добывать для себя увеличеніе счастья уменьшеніемъ своего собственнаго? Можно возразить, что интеллигенція необходима обществу, а потому оно и обязано помогать ея созданію. Но развѣ земледѣліе не такъ-же необходимо обществу, и развѣ изъ этой необходимости вытекаетъ обязанность общества *даромъ* снабжать земледѣльцевъ лошадьми, плугами и т. п.? Если признать принципъ дарового снабженія людей высшимъ образованіемъ, то необходимо снабжать земледѣльцевъ и ремесленниковъ даро-

выми-же орудіями труда, которыя могли-бы повысить ихъ заработокъ соотвѣтственно интеллигентному. Но если всѣ будутъ получать даромъ, то кто-же будетъ оплачивать? Очевидно, вопросъ надо поставить на другую почву.

Люди, получившіе высшее образованіе, также необходимы обществу, какъ и остальные классы: ремесленники, земледѣльцы и т. п.; общество не можетъ обойтись безъ каждаго изъ нихъ. Высшее образованіе, полезное обществу, ближайшимъ образомъ полезно самой интеллигенціи, такъ какъ оно ее кормитъ, и кормитъ очень недурно, — разумѣется, сравнительно со всѣми остальными рабочими классами. На этомъ основаніи мы считаемъ несообразными претензіи получать высшее образованіе насчетъ общества, т. е. союза рабочихъ классовъ. Правда, общество обязано помогать своей коллективной силой всѣмъ своимъ членамъ, но эта помощь должна быть вполнѣ справедлива, т. е. не въ ущербъ другимъ. А всякое даровое снабженіе чѣмъ-либо однихъ можетъ происходить только насчетъ другихъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что интеллигенція должна получать высшее образованіе (считая въ томъ числѣ и среднее) только на свой счетъ, а, слѣдовательно, народъ будетъ вполнѣ правъ, отказываясь поддерживать его на свои трудовые гроши.

Разъ мы поставимъ вопросъ такимъ образомъ, то всѣ опасенія за судьбу высшаго образованія исчезнутъ. Если оно будетъ содержаться насчетъ самой интеллигенціи, то его судьба и будетъ зависѣть также отъ нея. Большинство народа, не оплачивая высшаго образованія, не будетъ имѣть никакого нравственнаго права вмѣшиваться въ дѣла меньшинства, такъ какъ несомнѣнно, что эти дѣла совершенно ему не враждебны.

Нельзя думать, чтобы народъ захотѣлъ препятствовать существованію высшаго образованія, разъ у него не требуютъ никакихъ на это пожертвованій. Какъ извѣстно, онъ очень уважаетъ людей изъ своей среды, слывущихъ за начетчиковъ и грамотѣевъ. Поэтому нѣтъ основаній предполагать, чтобы онъ захотѣлъ мѣшать кому-либо учиться.

Но если высшее образованіе не будетъ даровымъ, а будетъ оплачивать само себя, то не поведетъ-ли это къ уменьшенію образованныхъ людей? Понятно, что если мы заставимъ всякаго изъ стремящихся къ высшему образованію оплачивать его во время самаго процесса образованія, то громаднѣйшее большинство будетъ отъ него устранено, и привиллегіи образованія получатъ еще большую цѣну на общественномъ рынкѣ, что, разумѣется, противорѣчитъ интересамъ большинства. Привиллегіи образованія не могутъ быть уничтожены какимъ-нибудь юридическимъ актомъ, такъ какъ они вытекаютъ изъ общественной необходимости въ образованныхъ людяхъ. Цѣна на трудъ образованныхъ людей на общественномъ рынкѣ оттого и высока, что общество считаетъ ихъ трудъ производительнѣе труда простого рабочаго. Единственный способъ борьбы съ подобной привиллегіей — увеличивать количество образованныхъ людей; конкурренція заставитъ ихъ приближаться къ общему уровню заработной платы. Слѣдовательно, интересы большинства требуютъ, во всякомъ случаѣ, увеличенія привиллегированныхъ, пока, людей, а не ихъ уменьшенія. Поэтому общество, имѣя въ виду свои интересы, должно стараться какъ можно болѣе способствовать увеличенію количества людей, получающихъ образованіе, т. е. сдѣлать его доступнымъ всѣмъ, кто-бы ни пожелалъ его.

Какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы высшее образованіе было на самомъ дѣлѣ общедоступно и вмѣстѣ съ тѣмъ оплачивало само себя? Для этого необходимо прибѣгнуть къ одному изъ самыхъ могущественныхъ экономическихъ орудій, пріобрѣтаемыхъ человѣкомъ только въ обществѣ, — кредиту. Общество старается создать кредитныя учрежденія, снабжающія земледѣльца, ремесленника, купца необходимыми средствами для ихъ занятій. То же самое необходимо примѣнить и къ лицамъ, старающимся получить высшее образованіе. Они имѣютъ не меньше правъ на общественную заботу, какъ и всѣ остальные рабочіе классы. Авторъ статьи „О нуждахъ русскаго студенчества и науки“ [1]) выработалъ практическій проектъ высшаго образованія на началахъ *возмездности* и *общедоступности*. Теперь оно не отличается общедоступностью, несмотря на то, что поддержка государства высшему образованію на столько широка, что дѣлаетъ его почти безвозмезднымъ. Такъ, плата за слушаніе лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ колеблется между 40—50 рублями; а между тѣмъ самому государству каждый студентъ въ среднемъ выводѣ обходится въ годъ по 328 р.; въ Казанскомъ—640, а въ Харьковскомъ—715 р. Чтобы сдѣлать высшее образованіе вполнѣ доступнымъ авторъ требуетъ „расширить дѣйствіе кредита на область высшаго образованія“. Онъ предлагаетъ: 1) избавлять всякаго желающаго отъ взносовъ всей или части платы за ученіе въ бытность его въ учебномъ заведеніи; 2) назначать всякому желающему и переходящему изъ курса въ курсъ студенту достаточныя стипендіи; 3) оставлять при университетѣ всякаго желаю-

[1]) «Русская Мысль» 1881 г. № 8.

щаго кандидата для приготовленія къ высшимъ ученымъ степенямъ, съ назначеніемъ соотвѣтствующей стипендіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ траты, сдѣланныя государствомъ на лицо, ищущее высшаго образованія, записываются въ его „учебный долгъ“, который оно и обязано выплатить обществу въ будущемъ, по окончаніи своего образованія. Положимъ, кто-нибудь, не имѣющій собственныхъ средствъ, получаетъ въ періодѣ своего четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ стипендію въ 300 р. въ годъ, что составитъ вмѣстѣ съ платой за слушаніе лекцій 1,400 р. (По нашему, сумма долга будетъ гораздо больше, такъ какъ въ нее должны быть вписаны *всѣ* траты общества на студента). Эта сумма и вписывается во всѣ документы должника. Выплачиваетъ онъ ее постепенно, по мѣрѣ того, какъ его образовательный капиталъ начинаетъ давать доходъ. При этомъ можно установить минимумъ дохода (положимъ 600 р.), при полученіе котораго должникъ еще не обязанъ начинать уплату; но, разъ онъ заработываетъ больше, наступаетъ періодъ постепеннаго погашенія учебнаго долга Такъ какъ громаднѣйшее большинство получающихъ высшее образованіе находитъ себѣ мѣсто на службѣ государства, земства и организованныхъ частныхъ предпріятіяхъ (вродѣ банковъ, желѣзныхъ дорогъ, редакцій и т. п.), то взысканіе учебнаго долга не представитъ какихъ либо особенныхъ неудобствъ. Для этого авторъ проекта предлагаетъ простые пріемы, въ которыхъ незамѣтно и тѣни заглядыванья въ частную жизнь должника. Впрочемъ, онъ говоритъ, что нужно примириться съ случаями уклоненія отъ уплаты, противъ которыхъ могутъ оказаться безсильными всякія общія мѣры.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что возмездность высшаго образованія (все, что было сказано про высшее, вполнѣ относится и къ среднему) можетъ быть соединена съ общедоступностью его. Тогда только оно потеряетъ характеръ привиллегіи, такъ какъ будетъ доступно не только состоятельнымъ членамъ общества, а всякому, хотя бы и нищему. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не будетъ отнимать ни гроша изъ заработка рабочихъ классовъ, а потому и не будетъ вызывать къ себѣ враждебнаго чувства. Только тогда интеллигенція вправѣ будетъ потребовать себѣ полной самостоятельности въ этой сферѣ. Судьба высшаго образованія по праву будетъ въ ея рукахъ, такъ какъ она его оплачиваетъ, и она же только вполнѣ компетентна въ вопросахъ о его судьбѣ. Если направленіе высшаго образованія не будетъ соотвѣтствовать общественнымъ потребностямъ, то цѣна на трудъ образованныхъ людей будетъ падать, и они первые пострадаютъ отъ этого. Понятно, что, имѣя въ виду собственные интересы, интеллигенція будетъ стараться давать такого рода образованіе, которое-бы наиболѣе соотвѣтствовало общественнымъ потребностямъ, т. е. было-бы наиболѣе производительно и наиболѣе оплачиваемо. Интеллигенція вправѣ требовать себѣ полнаго самоуправленія въ области высшаго образованія и науки, подобно тому, какъ земледѣльцы стремятся выбиться изъ подъ всякой опеки въ области своихъ земледѣльческихъ интересовъ, хотя эти послѣдніе и связаны съ интересами общества вообще. Земледѣлецъ не имѣетъ права *насильно* вмѣшиваться въ устройство высшаго образованія, подобно тому, какъ интеллигенція не имѣетъ права предписывать ему заводить ту или другую систему полеводства. Всякій изъ нихъ самъ компетентенъ въ своей области.

Для существованія высшаго образованія необходимы нетолько высшія учебныя заведенія, но и многія ученыя учрежденія, имѣющія въ виду разширять господство человѣка надъ природой, а слѣдовательно и усиливать производительное значеніе высшаго образованія въ жизни народа, что въ свою очередь ведетъ къ увеличенію заработковъ интеллигенціи. Поэтому въ учебный долгъ нужно вписывать стоимость и этихъ учрежденій. Этимъ интеллигенція поставитъ ихъ въ зависимость только отъ себя, а не отъ всего народа, который о нихъ не имѣетъ никакого понятія. Разъ астрономическія обсерваторіи, академіи наукъ и т. п. учрежденія будутъ содержаться не на счетъ народа, а только на счетъ интеллигенціи, то и судьба ихъ по праву будетъ въ ея рукахъ. Принципъ самоуправленія интеллигенціи въ области высшаго образованія и наукъ охватитъ и всѣ эти учрежденія. Сваливать стоимость ихъ на плечи народа, на томъ основаніи, что они полезны всему обществу несправедливо потому, что польза приносимая ими, воплощается прежде всего въ интеллигенціи, которая и получаетъ за него вознагражденіе на общественномъ рынкѣ. На этомъ основаніи она и должна оплачивать ихъ стоимость; не говоря уже о томъ, что только при этомъ условіи она имѣетъ право на самоуправленіе въ этой области.

Все сказанное даетъ намъ право утверждать, что зависимость общественныхъ формъ отъ міросозерцанія народа не идетъ въ разрѣзъ съ интересами науки и образованія, такъ какъ эта зависимость не требуетъ устраненія самоуправленія изъ тѣхъ сферъ, которыя могутъ имѣть болѣе компетентныхъ знатоковъ, чѣмъ весь народъ. Принципъ зависимости общественныхъ формъ отъ міросозерцанія народа не исключаетъ того, чтобы

каждая группа людей, почему либо имѣющая свои отдѣльные интересы, пользовалась полнымъ самоуправленіемъ, насколько это возможно безъ нарушенія интересовъ общихъ.

ГЛАВА XII.

Кто подрываетъ религію?

По словамъ нашихъ «охранителей», къ числу преступныхъ намѣреній нашихъ прогрессистовъ относится и желаніе подкопаться подъ религію. Охранители очень много кричатъ о необходимости религіи для всѣхъ людей вообще и для невѣжественной толпы въ особенности; но ихъ дѣла идутъ въ разрѣзъ съ этими криками и доказываютъ только ихъ непримиримую вражду ко всякому искреннему религіозному чувству, ко всякому религіозному представленію, появившемуся на свѣтъ помимо начальственнаго соизволенія. Не о религіи они заботятся, а только о внѣшнемъ религіозномъ порядкѣ. Ради сохраненія этого внѣшняго порядка они жертвуютъ всей сутью религіи—религіознымъ чувствомъ. Посмотрите, кто защищаетъ у насъ—не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ—религію въ ея обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ вѣрованія въ божественное начало, руководящее міромъ. Это всегда были прогрессисты. Они защищали свободу убѣжденій, а слѣдовательно и свободу вѣрованія. Безъ этой свободы религіозное чувство глохнетъ, замираетъ, и человѣкъ дѣлается тѣмъ индиф-

ферентистомъ, которыхъ такъ много на Руси. Этотъ индифферентизмъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ атеизмомъ, являющимся только плодомъ дѣйствительной мозговой работы; нѣтъ, этотъ индифферентизмъ не есть продуктъ умственной или нравственной работы, а результатъ разложенія религіознаго чувства подъ вліяніемъ насилій со стороны. Человѣкъ не можетъ *вѣрить* изъ подъ палки; правда, подъ угрозой насилія онъ можетъ соблюдать внѣшній религіозный порядокъ, но отъ такого рода дѣйствій только страдаютъ интересы религіи. Насиліе убиваетъ въ человѣкѣ религіозность, а между тѣмъ наши охранители думаютъ поддержать религію насильнымъ навязываніемъ извѣстнаго рода религіозныхъ представленій. Имъ дѣла нѣтъ до того, что они не только дискредитируютъ этимъ навязываемыя представленія, но и подкапываются подъ корень религіи— религіозное чувство. А что религіозныя представленія, поддерживаемыя насиліемъ, дѣйствительно компрометируются въ глазахъ вѣрующихъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. «Что сказать о церкви, говорятъ наши раскольники, которая неодолимость свою думаетъ утвердить на покровительствѣ и мечѣ владыкъ земныхъ? Что это за истина, которая прибѣгаетъ не къ убѣжденіямъ въ духѣ евангельской кротости, а къ законамъ гражданской, тѣлесно ощущаемой власти, къ канцаламъ и остротамъ и т. д.? Вѣчная истина глушается такими аргументами, отвергаетъ покореніе себѣ такими площадными, кровопролитными средствами. Истина сама собою властна покорять все мыслящее; ложь, напротивъ, для поддержанія своего авторитета и насиліемъ пріобрѣтеннаго господства нуждается во внѣшней силѣ и одобряетъ всѣ средства».

Но, можетъ быть, наши охранители скажутъ, что лучше пусть господствуетъ религіозный индифферентизмъ, нежели распространяются всякаго рода секты, во вредъ православію? На это можно возразить, что человѣчество не можетъ довольствоваться соблюденіемъ внѣшняго религіознаго порядка, и рано или поздно произойдетъ, такъ сказать, религіозное возрожденіе, когда индифферентизмъ замѣнится возбужденіемъ религіознаго чувства, которое и превратитъ въ щепы религіозную форму, не имѣющую содержанія и держащуюся только насиліемъ. Нынѣшнія средства борьбы съ расколами неспособны уничтожать ихъ въ корнѣ, какъ это было когда-то. Прежде бывало такъ: появляются на югѣ Франціи альбигойцы, и вотъ католическая часть народонаселенія идетъ войной на схизматиковъ и истребляетъ ихъ мечемъ и огнемъ безъ всякой пощады; женщины, старцы, дѣти—всѣ зарѣзываются во славу Божію. Понятно, что при этомъ истребляется въ корнѣ и самая схизма: нѣтъ схизматиковъ, нѣтъ и схизмы. Альбигойцы истреблялись самымъ тщательнымъ образомъ; такъ. напримѣръ, извѣстенъ слѣдующій совѣтъ католическаго епископа солдатамъ, спрашивавшимъ, какъ имъ отличать католиковъ отъ альбигойцевъ осаждаемаго города: „бейте всѣхъ, Богъ разберетъ на томъ свѣтѣ“. Конечно, совѣтъ былъ исполненъ, и расколъ уничтоженъ въ корнѣ.

Но могутъ ли охранители прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ въ наше время? Очевидно, нѣтъ; имъ остались только болѣе мягкія средства, а потому и негодныя. Посмотримъ же, какое дѣйствіе производятъ ихъ мѣры.

Въ 1874 году нашимъ охранителямъ вздумалось обратить уніятовъ Сѣдлецкой губерніи въ православіе.

Принялись за „гоненія„, „истязанія“ и „разоренье“ (выраженія уніятовъ въ прошеніи, поданномъ ими графу Лорисъ-Меликову), какъ испытанныя средства наводить на истинный путь въ царство небесное. Но богоугодная миссія гг. охранителей была не легка, а потому имъ и пришлось выслать административнымъ порядкомъ, въ 1875 году, около трехсотъ человѣкъ въ Херсонскую губернію подъ надзоръ полиціи.

Вотъ какъ описываютъ сосланные свое житье: „Забытые въ ссылкѣ, не зная конца и границъ преслѣдованіямъ, коимъ мы подвергаемся среди чужихъ намъ людей, въ горести, въ тоскѣ по родинѣ, лишенные утѣшенія молиться, *самаго драгоцѣннаго для насъ сокровища*, какъ паріи блуждаемъ среди людей и степей безъ цѣли, въ то время, когда наши семейства, благодаря труду нашему, пользовались благосостояніемъ и довольствомъ, а въ настоящее время они безъ насъ бѣдствуютъ и умножаютъ, быть можетъ, число нищихъ, такихъ же, какъ и мы, но вѣрныхъ вѣрѣ отцовъ нашихъ и нашему Государю-Освободителю, передъ которымъ насъ оклеветали“... „Насъ, исповѣдующихъ вѣру христіанскую, истязали, мучили, голодомъ морили, били, разорили и сослали, что называется, административнымъ порядкомъ, безъ суда и слѣдствія, или, иначе сказать, силою произвола и насилія. «Просите и будетъ вамъ дано», «ищите и найдете», «стучите и будетъ вамъ отворено»—итакъ рѣшились мы безъ устали вездѣ, гдѣ только можно будетъ и куда достигнетъ стонъ нашей жалобы, всюду просить и умолять защитить насъ во имя справедливости и права народовъ исповѣдывать свободно вѣру, такъ какъ чаша нашего терпѣнія слишкомъ переполнена горечью и несправедливостью“.

Очевидно, что усиліями гг. охранителей создано нѣсколько сотъ энергическихъ защитниковъ свободы вѣроисповѣданія, которые своими несчастіями и претерпѣнными гоненіями указываютъ, какъ нужно отстаивать свои убѣжденія, свои вѣрованія. Нужно думать, что ихъ примѣръ не пропадетъ даромъ для жителей Херсонской губерніи, среди которыхъ, какъ пишутъ греко-уніяты, быстро распространяются штундизмъ и молоканство. Этого ли добивались гг. охранители? Можетъ быть намъ скажутъ, что все-таки наша церковь пріобрѣла въ Сѣдлецкой губерніи много новыхъ членовъ и что этого достаточно, чтобы оправдать дѣятельность гг. охранителей. Правда, оффиціально число членовъ православной церкви увеличилось, и подлежащее начальство получило должныя награды; но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число лицъ, враждебно относящихся къ православію, хотя, и подчинившихся ему „страха ради іудейска“. Самый фактъ подчиненія чужимъ вѣрованіямъ, въ силу одного принужденія, только мертвитъ религіозное чувство народа, дѣлаетъ его индифферентнымъ къ вѣрованіямъ вообще, но не можетъ уничтожить того враждебнаго настроенія къ православію, которое будетъ передаваться изъ рода въ родъ, постоянно проявляясь уходомъ самыхъ религіозныхъ людей въ разнаго рода расколы. Религіозный индифферентизмъ, который успѣли внѣдрить въ сердца греко-уніатовъ наши охранители, всегда будетъ сопровождаться инстинктивной враждой къ православію, такъ что наша церковь въ лицѣ уніатовъ пріобрѣла тайныхъ, ,хотя и пассивныхъ, но малодушію, враговъ, всегда готовыхъ покинуть ее при первомъ возбужденіи религіознаго или нравственнаго чувства, которое дастъ возможность бороться съ прирожденнымъ малодушіемъ.

Охранители жалуются, что наша интеллигенція проникнута индифферентизмомъ къ религіи и приписываютъ подобное явленіе то наукѣ, то литературѣ, то соціалистамъ, нигилистамъ и т. п. Всѣмъ извѣстно, что интеллигенція Англіи и Америки отличается отъ нашей бо̀льшею религіозностью, а развѣ тамъ нѣтъ науки, нѣтъ литературы, нѣтъ соціалистовъ.

Въ то время, какъ у насъ цензура сдавливала въ своихъ тискахъ и науку, и литературу, въ Англіи и Америкѣ свободно проповѣдывались всякія анти-религіозныя ученія. Почему же, спрашивается, тамъ при полной свободѣ они имѣютъ меньше успѣха, нежели у насъ, при полномъ почти отсутствіи ея? Намъ кажется, что единственымъ объясненіемъ подобнаго явленія можетъ служить только то, что у насъ религія находится подъ покровительствомъ свѣтской власти, пытающейся помочь ей насиліемъ надъ совѣстью вѣрующихъ. На Западѣ вѣрующій, побуждаемый прирожденнымъ религіознымъ чувствомъ и руководимый пріобрѣтенными знаніями, самъ творитъ образъ того божества, которому онъ поклоняется. Никто не стремится насиловать его религіозныя представленія, понимая, что они вполнѣ зависятъ отъ комбинаціи религіознаго чувства съ знаніями человѣка [1]). Неудивительно, что религіозное чувство,

[1]) „Теологи, говоритъ Льюисъ, справедливо приписываютъ вѣру и невѣріе нравственнымъ предрасположеніямъ, и утверждаютъ, что религіозное убѣжденіе зависитъ главнымъ образомъ отъ религіознаго чувства. Но они несправедливо предполагаютъ, что религіозное чувство можетъ быть возбуждено доказательствами или создано, когда его нѣтъ, усиліями воли“ (Д. Г. Льюисъ. Вопросы о жизни и духѣ. Т. I. стр 460). Знаменитый психологъ Вундтъ, какъ извѣстно, тоже признаетъ. существованіе религіознаго чувства, подобно Гер. Спенсеру. (Основаніе физіологической психологіи. Вильг. Вундта. Стр. 897).

не атрофируемое насиліемъ надъ совѣстью вѣрующаго, надолго сохраняется и понуждаетъ творить чисто религіозныя представленія даже у такихъ лицъ, которыя, по нашимъ русскимъ понятіямъ, стоятъ выше ихъ по своимъ познаніямъ. Разумѣется, что религіозныя представленія этихъ лицъ сильно отличаются отъ традиціонныхъ, но все-таки они относятся къ области религіи.

Иначе идетъ дѣло у насъ. У насъ нѣтъ свободы совѣсти, свободы вѣроисповѣданія. Вотъ что говоритъ про православіе раскольникъ: „Такъ-называемая православная вѣра есть вѣра казенная, гражданская, не на живомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная и служащая однимъ изъ орудій правительству для поддержанія порядка“ [1]). Въ одномъ изъ нумеровъ „Тверскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1881 г. напечатанъ указъ тверской духовной консисторіи слѣдующаго содержанія: Св. Синоду было донесено, что нѣкоторые новобранцы давно не были на исповѣди; объ этомъ Синодъ сообщилъ между прочимъ и тверской консисторіи, предлагая принять мѣры, указанныя въ законѣ, между прочимъ—*отправлять виновныхъ въ полицію для наказанія*. Консисторія, въ свою очередь, предлагаетъ эту мѣру приходскимъ священникамъ.

Только у насъ и возможны подобные указы. Ихъ диктуетъ полный индифферентизмъ къ дѣламъ православія и религіи. Какое дѣло духовному бюрократу, что подобные указы или вызываютъ энергическую вражду къ православію, или распространяютъ индифферентизмъ, служащій почвой для того легкаго и непрочнаго атеизма, который распространенъ у насъ и который легко переходитъ, при первомъ возбужденіи религіознаго чув-

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 года. № 4. Статья Аксакова. стр. 633.

ства, въ спиритизмъ, богочеловѣчество и тому подобныя явленія. Какое дѣло духовному бюрократу до того, что онъ своими насиліями надъ совѣстью вѣрующаго прямо разлагаетъ основу всякой религіи—религіозное чувство. Ему нуженъ извѣстный религіозный порядокъ, и ничего больше. Неудивительно, что наша интеллигенція менѣе религіозна, нежели другія. Усиліями бюрократовъ ея религіозное чувство разложено до возможной степени, до степени полнаго индифферентизма. И вотъ на такую-то почву падаютъ тѣ же сѣмена науки, какъ и на Западѣ, но даютъ другой плодъ, не нравящійся нашимъ охранителямъ. Вмѣсто того, чтобы понять, что ихъ насилія, ихъ безтактныя дѣйствія во имя одного внѣшняго религіознаго порядка были главными причинами этого явленія, они предпочитаютъ кричать противъ науки и литературы. Оказывается, что во всемъ виноватъ Дарвинъ или Геккель, Бюхнеръ или Писаревъ, а то и всѣ литераторы-прогрессисты.

Пора уже намъ привести въ дѣло истину, всѣми нами признаваемую, что принудительными мѣрами поддерживается только внѣшность церкви, а не ея сокровенное содержаніе. Жертвовать содержаніемъ ради формы—значитъ губить въ концѣ концовъ то, что желаешь охранить. Человѣкъ не можетъ вѣрить по принужденію; энергичныя страстныя натуры отвѣчаютъ на принужденіе фанатическимъ протестомъ, не преклоняющимся ни предъ чѣмъ; малодушныя и робкія—впадаютъ въ индифферентизмъ и лицемѣрно исполняютъ то, что отъ нихъ требуютъ. Но въ обоихъ случаяхъ мы не видимъ хорошихъ результатовъ принужденія. Исторія борьбы православія съ расколомъ вполнѣ подтверждаетъ этотъ выводъ. Два столѣтія тому назадъ небольшая группа людей, состоящая по преимуществу изъ духовныхъ, под-

няла знамя религіознаго раскола. Они подверглись преслѣдованіямъ, пыткамъ и казнямъ. „Чудо! восклицалъ одинъ изъ нихъ, какъ-то въ познаніе не хотятъ пріити; огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые-то апостолы научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить“ [1]). Эти страстныя слова не смутили враговъ раскола,—преслѣдованія и стѣсненія продолжались. Но что же мы видимъ? Расколъ, несмотря на всѣ преслѣдованія, ростетъ и развивается, хотя этотъ процессъ и совершается тайно отъ глазъ начальства. Основательно-ли думать остановить развитіе раскола какими-нибудь мелкими стѣсненіями, если оно не было остановлено всѣми ужасами прежнихъ мѣръ? Принудительныя мѣры будутъ только окружать ореоломъ мученичества нѣкоторыя секты, которыя и будутъ пополнятся энергическими, страстными натурами. Правда, робкіе и малодушные могутъ быть удержаны, но кому-же это нужно? Они удержатся цѣною разложенія ихъ религіознаго чувства; имъ насильно привьется полный индифферентизмъ къ религіознымъ вопросамъ. Ради охраненія внѣшнихъ формъ убивается все то, что служитъ сутью этой формы.

Истинное религіозное чувство поддерживается только полной свободой вѣроисповѣданія. Насъ, русскихъ, удивляютъ американцы своею религіозностью, но мы забываемъ, что они вѣрятъ, во что хотятъ. Народъ никогда и нигдѣ не можетъ обойтись безъ религіозныхъ системъ, онѣ удовлетворяютъ его умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Закрывать человѣку возмож-

---

[1]) «Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное». Стр. 93

ность удовлетворить этой потребности вредно не только потому, что это разрушаетъ религіозное чувство, но и потому, что губитъ народное мышленіе, удерживая его отъ обработки разныхъ нравственныхъ и другихъ вопросовъ. Религія—философія народа.

Если бы наши охранители заботились о религіи, а не объ извѣстной формѣ внѣшняго религіознаго порядка, они должны были бы прежде всего позаботиться о воспитаніи религіознаго чувства. Всякое насиліе мѣшаетъ развитію религіознаго чувства, подобно тому, какъ мѣшаетъ развитію и другихъ чувствъ; недаромъ пословица говоритъ: насильно милъ не будешь. Только полная свобода религіозныхъ вѣрованій поддерживаетъ и развиваетъ религіозное чувство; оттого-то американцы и оказываются болѣе религіозными, нежели мы, русскіе. Нашъ религіозный индифферентизмъ, какъ кажется, очень нравится духовнымъ бюрократамъ, ибо даетъ возможность продѣлывать надъ нашею совѣстью всякаго рода эксперименты; но съ точки зрѣнія духовныхъ интересовъ народа, его нужно считать весьма и весьма вреднымъ явленіемъ, такъ какъ онъ явился результатомъ не развитія, а душевной дезорганизаціи, произведенной вторженіемъ насилія въ душевную область. Одни страстно и энергично отражаютъ это насиліе, сохраняя цѣлость своей душевной организаціи; другіе—слабые—падаютъ подъ бременемъ насилія и превращаются въ индифферентистовъ, людей душевно искалѣченныхъ, ибо ихъ индифферентизмъ выросъ не изъ мозговой работы, а явился какъ результатъ ихъ душевной искалѣченности. Спрашивается, въ чьихъ же интересахъ работаютъ охранители? Во всякомъ случаѣ не въ интересахъ прогресса. Свободное развитіе религіозныхъ вѣрованій такъ же необходимо для сохраненія религіи, какъ и для про-

гресса вообще. Душевная дезорганизація, являющаяся въ видѣ индифферентизма, такъ же враждебна прогрессу, какъ и религіи. Оттого-то дѣятельность прогрессистовъ, считавшихся врагами религіи, обыкновенно шла на пользу религіи. Прогрессисты всегда поддерживали религіозное чувство въ его борьбѣ съ мертвящимъ внѣшнимъ порядкомъ, вполнѣ понимая, что это истинный путь прогресса. Они никогда не увлекались возможностью сѣять религіозный индифферентизмъ путемъ бюрократическихъ насилій, чувствуя, что этотъ индифферентизмъ враждебенъ не только религіи, но и прогрессу вообще. Такимъ образомъ интересы религіи и прогресса вполнѣ совпадаютъ,—этимъ только и можно объяснить враждебную дѣятельность охранителей противъ религіи.

ГЛАВА XIII.

Либерализмъ и народничество.

Въ послѣднее время у насъ часто повторяютъ, что въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ партій. Дѣйствительно, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать то, что считаетъ партіей англичанинъ или французъ, то нужно согласиться, что у насъ никакихъ партій нѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть, что у насъ существуютъ зачатки партій,—такъ-сказать, куколки партій, могущія превратиться въ настоящія партіи. И нѣтъ сомнѣнія, что день превращенія этихъ куколокъ въ бабочки будетъ днемъ разочарованія для многихъ мечтателей, днемъ освобожденія отъ страха измѣнъ въ собственномъ лагерѣ культурнаго класса у многихъ охранителей. Куколки имѣютъ то неудобство, что при поверхностномъ осмотрѣ трудно отличить голубой цвѣтъ отъ сѣраго или краснаго; очень часто всѣ онѣ идутъ за красныхъ и пугаютъ напрасно робкихъ людей. Теплый солнечный лучъ, который превратитъ эту сѣрую массу куколокъ въ бабочекъ, тѣмъ и хорошъ, что выяснитъ настоящіе цвѣта и избавитъ насъ отъ тщетныхъ

надеждъ и напрасныхъ страховъ. Ночью, говорятъ, всѣ кошки сѣры; ночью не разберешь, кто другъ и кто врагъ. Нѣкоторымъ кажется, что такое положеніе особенно удобно, но это только доказываетъ ихъ слабую вѣру въ себя, въ свою правоту, въ свои убѣжденія. Ясное и рѣзкое выдѣленіе своихъ мнѣній и убѣжденій изъ всей остальной массы мнѣній есть обязанность всякаго, кто вѣритъ въ силу и правоту своихъ мнѣній. Подобное выдѣленіе необходимо для того, чтобы общество остановило свое вниманіе на этой категоріи мнѣній, а разъ это сдѣлано—задача исполнена, истина возьметъ свое, поскольку она истина и поскольку общество способно воспринимать истину. Свѣтильникъ долженъ стоять на виду, не смѣшиваясь съ остальными; смѣшеніе всегда только вредно, хотя имъ и прельщаются весьма часто, имѣя въ виду единство свѣта вообще, какъ средства борьбы съ тьмою. При этомъ забываютъ, что столкновеніе свѣта въ области мысли даетъ часто такіе-же результаты, какъ и столкновеніе свѣта, изучаемаго физиками, а именно темноту. Физики называютъ это явленіе интерференціей свѣта; въ области мысли оно носитъ названіе неясности, неопредѣленности убѣжденій и мыслей, пѣнкоснимательства.

Отчетливое выдѣленіе извѣстной категоріи мнѣній изъ всѣхъ остальныхъ особенно необходимо у насъ, гдѣ эти мнѣнія являются только въ видѣ куколокъ, часто старающихся ради самосохраненія походить на другихъ, менѣе непріятныхъ для глазъ „наблюдателей“. Тутъ, очевидно, инстинктъ самосохраненія бралъ верхъ надъ естественнымъ стремленіемъ показать себя со всѣми своими отличіями, явиться во всемъ разнообразіи своихъ красокъ. Въ этомъ случаѣ ради дальнѣйшаго прозябанія жертвовали многими сторонами своихъ мнѣній, и намъ

кажется, что трудно порицать литературныхъ дѣятелей за эту уловку. Она навязана имъ внѣшними условіями и уничтожится вмѣстѣ съ ними; они стремятся выйти изъ этого ложнаго положенія и при первомъ удобномъ случаѣ дѣлаютъ это такъ или иначе.

Естественное стремленіе къ выдѣленію каждаго мнѣнія изъ всѣхъ остальныхъ, ему родственныхъ, должно быть особенно поощряемо и потому, что у насъ (благодаря тому, что интеллигенція имѣетъ возможность только теоретически обсуждать общественные вопросы) господствуетъ ужасный хаосъ въ наименованіяхъ разнообразныхъ категорій мнѣній. Человѣкъ называетъ себя народникомъ, а по понятіямъ оказывается либераломъ, или наоборотъ; консерваторы очень часто называютъ себя то народниками, то либералами: вообще тутъ господствуетъ полная путаница.

То, что у насъ извѣстно подъ общимъ именемъ „либеральнаго направленія“, главнымъ образомъ состоитъ изъ двухъ элементовъ: собственно „либерализма“ и такъ-называемаго „народничества“. По отношенію къ бюрократизму они вполнѣ солидарны между собою, но во всемъ остальномъ у нихъ нѣтъ ничего общаго. Основная идея либерализма состоитъ въ томъ, что центръ тяжести страны лежитъ *въ культурно-интеллигентныхъ классахъ*, и что эти классы должны оказывать если не исключительное, то во всякомъ случаѣ *преимущественное* вліяніе на ходъ соціальной жизни. Если оставить въ сторонѣ нѣкоторые второстепенные признаки, которыми либерализмъ отличается отъ бюрократизма, то можно сказать, что по своей сущности, и именно въ отношеніи къ массѣ народа, они вполнѣ однородны между собою. И тотъ, и другой одинаково считаютъ необходимымъ мудрить надъ народомъ, устраивать его жизнь

по своему образцу и *насильно* навязывать ему свои идеалы; вся разница тутъ только въ томъ, что бюрократизмъ дѣлаетъ это просто въ силу власти, а либерализмъ прикрывается знаменемъ науки и прогресса, понимаемыхъ имъ, разумѣется, на свой ладъ. Въ этомъ-то основномъ пунктѣ либерализмъ и расходится съ такъ-называемымъ народничествомъ.

Основная точка зрѣнія народничества та, что соціальная жизнь, находясь подъ вліяніемъ *только* культурныхъ классовъ, получаетъ уродливое, искусственное, одностороннее развитіе и направляется на удовлетвореніе потребностей не всей страны, а только однихъ культурно-интеллигентныхъ классовъ. Притомъ-же изобрѣсти путемъ научныхъ изслѣдованій абсолютно-прекрасную общественную форму невозможно, и попытки подобнаго рода уже окончательно отвергнуты соціологіей. Область соціологіи есть по преимуществу область субъективизма, въ которой чувства, мысли и желанія людей играютъ главную роль. Достоинство общественной формы измѣряется не тѣмъ, насколько она приближается къ какому-то научному идеалу, а тѣмъ, насколько она приспособлена къ желаніямъ живыхъ личностей, составляющихъ данное общество. Самая прекрасная форма будетъ гибельна для общества, если она не соотвѣтствуетъ желаніямъ его членовъ, ибо въ этомъ случаѣ она можетъ держаться только насиліемъ, которое представляетъ собою начало развращающее и разрушающее. Многіе ошибочно думаютъ, что уважать мысль народа значитъ— подчиняться народу во всемъ, раздѣлять все его міросозерцаніе, вѣрить въ домовыхъ и лѣшихъ, признавать истиной, что земля стоитъ на трехъ китахъ и т. п. Это очевидная нелѣпость. Народничество есть ученіе *объ обществѣ*, а потому и его построенія касаются только об-

ласти *соціологіи*. Этимъ мы не хотимъ сказать, что народная мысль должна признаваться несостоятельной во всемъ, что выходитъ изъ области соціологіи. Напротивъ, многія познанія нашихъ крестьянъ—напримѣръ, агрономическія—гораздо обширнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, но все-таки, когда идетъ рѣчь о народничествѣ, какъ *направленіи*, то слѣдуетъ помнить, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ собственно область соціологіи, а не что-либо иное.

Мы уже говорили, что уваженіе къ народной мысли въ области соціологіи отнюдь не обусловливаетъ собою полнаго подчиненія большинству меньшинства. Напротивъ, всякое меньшинство должно имѣть право на самостоятельное устройство своихъ дѣлъ, насколько это не идетъ въ разрѣзъ съ справедливыми требованіями большинства. Нашъ народъ мало интересуется, напримѣръ, высшимъ образованіемъ и наукой; потому и рѣшеніе этихъ вопросовъ должно зависѣть не отъ него, а отъ того меньшинства, которое ими живетъ и которому они дороги,—хотя, разумѣется, при такой постановкѣ дѣла и матеріальное содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній должно падать главнымъ образомъ на это-же меньшинство. Вообще *не о подчиненіи* культурныхъ классовъ народу хлопочутъ народники, а о предоставленіи простора развитію *всѣхъ* группъ народа, насколько, конечно, это возможно при необходимомъ согласованіи интересовъ всѣхъ во имя обще-народнаго благополучія.

Для болѣе полнаго уясненія упомянутыхъ нами направленій оглянемся назадъ и посмотримъ на тѣ теченія нашей общественной мысли, которыя были ихъ первообразами.

Русское общество давно уже готовится къ реформамъ, и онѣ не застанутъ его врасплохъ. Обществен-

ная мысль, въ качествѣ всегдашняго піонера соціальныхъ реформъ, давно уже изыскивала лучшій путь для нихъ. Но такъ какъ наше общество, какъ и вообще всѣ современныя общества, состоитъ изъ различныхъ слоевъ, интересы которыхъ не вполнѣ солидарны, то, понятно, и общественная мысль должна была расколоться, пойти по разнымъ путямъ. Всѣ струи общественной мысли, имѣющія въ виду благо общества, а не отдѣльныхъ лицъ, могли быть сгруппированы, еще въ недавнее время, въ два направленія: юридическое и экономическое. Оба эти направленія нѣсколько односторонни, по нашему мнѣнію, и каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ только половину правды.

Подъ названіемъ «юридическаго» направленія мы подразумѣваемъ то, которое указываетъ на увеличеніе объема правъ русскихъ гражданъ, какъ на панацею отъ всѣхъ золъ русской земли. Экономическіе вопросы отодвигаются послѣдователями этого направленія на второй планъ; по ихъ мнѣнію, прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о правахъ личности и объ общественныхъ гарантіяхъ этихъ правъ. Основой общественной гарантіи правъ личности они—и вполнѣ справедливо—считаютъ участіе общественнаго мнѣнія въ государственныхъ отправленіяхъ. Но, къ сожалѣнію, вопросъ о формѣ, въ которой общественное мнѣніе должно принять участіе въ государственной дѣятельности, не можетъ быть выясненъ, благодаря «независящимъ обстоятельствамъ». Несомнѣнно одно, что эта-то туманность и привлекала многихъ къ этому направленію. Каждый воленъ подразумѣвать что хочетъ подъ словами «общественное мнѣніе». Одинъ подразумѣваетъ подъ нимъ мнѣніе лицъ, получившихъ отъ государства свидѣтельство объ окончаніи извѣстнаго курса наукъ. Другой

думаетъ, что дѣло совсѣмъ не въ наукахъ, а въ толстомъ карманѣ: цензъ—любимое словечко этихъ господъ. Они стараются доказать, что только люди состоятельные достойны быть выразителями «общественнаго мнѣнія», что только они имѣютъ досугъ для размышленій и искренно стремятся къ сохраненію общественнаго порядка. Бѣднякъ, говорятъ они, легко увлекается фантастическими вымыслами и ради осуществленія ихъ готовъ жертвовать существующимъ общественнымъ порядкомъ; онъ ничего не можетъ проиграть, а потому всегда надѣется выиграть. Третьи утверждаютъ, что эта готовность бѣдняка на всякія жертвы легко можетъ быть устранена, если въ общественномъ мнѣніи будетъ выражаться коллективная мысль вообще всего народа. Защитники этого воззрѣнія утверждаютъ, что «цензовики» отнюдь не могутъ выражать собою „общественное“ мнѣніе, а только мнѣніе одного класса, и что ихъ мнѣнія идутъ очень часто въ разрѣзъ съ интересами, какъ общества, такъ и государства. Послѣдователи этого воззрѣнія скорѣе готовы разстаться съ завѣтной мыслью объ участіи общественнаго мнѣнія въ государственной дѣятельности, нежели допустить, чтобы оно выражалось „цензовиками“. Если они ставятъ экономическіе вопросы на второй планъ, такъ только потому, что путь увеличенія объема правъ личности считаютъ самымъ короткимъ путемъ къ благосостоянію массъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что „цензовики“ способны только исказить государственную дѣятельность и направить ее къ закрѣпленію бѣдности и экономическаго рабства.

Очевидно, что струи „юридическаго“ направленія совсемъ не однородны и быстро вступили бы въ борьбу другъ съ другомъ, если-бы надъ ними не тяготѣли „независящія обстоятельства“. Теперь же эти разнород-

ныя струи находятся въ кажущемся единеніи, что и придало юридическому направленію тотъ импонирующій видъ, который оно пріобрѣло въ послѣднее время. Но съ уменьшеніемъ давленія „независящихъ обстоятельствъ“, когда каждый долженъ будетъ выяснить детально свои общественные идеалы, всплывутъ наружу рѣзкія отличія, которые кроются въ существѣ этихъ разнородныхъ струй, сдавленныхъ пока въ одно теченіе.

Второе направленіе общественной мысли названо нами экономическимъ. Придерживающіеся этого направленія утверждаютъ, что въ основаніи человѣческаго счастія лежитъ *экономическая независимость* и благосостояніе. По ихъ мнѣнію, безъ экономической независимости всѣ юридическія права личности теряютъ всякое значеніе, дѣлаются просто фикціей, красивой игрушкой. Подобно Исаву, бѣднякъ долженъ уступать свои права за чечевичную похлебку нашего времени— рабочую плату, едва дающую ему возможность не умирать съ голоду и поставлять потребное для капиталистовъ число рабочихъ рукъ. Для человѣка работающаго по 16 часовъ въ сутки, у котораго не хватаетъ времени думать о чемъ бы то ни было, кромѣ насущнаго хлѣба, не имѣютъ никакой цѣны всѣ юридическія права. Ими воспользуются тѣ, кто держитъ рабочаго въ экономическомъ рабствѣ, и воспользуются только ради собственныхъ цѣлей, т. е. для вящаго закрѣпленія этого рабства. Юридическій бытъ народовъ есть только внѣшняя оболочка экономическаго быта, а потому тщетны всѣ усилія внести принципы равенства и свободы въ юридическій бытъ, оставляя въ то же время принципы рабства основой быта экономическаго. Преобразованіе экономическаго быта есть необходимое условіе, предшествующее дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ пре-

образованіямъ юридическаго. Реформы юридическаго быта, удовлетворяя насущныя потребности интеллигенціи, главнымъ образомъ стремящейся къ свободѣ мысли, могутъ быть очень вредны для народныхъ массъ тѣмъ, что, умиротворяя интеллигенцію, отвлекаютъ ее отъ внимательной критики существующаго порядка. Когда не удовлетворены потребности самой интеллигенціи, она, недовольная существующимъ общественнымъ порядкомъ, чутче относится ко всѣмъ недовольнымъ голосамъ и беретъ ихъ подъ свое покровительство,—этимъ и объясняется та внимательность русской интеллигенціи къ экономическому вопросу, какой мы не видимъ въ западно-европейскихъ интеллигенціяхъ. Всѣ мечты объ общественныхъ гарантіяхъ правъ личности, такъ обольстительныя для насъ въ отвлеченіи, въ дѣйствительности, при существованіи экономическаго рабства, превратятся въ гарантіи правъ только экономически сильныхъ личностей. Поэтому устраненіе экономическаго рабства необходимо прежде всего. Когда оно исчезнетъ тогда по необходимости исчезнетъ и неравенство юридическое, такъ какъ оно составляетъ только наружную оболочку неравенства экономическаго. На нынѣшней же экономической почвѣ можетъ выростать только такой юридическій бытъ, къ которому стремятся „цензовики„, изо всѣхъ силъ старающіеся затормозить развитіе экономическихъ формъ.

Таковы были основы двухъ направленій общественной мысли. Повторяемъ—по нашему мнѣнію, каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Но правда ихъ узка и односторонняя. Они указываютъ на извилистый, узкій путь, тогда какъ передъ нами лежитъ прямая дорога. Каждое изъ нихъ беретъ одну сторону народной жизни подъ свое покровительство и

считаетъ только эту половину основной. Человѣческая личность берется не во всей ея цѣлости, а разсматривается только съ одной стороны. А между тѣмъ для всякаго изъ насъ необходимо удовлетвореніе, какъ своихъ правовыхъ, такъ и экономическихъ потребностей въ каждое данное время. Наша экономическая и правовая жизнь такъ тѣсно переплетены другъ съ другомъ, находятся въ такой зависимости одна отъ другой, что мы необходимо должны считаться съ этой связью при всякихъ соображеніяхъ о нашемъ соціальномъ бытѣ. Напрасно старались бы мы давать преимущество той или другой сторонѣ нашей жизни,—все это можетъ только тормозить ея правильный ходъ. Если жалкая экономическая жизнь народа обезцѣниваетъ въ его глазахъ прелесть юридической свободы, то вмѣстѣ съ тѣмъ безъ нея и экономическое благосостояніе будетъ непрочнымъ и скоро сдѣлается фиктивнымъ.

Мы вполнѣ признаемъ опасности односторонней юридической реформы, на которыя указывало экономическое направленіе. Но, по нашему мнѣнію, изъ этого ье слѣдуетъ, что юридическія реформы не нужны. Онѣ должны только сопровождаться такой экономической реформой, которая бы вырвала съ корнемъ всякую возможность наложить экономическія цѣпи на большинство народа. А что юридическія и экономическія реформы могутъ идти рука объ руку, это доказалъ фактъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ.

Утвержденія экономическаго направленія, что юридическій бытъ есть результатъ экономическихъ общественныхъ силъ, опровергается въ исторіи на всякомъ шагу. Если экономическія силы оказываютъ могущественное вліяніе на складъ общественныхъ формъ, то не меньшее вліяніе на нихъ имѣютъ и юридическія силы.

Правовыя привиллегіи однихъ и безправіе другихъ постоянно ведутъ къ тому, что экономическія блага распредѣляются неравномѣрно. Юридическія силы несомнѣнно имѣютъ такое же самостоятельное вліяніе на общественныя формы, какъ и экономическія; а потому было бы непростительно не обращать вниманія на юридическій бытъ народа. Надѣяться на саморазвитіе экономическихъ формъ, отказаться отъ воздѣйствія на нихъ путемъ правоваго порядка можно только въ теоріи, а отнюдь не въ дѣйствительной жизни. Мы смѣло можемъ вступать на дорогу юридическихъ реформъ, если въ тоже время вступимъ и на дорогу экономическаго освобожденія народа. Это послѣднее будетъ нейтрализировать все то зло, которое можетъ произойти при одной юридической реформѣ, и мы въ концѣ концовъ сдѣлаемъ шагъ впередъ по пути правоваго освобожденія, не оплачивая его, какъ это было на Западѣ, экономическимъ рабствомъ народа.

Экономическія реформы большею частью направлены на поднятіе благосостоянія массъ; нашихъ эгоистическихъ интересовъ онѣ или не касаются, или идутъ въ разрѣзъ съ ними. Только духовныя потребности наши, въ родѣ желанія дѣйствовать на благо своей страны, своего народа и вообще человѣчества, двигаютъ насъ на дѣйствія въ пользу этихъ реформъ. То обстоятельство, что въ нашей литературѣ не переставали раздаваться голоса въ пользу необходимости улучшенія экономическаго положенія массъ, указываетъ, что въ русской интеллигенціи, или, правильнѣе сказать, *въ извѣстной части ея*, никогда не угасалъ духъ любви къ человѣчеству. Но если мы сравнимъ число этихъ голосовъ съ тѣмъ единодушнымъ хоромъ, который поддерживаетъ необходимость улучшенія условій нашей юридической жизни,

то замѣтимъ его сравнительную незначительность. Дѣло въ томъ, что необходимость провѣтрить условія, окружающія нашу юридическую жизнь, составляетъ *общую* потребность какъ массъ, такъ и интеллигентно-культурнаго класса. Работать въ этомъ отношеніи побуждаютъ насъ не только наши альтруистическія чувства, но и эгоизмъ. Можно сказать даже, что интеллигентно-культурный слой больше народа заинтересованъ въ улучшеніи условій нашей юридической жизни, такъ какъ онъ не испытываетъ тѣхъ экономическихъ нуждъ, которыя отодвигаютъ въ глазахъ народа на второе мѣсто эти улучшенія; въ настоящее, бѣдственное въ экономическомъ отношеніи время, на *первомъ планѣ* для народа стоитъ только то, что тѣсно связано съ экономическимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ послѣднемъ заключено и удовлетвореніе многихъ духовныхъ потребностей. Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было стремиться только къ удовлетворенію тѣхъ потребностей, которыя стоятъ на первомъ планѣ. Есть мѣста и группы народа, въ которыхъ экономическая нужда не дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ; тамъ мы видимъ такую же настоятельность въ стремленіи народа улучшить условія своей юридической жизни, какая видна и въ интеллигентно-культурномъ слоѣ.

Такимъ образомъ мы вправѣ сказать, что интеллигенція, стремясь удовлетворить своимъ собственнымъ потребностямъ, дѣлаетъ общее дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не должна забывать и того, что потребности народа шире ея собственныхъ и что стремленіе къ ихъ удовлетворенію не менѣе обязательно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ея интересы сходятся съ народными. Интеллигентно-культурный классъ не долженъ ставить на первый планъ только ту, или другую реформу;

онѣ обѣ—равно обязательны и равно необходимы, такъ какъ поддерживаютъ другъ друга и, находясь въ отдѣльности, будутъ влачить самое жалкое существованіе. „Не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“, но и безъ хлѣба жить нельзя. Вопросъ о свободѣ слова, напримѣръ, не есть только вопросъ интеллигентно-культурнаго слоя, это вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ вполнѣ народный; мы утверждаемъ это, хотя такое утвержденіе и можетъ показаться съ перваго взгляда парадоксальнымъ. Дѣло въ томъ, что свобода слова, свобода печати есть необходимое условіе духовной свободы вообще, а слѣдовательно и религіозной въ частности. А что свобода вѣроисповѣданія составляетъ одно изъ требованій всего русскаго народа,—въ этомъ, кажется, теперь уже непозволительно сомнѣваться. Въ Россіи существуетъ отъ 13 до 14 милліоновъ разнаго рода раскольниковъ; думать, что они являются противниками свободы вѣроисповѣданія,—абсурдъ. Всякій изслѣдователь раскола знаетъ, что однимъ изъ основныхъ требованій всѣхъ сектъ есть свобода вѣры; они постоянно указываютъ на ненормальность вмѣшательства гражданскихъ властей въ эту область и требуютъ устраненія всякаго рода стѣсненій пропагандѣ религіозныхъ идей. Религіозное броженіе особенно усилилось отъ толчка, даннаго духовной жизни народа освобожденіемъ отъ крѣпостного состоянія. Всякое религіозное броженіе прежде всего стремится къ распространенію, къ пропагандѣ устнымъ и письменнымъ словомъ. Свобода слова—необходимое орудіе всякой религіозной пропаганды; правда, она очень часто обходится и безъ свободы слова, но въ такомъ положеніи бываютъ и вообще всякаго рода идеи. Онѣ прокладываютъ себѣ дорогу сквозь тѣ многочисленныя и невидимыя щели, которыя не въ силахъ законопатить

никакое государство; но никогда подобная контрабандная пропаганда не удовлетворяетъ пропагандистовъ и ихъ слушателей; всегда они стремятся выйти изъ этого положенія на широкую и безопасную дорогу свободнаго распространенія своихъ идей, всегда свобода слова является главнымъ требованіемъ народонаселенія во время религіозныхъ броженій. Разумѣется, нельзя сказать, чтобы свобода вѣроисповѣданія была главнымъ желаніемъ русскаго народа,—есть у него болѣе настоятельныя и болѣе *общія* желанія и требованія, но несомнѣнно все-таки и то, что свобода вѣры находится въ числѣ первыхъ его нуждъ. Если нашъ народъ стремится прежде всего удовлетворить своимъ экономическимъ потребностямъ, то это вполнѣ понятно; безъ этого немыслимо удовлетвореніе какихъ-бы то ни было нравственныхъ потребностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стремится и къ духовному возрожденію, къ духовной жизни,—это доказывается лучше всего, какъ мы уже говорили, тѣмъ религіознымъ броженіемъ, которое охватило Россію.

Стремленіе удовлетворить духовную жажду приводитъ обыкновенно нашего крестьянина къ тѣмъ невидимымъ, скрытымъ отъ глазъ оффиціальнаго міра, ключамъ, которые издавна питали духовную жизнь русскаго народа. Но удовлетворять открыто свою духовную жажду онъ и до сихъ поръ не смѣетъ,—это, какъ извѣстно, очень строго наказывается. Тутъ-то онъ и познаетъ всѣ неудобства отъ отсутствія свободы распространенія идей, съ этой минуты онъ является противникомъ стѣсненій этой свободы. Онъ основываетъ тайныя типографіи, въ тысячахъ экземплярахъ рукописныхъ копій распространяетъ свои «цвѣтники», т. е. нѣчто вродѣ нашихъ бывшихъ альманаховъ; онъ страстной словесной рѣчью, раздающеюся гдѣ нибудь въ мужицкой хатѣ, пріучаетъ сво-

ихъ слушателей къ свободной критикѣ всего окружающаго. Думать, что все это продѣлывается инстинктивно, безъ мысли о свободѣ слова, о ея необходимости, о ея справедливости, могутъ только тѣ, кто съ озлобленнымъ упорствомъ рѣшилъ видѣть въ нашемъ крестьянинѣ скота, а не человѣка. Нѣтъ, стремленіе къ религіозной пропагандѣ необходимо наталкиваетъ на мысль о свободѣ слова и печати. Правда, какой-нибудь немолякъ или штундистъ совершенно не заботится о запрещеніи „Русской Правды“ или о пріостановкѣ печатанія объявленій въ „Порядкѣ“, но тутъ только долгъ платежомъ красенъ. Много-ли наша печать заботилась и заботится объ интересахъ раскольниковъ? Да и знаетъ-ли она вообще, что такое расколъ? Когда она заговариваетъ о свободѣ слова, то несомнѣнно думаетъ въ это время только о себѣ и о своей великой миссіи; она—представительница идей культурно-интеллигентнаго класса, а не народа вообще. Неудивительно, что и интеллигенція народа, такъ-же равнодушно, съ тѣмъ-же презрѣніемъ, относится къ ней и не знаетъ ея. Тутъ происходитъ обоюдное непониманіе, обоюдное игнорированіе. Но было бы вполнѣ несправедливо выводить изъ этого факта, что раскольникъ индифферентно относится къ свободѣ печати вообще, какъ несправедливо обвинять большинство нашей интеллигенціи въ равнодушіи къ свободѣ распространенія идей, основываясь на ея полномъ равнодушіи къ распространенію религіозныхъ идей въ средѣ народа. Какъ народная интеллигенція — раскольники, — такъ и интеллигенція культурнаго класса одинаково стремятся къ свободѣ слова и идей; они товарищи по своей задачѣ, хотя и не знающіе и игнорирующіе другъ друга. Это печальное недоразумѣніе—результатъ нашей исторіи и не можетъ быть уничтожено по нашему желанію; пройдетъ, можетъ быть,

много лѣтъ, пока оба элемента поймутъ другъ друга. А пока намъ пора понять, что свобода идей, требуемая въ настоящее время народомъ, самымъ тѣснымъ образомъ связана съ свободой идей вообще, и что, работая на эту свободу, мы дѣлаемъ вполнѣ народное дѣло, хотя и не первостепенное, такъ какъ несомнѣнно, что на первомъ планѣ стоитъ у народа не этотъ вопросъ, а земельный. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ слова, будучи первостепеннымъ съ точки зрѣнія интеллигенціи культурнаго класса, является второстепеннымъ, хотя вполнѣ современнымъ, съ точки зрѣнія народа. Превратить этотъ вопросъ въ единственно современный вопросъ, это значитъ *подмѣнить* народныя требованія своими культурно-интеллигентными, чѣмъ обыкновенно и занимаются либералы.

Съ народнической точки зрѣнія было бы преступно забывать о самыхъ кровныхъ нуждахъ народа,—ставить весь прогрессъ русской жизни въ зависимость отъ правъ интеллигенціи культурнаго класса, которая никогда и нигдѣ не отождествляла свои интересы съ народными, а, наоборотъ, всегда замѣняла народные интересы своими. Если часть ея и дѣйствовала по другимъ основаніямъ, такъ это именно благодаря твердому убѣжденію, что *эгоистическіе интересы всегда руководятъ интеллигентной массой* и что поэтому и права ея никогда не должны предпочитаться общенароднымъ. Либерализмъ всегда требовалъ подчиненія народныхъ массъ культурно-интеллигентнымъ классамъ общества и дѣлалъ это будто бы во имя счастія самого народа,—тутъ невольно вспомнишь бюрократію, которая мудрила надъ народомъ тоже подъ знаменемъ просвѣщеннаго, культурнаго воздѣйствія на невѣжественныя, дикія массы народа. Не довольствуясь той нравственной силой, ка-

кую даетъ людямъ истинное знаніе и просвѣщеніе, либералы хотятъ закрѣпить за собою господство надъ народомъ посредствомъ юридическихъ учрежденій. А такое закрѣпленіе поразило бы Россію величайшими бѣдствіями. Даже бюрократія никогда не можетъ такъ вредно дѣйствовать на экономическую будущность народа, какъ та часть общества, тѣ либералы, которые на Западѣ носятъ названіе буржуазіи и аристократіи. Бюрократія мало враждебна, по своимъ принципамъ, правильному экономическому строю, хотя своими мудрованіями и хищеніями сильно вредитъ ему; буржуазія же, совокупно съ аристократіей, въ самомъ принципѣ враждебны *экономической независимости* трудящихся классовъ и всегда и всюду неуклонно дѣйствуютъ въ этомъ духѣ. Что же мы выиграли бы отъ замѣны бюрократизма *общественной* свободой?.. По нашему мнѣнію, если браться за улучшеніе нашего общественнаго строя, то нужно хищнымъ инстинктамъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые имѣютъ нѣкоторое сходство съ западной бузжуазіей и аристократіей, отводить наименьшее мѣсто, а не давать имъ полный и безграничный просторъ, какъ требуютъ либералы. Они склонны думать, что экономическая самостоятельность народныхъ массъ будетъ только останавливать повышеніе народнаго благосостоянія и, наоборотъ, экономическая зависимость ихъ отъ культурнаго класса будетъ полезна не только носителямъ культуры, но и народу. Недавно одинъ изъ остзейскихъ бароновъ на страницахъ одной либеральной газеты подсмѣивался надъ экономической независимостью, указывая, что батраки остзейскаго края пользуются большимъ благосостояніемъ, нежели русскіе крестьяне, будто-бы пользующіеся экономической независимостью. Лживыя натяжки этихъ ландлордскихъ со-

ображеній разбиваются въ прахъ общеизвѣстными фактами страстныхъ желаній остзейскихъ батраковъ имѣть поземельную собственность. Нѣтъ сомнѣнія, что громаднѣйшее большинство нашихъ крестьянъ скорѣе согласится на сокращеніе своихъ матеріальныхъ потребностей, нежели пойдетъ въ батраки, т. е. лишится одного изъ священныхъ правъ личности—экономической независимости, нарушеніе которой ведетъ за собою попраніе и духовныхъ его правъ, превращая политическую независимость въ фикцію. Въ нашей литературѣ можно найти массу свидѣтельствъ, что наши крестьяне жертвуютъ очень большими матеріальными выгодами, ради сохраненія своей экономической независимости. Поэтому-то одна изъ главныхъ задачъ нашего времени и состоитъ въ томъ, чтобы надѣлить трудящихся орудіями производства въ достаточной мѣрѣ и тѣмъ освободить ихъ отъ необходимости прибѣгать къ арендамъ и тому подобнымъ средствамъ. Либералы несогласны съ подобными мнѣніями; они не думаютъ, что экономическая независимость должна считаться настолько-же важнымъ правомъ личности, какъ и политическая. Все, чего они желаютъ въ области экономическаго развитія, можетъ быть формулировано такъ: улучшеніе благосостоянія массъ. Это улучшеніе, по ихъ мнѣнію, можетъ быть достигнуто уменьшеніемъ податной тягости, увеличеніемъ производительности народнаго труда и т. п. средствами, но отнюдь не путемъ предоставленія народу экономической независимости, ибо онъ способенъ только разорить себя, напримѣръ, путемъ хищнической культуры земли.

Мы уже говорили, въ чемъ состоитъ истинное народничество. Теперь мы должны сказать, что напрасно смѣшиваютъ народничество и народолюбіе. Если всякій

народникъ—народолюбецъ, то не всякій народолюбецъ —народникъ. Любовь къ народу, если вѣрить словеснымъ и печатнымъ заявленіямъ, сильно распространена въ нашей интеллигенціи, но нельзя этого сказать про народничество. Подчасъ любовь къ народу бываетъ своеобразна; такъ, напримѣръ, она часто смахиваетъ на любовь къ собакамъ, лошадямъ и т. п. Въ этомъ случаѣ чувство любви смѣшано съ презрѣніемъ, съ желаніемъ покровительствовать и господствовать. Объектъ любви считается невѣжественнымъ и безнравственнымъ скотомъ, не имѣющимъ никакого понятія объ истинныхъ своихъ нуждахъ и потребностяхъ, но... этотъ скотъ, видите-ли, несчастенъ, а потому нѣжное сердце интеллигентнаго человѣка сжимается отъ тоскливаго чувства и онъ готовъ снизойти къ нему для руководства его мыслью, чувствомъ и дѣятельностью. Такихъ народолюбцевъ у насъ очень и очень много; но—они не народники. Народникъ любитъ народъ не потому только, что онъ несчастенъ, а вообще въ силу способности любить людей; онъ *уважаетъ* народъ, какъ коллективную единицу, воплощающую въ себѣ относительно высокій, для нашего времени, уровень справедливости и человѣчности. Отдѣльныя личности могутъ быть глупы и безнравственны, но коллективная мысль и чувство народа, въ области общественныхъ вопросовъ, всегда несоизмѣримо выше отдѣльныхъ мнѣній и чувствъ. Главное положеніе народничества слѣдующее: только коллективная мысль народа можетъ безошибочно опредѣлить, что должно считаться практической общественной задачей нашего времени и каково должно быть ея разрѣшеніе. Къ этому положенію народники пришли путемъ долгаго и упорнаго труда при разрѣшеніи общественныхъ вопросовъ. Много надеждъ, много разочаро-

ваній нужно было пережить для того, чтобы отрѣшиться отъ самонадѣянности, такъ присущей интеллигентнымъ людямъ. Сколько мѣръ, затѣянныхъ интеллигенціей для облагодѣтельствованія мужика, погибло безслѣдно и осуждено теперь ею самою! Двадцать лѣтъ толклись на одномъ мѣстѣ, и гдѣ же въ концѣ концовъ нашли выходъ? Именно въ томъ, на что давно указывала коллективная мысль народа,—въ необходимости разрѣшенія земельнаго вопроса и связанныхъ съ нимъ платежей. Правительственныя комиссіи и ученыя изслѣдованія ясно доказали намъ, что центръ тяжести современной общественной задачи русской жизни—именно тамъ, и нигдѣ больше. Все, что будетъ сдѣлано помимо разрѣшенія этого вопроса, можетъ веселить сердце интеллигентнаго человѣка и удовлетворить нѣкоторымъ второстепеннымъ желаніямъ народа, но все это вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ въ корнѣ подрыть народное благосостояніе. Время не ждетъ и дѣлаетъ свое дѣло, т. е. все больше и больше превращаетъ народъ въ западно-европейскаго пролетарія. Говорить въ такое время о правахъ интеллигенціи, какъ *главной* современной задачѣ, можетъ только бездушный либералъ, у котораго интересы прессы вытѣснили изъ головы интересы народа. Пресса у этихъ людей превращается въ самодовлѣющее божество, на алтарѣ котораго они готовы заклать самые животрепещущіе общественные вопросы. Неужели же такъ трудно совмѣстить желаніе простора для слова и знанія съ желаніемъ разрѣшенія поземельнаго вопроса? Почему одно желаніе должно исключать другое? Впрочемъ, если-бы даже было необходимо дѣлать ныборъ, то народникъ, слѣдуя за коллективной мыслью народа, долженъ предпочесть вопросъ земельный.

Характерная черта народника—предпочтеніе коллективной мысли передъ индивидуальною. Разумѣется, мы говоримъ только объ области общественныхъ вопросовъ; только здѣсь коллективная мысль является лучшимъ и единственнымъ *практическимъ* мѣриломъ истинно необходимаго. При изслѣдованіяхъ природы индивидуальный умъ является піонеромъ знанія и истины; благодаря этому, интеллигенція привыкла смотрѣть на индивидуальный умъ, какъ на лучшее орудіе въ исканіяхъ истины вообще, и перенесла это понятіе и въ практическую область общественныхъ задачъ. Но тутъ она должна была потерпѣть неудачу. Дѣло въ томъ, что истины соціологіи совершенно иного характера, нежели истины естествознанія; эти послѣднія гораздо меньше зависятъ отъ субъективныхъ особенностей людей, нежели первыя. Галилей, изслѣдовавъ вопросъ о вращеніи земли и рѣшивъ его, сдѣлалъ это на основаніи такихъ данныхъ, которыя способны привести всякаго человѣка, обладающаго тѣми же познаніями, къ тому же выводу.

Въ разрѣшеніи практическихъ общественныхъ задачъ не можетъ быть объективныхъ истинъ, равно годныхъ для всякой общественной группы, именно потому, что субъективность играетъ здѣсь бо́льшую роль, нежели въ другихъ областяхъ. Мѣра, вполнѣ годная для одной общественной группы, никуда не годится для другой. Въ одной общинѣ не дѣлятъ луговъ, а сообща косятъ сѣно и уже это послѣднее дѣлять между собою; слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ общины могутъ дѣлать тоже самое, такъ какъ это несомнѣнно выгоднѣе? Нѣтъ, въ другихъ эта же мѣра, если бы она была введена помимо желанія крестьянъ, могла бы быть только невыгодной, благодаря недовѣрію ихъ другъ къ другу,

лѣности на общественной работѣ и т. п. Кто же можетъ скорѣе и вѣрнѣе рѣшить годность или негодность извѣстной мѣры, какъ не сама община? Извѣстная общественная форма можетъ быть сама по себѣ прекрасна, но коллективная мысль можетъ отвергнуть ее, какъ вредную при данныхъ условіяхъ; она можетъ ясно видѣть, что умственный или нравственный уровень развитія личностей, входящихъ въ ея составъ, не допуститъ существованія этой формы или извратить ее до неузнаваемости. Коллективное рѣшеніе, слѣдовательно, является лучшимъ мѣриломъ практической годности общественной формы.

Народникъ, какъ мыслящій и чувствующій человѣкъ, не можетъ не имѣть извѣстнаго идеала общественныхъ отношеній, въ которомъ онъ выражаетъ свои понятія объ истинно справедливыхъ и мудрыхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполнѣ сознаетъ, что этотъ идеалъ не можетъ быть осуществленъ сейчасъ же, и что это осуществленіе будетъ результатомъ медленнаго процесса общественнаго развитія. Такимъ образомъ, идеалъ у него дѣлается путеводной звѣздой, направляющей его въ практической жизни по пути, дѣйствительно ведущему къ обозначенной имъ для себя цѣли. Онъ старается примкнуть къ практической жизненной работѣ и своей дѣятельностью усиливать то теченіе, которое увлекаетъ общество по направленію къ его идеалу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, онъ старается найти въ самомъ окружающемъ его обществѣ такіе элементы, которые шли бы съ нимъ по одной дорогѣ. И вотъ въ своихъ поискахъ этотъ человѣкъ наткнулся на тотъ фактъ, что коллективное міросозерцаніе русскаго народа по общественнымъ вопросамъ указываетъ на самую практичную форму обще-

ственнаго прогресса, и что осуществленіе желаній народа будетъ дѣйствительно ближайшей станціей по направленію къ идеалу. Признавъ этотъ фактъ, онъ сдѣлался народникомъ. Идеалъ не рушился, не исчезъ, онъ такъ и остался путеводной звѣздой; но жизненная практическая работа стала приноравливаться къ осуществленію ближайшей цѣли, которую, какъ мы уже говорили, онъ нашелъ въ общественныхъ идеяхъ русскаго народа. Но изъ того факта, что народникъ признаетъ общественныя идеи народа лучшими опредѣлителями общественныхъ формъ, совершенно не слѣдуетъ заключать, что онъ и свое личное міросозерцаніе, и свою личную жизнь обязанъ подчинять народнымъ воззрѣніямъ. Вѣдь онъ призналъ только ту истину, что *общественныя* формы, въ которыхъ живетъ народъ, должны быть согласованы съ потребностями и взглядами этаго народа; поэтому нечего и говорить, что онъ вправѣ устроивать свою личную жизнь такъ, какъ ему угодно.

Основное убѣжденіе народничества состоитъ въ томъ, что главная задача русской *современной* жизни должна быть рѣшена путемъ воплощенія въ жизнь соціальныхъ истинъ, вполнѣ назрѣвшихъ въ душѣ народа, а не въ дальнѣйшемъ развитіи его міросозерцанія. Въ будущемъ, послѣ того, какъ установится гармонія между общественными формами и воззрѣніями народа, народничество должно потерять свой современный характеръ. Люди, искренно желающіе общественнаго блага, понимающіе вмѣстѣ съ тѣмъ, что общественныя формы должны зависѣть отъ міросозерцанія народа,—обязаны будутъ сосредоточить свое вниманіе главнымъ образомъ на дальнѣйшемъ развитіи мысли, нравственныхъ и общественныхъ чувствъ народа. Собственно говоря, оба про-

цесса общественнаго развитія—развитіе, народнаго міросозерцанія и воплощеніе въ жизнь требованій этого міросозерцанія—должны идти рука объ руку; къ сожалѣнію, мы этого не видимъ въ жизни. Современная русская жизнь отличается именно тѣмъ, что ея общественныя формы сильно отстали отъ народныхъ воззрѣній,—только поэтому и задача современныхъ общественныхъ дѣятелей должна быть сосредоточена главнымъ образомъ на установленіи гармоніи между ними. Разъ это будетъ сдѣлано, то и задача ихъ должна будетъ измѣниться, такъ какъ тогда понадобится уже, по преимуществу, дальнѣйшее развитіе народнаго міросозерцанія. Лучшимъ общественнымъ порядкомъ должно считать такой, при которомъ измѣненіе народнаго міросозерцанія быстро измѣняло бы и общественныя формы; въ подобномъ обществѣ ревнители общественнаго блага могли бы распредѣлить свое вниманіе и дѣятельность вполнѣ равномѣрно между дальнѣйшимъ развитіемъ народныхъ воззрѣній и воплощеніемъ въ общественныя формы ихъ измѣненій. Къ сожалѣнію, у насъ это—невозможно, такъ какъ косность нашихъ общественныхъ формъ есть главное препятствіе развитія русской жизни. Мы не хотимъ всѣмъ этимъ сказать, что дальнѣйшее развитіе чувствъ и ума народа должно быть пріостановлено,—да это и немыслимо сдѣлать. Мы утверждаемъ только то, что *главная* задача русской *современной* жизни состоитъ въ томъ, чтобы лучшая, благожелательная народу, часть интеллигенціи стала подъ знамя народныхъ требованій въ общественной области и помогла бы своею дѣятельностью воплощенію ихъ въ жизнь. При этомъ она не должна забывать и собственныхъ желаній, насколько они, разумѣется, не противорѣчатъ общенародному благу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Вмѣсто предисловія	1
Глава	I. Личность и „законы исторіи“	17
Глава	II. Личность и общественныя формы	29
Глава	III. Умъ и чувство, какъ факторы общественнаго прогресса	40
Глава	IV. Основы нравственности. Этическое ученіе Спенсера	68
Глава	V. Объективная этика русскихъ философовъ . .	91
Глава	VI. Свобода воли. Преступленіе и наказаніе . . .	116
Глава	VII. Національнизмъ, его приверженцы и враги . .	140
Глава	VIII. Капитализмъ и мірское владѣніе.	175
Глава	IX. Правовыя воззрѣнія народа	218
Глава	X. Экономическіе вопросы и духовныя потребности	255
Глава	XI. Интеллигенція и народъ. Интересы науки и высшаго образованія	265
Глава	XII. Кто подрываетъ религію?	290
Глава	XIII. Либерализмъ и народничество.	301

Авторъ проситъ исправить слѣдующія, болѣе важныя, опечатки:

					Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стр.	25	строка	14	снизу.	повернуто	повернуть.
„	35	„	7	„	Нормандіи	Бретани.
„	94	„	11	сверху	Но	Не